

Vicious
PROMISE

M. JAMES

У моей невинной невесты есть выбор, которого... по сути, вовсе нет: выйти за меня замуж или умереть.

Я никогда не хотел жениться, но когда Братва пытается забрать то, что было обещано мне, пришло время заявить права на то, что принадлежит мне.

Я думал, что она будет досадной обузой. Женой, которую я смогу запереть навсегда и забыть о ней после нашей первой брачной ночи, но София Ферретти оказывается самой красивой женщиной, которую я когда-либо видел. Милая и невинная девственница. Слишком хороша для такого безжалостного убийцы, как я... и я здесь не для того, чтобы соблазнять ее, я здесь, чтобы сохранить ей жизнь, держать ее в безопасности от всех на Манхэттене, кто хочет ее смерти. Братва приближается, чтобы забрать ее, и чтобы убить меня. Но они не знают, каким безнравственным я могу быть, когда дело доходит до выполнения моих обещаний.

И я уже поклялся себе в одном. Единственный, кто лишит Софию невинности... буду я.

КНИГА 1

ПОРОЧНОЕ ОБЕЩАНИЕ

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) — t.me/themeofbooks

Переводчик [_Sinelnikova](#)

ПРОЛОГ

СОФИЯ

— Твой отец мертв, София.

Моя мама говорит мне это со своим сильным акцентом, все еще скорее русским, чем американским, несмотря на то, как часто я слышала, как мой отец говорил ей, что ей нужно поработать над тем, чтобы сливаться с толпой. Однако даже в двенадцать лет я знаю, что для моей матери было бы невозможно где-либо слиться с толпой. Она самая красивая женщина, которую я когда-либо видела, стройная и с длинной шеей, как у лебедей, которых мы видим плавающими вокруг озера в Центральном парке во время наших ежедневных прогулок,

голубоглазая и светловолосая, все, чем я не являюсь. Я невысокая и круглая даже для своего возраста, с темными волосами и густыми бровями, как у моего отца.

Мой отец. Мужчина, от которого всегда пахнет ванильным табаком, который каждый день забирает меня домой из школы и катает по кругу, который приносит мне книги, который подбадривает меня каждый день с тех пор, как мне исполнилось восемь, и я решила, что хочу играть на скрипке. Каждый день он спрашивает меня, что нового я узнала, просит показать ему, хотя я знаю, что он очень занят. Должно быть, так и есть, потому что в доме всегда есть мужчины, важного вида мужчины в дорожных костюмах, мужчины, которые неодобрительно смотрят на мою мать и шепчутся с моим отцом.

И вот теперь моя мать говорит мне, что он мертв. Мертв. Это самое ужасное слово, и оно кажется невозможным. Мой отец не может быть мертв, он был слишком полон жизни. Невозможно подумать, что я никогда больше не услышу его неистовый смех, никогда больше не сыграю для него на скрипке, никогда не вдохну насыщенный аромат табака от воротника его рубашки, когда он подхватит меня на руки и закружит.

Я не плачу. Я не могу. Я знаю, что должна. Моя мать плачет, тушь стекает по ее лицу толстыми черными полосами, но горе ощущается как комок в горле, стена в груди, горячая, тяжелая и удушающая. Я не могу в это поверить. Я не буду.

Я не осознаю, что выкрикнула эти слова вслух, пока моя мать не отшатывается, отпуская мои руки ровно настолько, чтобы я могла убежать в свою комнату и захлопнуть за собой дверь. Здесь, я думаю, ничто из этого не сможет меня найти. Ничто из этого не будет реальным. Я беру последнюю книгу, которую мой отец принес мне домой, иллюстрированный экземпляр Сказок Грима, которые, по словам моей матери, были слишком мрачными для двенадцатилетнего ребенка. Мой отец забрал его у меня, а затем, когда она ушла, подмигнул и вернул его обратно.

— Найди хорошее место для тайника, — сказал он мне. — В этой книге есть хороший урок, очень важный.

— В чем дело, папа? — Спросила я, забирая книгу обратно. Обложка была гладкой и новой, страницы все еще хранили запах новой книги. Я не могла дождаться, чтобы вдохнуть это.

Он наклонился, убирая с моего лица выбившуюся прядь волос, и грустно улыбнулся.

— У всех сказок есть темная сторона.

Я еще не читала ее. Но теперь я вцепилась в нее, прижимая книгу к груди, как будто она могла защитить меня, как будто она могла изменить все, что сказала мне моя мать. Здесь, в окружении моих книг, моей скрипки, всего, что было у нас с отцом общим, я могу притвориться, что это неправда.

Но где-то в глубине души я понимаю, что это так.

***

Я даже не могу поверить в это на его похоронах. Даже тогда, когда я вижу его тело в гробу, его заgrimированное восковое лицо и тогда, когда они опускают его в землю, когда все больше важных мужчин в костюмах приходят поговорить с моей бледнолицей матерью, и я слышу имя, которое так часто слышала, когда они приходили к нам домой, Росси. Я подкрадываюсь достаточно близко, чтобы услышать обрывки разговора: вы будете в безопасности... обеспечены... Джованни принял меры предосторожности... Его дочь...

В безопасности от чего? Моя жизнь всегда была безопасной и комфортной, полной радости и любви со стороны обоих моих родителей. Моя мать показывает это по-другому,

она всегда была более стойкой, чем мой отец, более сдержанной. Но они очень любят друг друга, я это знаю. Я вижу это по их лицам, когда они смотрят друг на друга, по тому, как мой отец украдкой целует ее из-за угла, когда они думают, что я не вижу.

Я привыкла подбираться тайком к ним. Как, я когда-нибудь привыкну думать о нем в прошедшем времени? Я не могу этого вынести. Я думаю, что смогу отвлечься от всего этого, когда мы вернемся домой, но наш дом полон людей, одетых в мрачное черное, женщины несут тарелки с запеканкой и утешают мою мать. Я вижу, как женщины искоса смотрят на нее после того, как утешат ее, и шепчутся о ней за ее спиной. Двумичные, как она назвала бы их.

Я ненавижу их всех.

При первой возможности я бегу наверх в свою комнату, намереваясь спрятаться от толпы внизу. Но прошло всего несколько минут, когда раздается стук в мою дверь. Я игнорирую это, но звук приходит снова.

— Уходите! — Крикнула я, ненавидя, как сдавленно звучит мой голос. — Оставьте меня в покое.

Дверь все равно открывается. Входит высокий мужчина, которого я не узнаю, но которого я видела на похоронах с другими мужчинами важного вида. Он очень красив, с густыми усами, одет в шерстяное пальто, которое выглядит дорогим. Он заходит внутрь и закрывает за собой дверь, пригибаясь так, чтобы оказаться на моем уровне.

— Это, должно быть, очень тяжело для тебя, — говорит он тихим голосом. — Ты, наверно, очень любила своего отца.

Я отвожу взгляд. Я не знаю, кто этот человек, но что-то внутри меня нервно звенит при виде его, какой-то инстинкт подсказывает мне, что он опасен. Что-то в нем и в других мужчинах, которые приходят в наш дом, связано с тем, почему мой отец мертв, и почему он больше никогда не вернется домой.

Мужчина глубоко вздыхает.

— Я не виню тебя за то, что ты не хочешь со мной разговаривать. Но я пришел, чтобы принести тебе кое-что. Твой отец передал это мне в ночь своей смерти, для тебя. Прочти это, когда будешь готова. — Он кладет что-то на пол, в нескольких дюймах от меня, как будто я маленькая собачка, которая может укусить, если он подойдет слишком близко. А потом он встает и уходит, не сказав больше ни слова.

Я тянусь за конвертом. Он тонкий и легкий. Сначала я не хочу его открывать. Это последние слова моего отца, обращенные ко мне, последнее, что он когда-либо скажет. До меня начинает доходить, что его действительно больше нет, что никакое притворство не сможет этого изменить, и как только я прочитаю это письмо, все, что от него осталось, действительно будет лежать в грязи кладбища в нескольких милях по дороге, превращаясь в ничто. Поэтому я встаю и кладу письмо в футляр для скрипки. Я читаю его когда-нибудь.

Но пока нет.

Восемь лет спустя

— У тебя снова практика? София, сегодня вечер пятницы. Ради всего святого, поживи немного.

Моя лучшая подруга и соседка по комнате, Анастасия Иванова, облокотившись на стопку подушек на моей кровати, красит ногти в яркий малиновый оттенок.

— Тебе придется снять это перед занятиями в понедельник, — сухо говорю я ей, кивая на бутылочку лака.

Анастасия, или для меня Ана, одна из лучших учениц балета в Джульярде, где я изучаю скрипку. На самом деле мы обе лучшие в своем классе, но на этом сходство заканчивается. Ана от природы блондинка, высокая и невероятно худая, у нее в телефоне список номеров длиной в милю и свидание каждый вечер недели. Я крашу волосы в платиновую блондинку, мой рост чуть ниже 5 футов 6 дюймов, и, хотя я определенно сбросила свою детскую полноту, когда мне исполнилось шестнадцать, у меня все равно больше изгибов, чем у Аны, и, помимо этого, я не могу вспомнить, когда в последний раз была на свидании. У меня никогда не было парня. Ана проводит каждые выходные в элитных клубах Манхэттена, показывая свое поддельное удостоверение личности каждому, кто осмеливается усомниться в ее праве быть там, а я провожу свои выходные, занимаясь дополнительными тренировками с остальной частью секции струнных.

Я никогда не пойму, как она остается кандидатом на роль следующей примы Нью-Йорк Сити Балета, кроме того факта, что она невероятно талантлива. Я видела, как она танцует несколько раз, и каждый раз у меня непременно перехватывало дыхание. Наблюдать за ее танцем, все равно что наблюдать за оживающей сказкой.

У всех сказок есть темная сторона.

На краткий миг я слышу, как слова моего отца эхом отдаются в моей голове, в его глубоком и добром голосе, и дрожь пробегает по моей спине. Я сильно прикусываю губу, чтобы мои глаза не наполнились слезами. Прошло восемь лет, но я все еще не могу слышать голос моего отца в своей голове без желания заплакать.

— Кто-то прошел по твоей могиле? — спрашивает Ана, поднимая на меня взгляд с кисточкой, зависшей у нее над пальцем. — Ты выглядишь так, словно увидела привидение.

— Я в порядке. — Я собираю волосы в хвост, все еще наблюдая за ней. — У твоей учительницы будет припадок, Ана.

— Я сниму лак перед занятиями. — Настаивает она. — Но я не выйду на улицу с голыми ногтями или, что еще хуже, покрашенными в безвкусный бледно-розовый цвет. — Она проводит кисточкой по ногтю на мизинце, закрывает его колпачком, а затем садится, махая рукой в воздухе. — Давай, София, — снова говорит она, ее голос умоляющий. — Мы никогда с тобой никуда не выходим вместе, а это месяц моего рождения.

Я не могу не закатить глаза.

— У тебя нет целого месяца, Ана. Всего один день — Я осторожно укладываю скрипку в футляр, аккуратно кладу смычок рядом с ней и застегиваю молнию. — Я все же пойду с тобой куда-нибудь на твой день рождения. Я обещаю.

— Я бы предпочла, чтобы ты сходила со мной куда-нибудь сегодня вечером. — Она надувает губы, которые покрашены помадой того же оттенка, что и лак для ногтей. — Давай. Ты можешь позаимствовать кое-что из моего шкафа.

— Ничто в твоём шкафу не подойдет мне, — указываю я. — Нет ни малейшего шанса.

— Ты худая, не спорь. То, что у тебя есть сиськи, не значит, что ты не можешь влезть во все, что есть у меня. Есть одно платье, к которому я всегда надеваю бюстгальтер с эффектом пушап, чтобы подчеркнуть их...

— Ана, нет. Я обещала своей группе... — Затем мой телефон оживает, и я ныряю за ним, прежде чем Ана успеет взять его с тумбочки. Предварительный просмотр текста на экране заставляет мое сердце замереть.

Ана замечает выражение моего лица, прежде чем я успеваю его смягчить.

— Они все отменили, не так ли? — Торжествующе спрашивает она. — Теперь ты должна пойти со мной.

Я отчаянно пытаюсь придумать другой выход. Дело даже не в том, что я не хочу выходить, хотя это часть дела. Дело в том, что я знаю, какие места любит посещать Ана; самые модные, самые дорогие клубы и бары, которые может предложить Манхэттен. Дело не в том, что я тоже не могу себе этого позволить. Просто я не хочу тратить деньги. Каждый месяц, как по маслу, на моем банковском счете появляется ошеломляющая сумма денег. Я не знаю, откуда она берется и как, и я испробовала все возможные способы уклониться от нее. Я несколько раз меняла банки, но она всегда появляется снова. Я пыталась устроиться на работу, чтобы мне не нужно было ею пользоваться, но большую часть времени мне даже не перезванивают, даже по самым простым позициям розничной торговли. Когда мне звонят, вакансия каким-то образом всегда занята до того, как я могу пойти на собеседование.

А еще есть мое обучение в Джульярде. Каждый семестр она оплачивается полностью, прежде чем я успеваю даже попытаться позвонить и договориться о собственном плане оплаты. Когда я попыталась заставить секретаршу в регистратуре сказать мне, кто заплатил, она сказала, что это был анонимный благотворитель. Даже когда я пыталась переехать в общежитие, за день до этого мне позвонили и сообщили, что квартира с двумя спальнями в дорогом довоенном здании недалеко от кампуса была сдана в аренду на мое имя с полной оплатой аренды за первый год.

Все это было очень загадочно, очень пугающе и заставляло меня чувствовать одновременно тревогу и любопытство относительно того, кто именно обеспечивал все это. Я провела одну ночь одна в слишком большой квартире, прежде чем дать объявление о поиске соседки по комнате, на которое Ана откликнулась почти сразу. Поскольку за квартиру уже было заплачено, я просто попросила ее скидываться на продукты и коммунальные услуги, на что она была более чем счастлива согласиться. Все, чего я хотела, это тихую соседку по комнате, которая не устраивала вечеринок, не беспокоила меня и не приводила мальчиков в гости очень часто, если вообще приводила.

Это ни в малейшей степени не оказалось Анной. Но каким-то образом несмотря на то, что она такая же экстравертная, как я интроверт, такая же тусовщица, как я домосед, и могла бы соперничать с оперной певицей своими стонами каждый раз, когда приводит парня домой, мы быстро подружились. Отчасти это, я думаю, связано с тем, что у меня нет других друзей, а отчасти с тем, что Ана, с ее легким русским акцентом и стройной фигурой, напоминает мне мою мать.

Ана постукивает пальцами по тумбочке.

— Земля София. Да ладно, я знаю, что они отменили. Ты действительно собираешься просто остаться дома вечером вместо того, чтобы пойти со мной и посмотреть на самых завидных холостяков, которых может предложить Манхэттен?

— Меня не интересуют свидания, — говорю я почти автоматически. — Ты это знаешь.

— Да, ну. — Ана спрыгивает с кровати, беря меня под руку. — Пойдем. Ты можешь быть моей второй половинкой. Напитки за мой счет.

Я вижу, что не собираюсь отказываться от этого. И какая-то часть меня, совсем крошечная, испытывает любопытство. Я никогда не была в том мире, в котором Ана обитает по выходным, полном дорогих коктейлей, гламурных мужчин и женщин и освещенных неонам клубов. На самом деле это меня не привлекает, но разве я не должна испытать это хотя бы раз? До весеннего концерта осталось всего два месяца, а сразу после него выпускной. Затем я навсегда покину Манхэттен, а значит, и Ану тоже. Так что, может быть, не помешало бы побаловать ее, совсем немного.

— Хорошо, — я смягчаюсь, и все ее лицо загорается.

— Да! — Она взволнованно хлопает в ладоши. — Я хотела нарядить тебя с тех пор, как переехала. Пойдем, покопаемся в моем шкафу.

— О-хорошо. — Я могу сказать, что спорить бесполезно, поскольку Ана нетерпеливо тащит меня из моей комнаты по коридору к своей.

Полчаса спустя я не совсем узнаю себя. Черное платье, в которое меня нарядила Ана, от Gucci, с топом в стиле бюстье, который я более чем заполняю, и шнуровкой по бокам, открывающей вид на полоску обнаженной кожи через шнуровку от груди до самого подола. Это означает, что я не могу носить с ним бюстгальтер, и, хотя чашечки спереди достаточно поддерживают, в нем я чувствую себя более обнаженной и уязвимой, чем когда-либо.

— Если на улице будет сильный ветер, ты сможешь разглядеть мои соски через это, — жалуясь я, но Ана просто пожимает плечами. — И это так туго. — К счастью, мой живот достаточно плоский, чтобы платье идеально облегало его, но оно облегает меня так плотно, что виден каждый изгиб. — Тут даже видно линии моего нижнего белья.

— Так что надевай стринги.

— У меня нет стрингов, — жалобно отвечаю я. — И не говори мне, что я могу одолжить одни из твоих, это заходит слишком далеко.

— Так обойдись без них. — Ана пожимает плечами.

— Что? — Я обретаю оттенок красного, который мог бы соперничать со знаком "Стоп". — Я не могу этого сделать.

— Конечно, ты можешь. — Она улыбается мне, выуживая две пары туфель на каблуках из своего шкафа и наклоняясь достаточно, чтобы я могла увидеть блеск кружев ее стринг. Платье, которое на ней надето, такого же вишнево-красного цвета, как ее губы и ногти. Она называет его "бандажное платье Hermes", что для меня ничего не значит, но, очевидно, имеет большое значение, судя по ее тону.

Мгновение спустя появляется Ана с обувью, парой серебристых босоножек для нее и черными лодочками для меня, обе с красными подошвами, которые узнаю даже я.

— Я не могу это надеть, — протестую я. — Что, если я упаду? Что, если я сломаю каблук? Они, вероятно, стоят столько же, сколько месячная арендная плата.

На самом деле, если бы с ними что-нибудь случилось, я бы технически более чем могла позволить себе их заменить. Но мне не нравится это признавать. Я чувствую себя странно из-за денег на моем счете с того дня, как мне исполнилось восемнадцать, и они начали появляться, и сейчас я не чувствую себя менее неловко из-за этого. Если бы я рассказала об этом Ане, у нее по праву возникло бы миллион вопросов, а я никак не могу объяснить это, у меня просто нет ответов.

Конечно, она меня уговаривает надеть туфли и снять нижнее белье точно так же, как снять все остальное, и пока я ковыляю в ванную в своих новых шестидюймовых туфлях на шпильках и с неприятным осознанием того, что под этим платьем на мне абсолютно ничего нет, Ана готовится проделать с моими волосами и лицом такие вещи, которые я видела только в фильмах. Продукты расставлены по всей ее стойке в ванной комнате, от одного конца до другого, и я молча стою перед ней, пока она принимается за работу.

Когда она заканчивает, я должна признать, что выгляжу потрясающе. Мои волосы завиты в толстые спирали, которые свободно падают вокруг моего лица и делают мои волосы вдвое гуще, чем когда-либо, и она что-то сделала с моими глазами, отчего они кажутся огромными, и круглыми, с густыми, острыми кошачьими глазками в каждом уголке. Накрашенная той же вишнево-красной помадой, я выгляжу как голливудская актриса.

— Ты выглядишь великолепно. — Ана выглядит очень довольной собой. — Сегодня тебе позавидует каждая женщина на Манхэттене.

— Я почти уверена, что на всех этих женщинах будут трусики, — бормочу я, осторожно касаясь одной из накладных ресниц, которые она наложила. Они кажутся тяжелыми и непривычными на моем лице, но я должна признать, что они выделяют мои глаза.

— Я бы не стала на это ставить. — Ана одаривает меня дерзкой ухмылкой. — Я уже позвонила в Uber, так что нам нужно спускаться вниз. — Она закрывает помаду колпачком и бросает ее в свою маленькую серебряную сумочку, затем протягивает мне изящный лакированный черный клатч. Я открываю его и вижу еще один тюбик губной помады, тонкую пачку салфеток и больше ничего.

— Разве мне не нужно удостоверение личности? Я недостаточно взрослая, чтобы пить еще два месяца...

— Тебе не о чем беспокоиться, — уверенно говорит Ана. — Никто не будет задавать тебе вопросов. Ты со мной сегодня вечером.

Что-то в том, как она это говорит, заставляет меня нервничать. Я списываю это на беспокойство по поводу выхода на улицу, и только когда мы уже садимся в Uber и направляемся в центр Манхэттена, я узнаю это чувство. Это то же самое, что было у меня восемь лет назад, когда человек, которого я не знала, принес мне письмо от моего покойного отца.

Это чувство является предупреждением. Я просто не знаю, почему, после всех этих лет, я чувствую это снова.

ЛУКА

У меня в голове стучит достаточно громко, так что, по-моему, я не расслышал ни единого слова из того, что только что сказала мне моя секретарша. Оно колотится с тех пор, как я проснулся этим утром с похмельем века, зажатый между двумя великолепными обнаженными блондинками, вдыхая тяжелый аромат духов и секса.

Это само по себе было странно. Обычно я не оставляю женщин ночевать у себя, я предпочитаю, чтобы моя кровать королевского размера была предоставлена только мне, и чтобы утром не нужно отвечать на вопросы: что между нами или когда мы сможем сделать

это снова, ты позвонишь мне? Никаких неловких завтраков, на которых я притворяюсь, что собираюсь позвонить, а она ...или они притворяются, что верят мне.

Однако большинство из них не приходят ко мне домой, ожидая больше одной ночи страсти. Я был самым известным плейбоем Манхэттена с той минуты, как стал достаточно взрослым, чтобы легально трахаться, и даже больше, когда у меня появился собственный пентхаус. В тридцать один год у меня было больше ночей с одной или несколькими женщинами в моей постели, чем без. Они просто редко остаются на ночь. На самом деле, я могу вспомнить только несколько случаев, и обычно это было где-то в другом месте, на вечеринках выходного дня, когда я мало что делал, кроме как валялся в постели, трахался сколько душе угодно и заказывал обслуживание в номер и шампанское в перерывах.

Восемь лет назад мне выдали бесплатную карточку для выхода из тюрьмы, пропуск в священный брак на всю оставшуюся жизнь, и я наслаждался этим в полной мере. Я намерен продолжать это делать, но в теперешние дни стало больше встреч и деловых поездок и меньше туманных выходных на Ибице.

Что возвращает меня к моей пульсирующей головной боли и секретарше, на которую мне, вероятно, следует обратить внимание.

— Звонил Франко, он хочет знать, забронировали ли вы его мальчишник. Он был очень настойчив, чтобы это было за пределами страны, где меньше ограничений на...

— Я уверен, что знаю, чего хочет Франко. — Я провожу рукой по лицу. — Послушай, просто подготовь документы и проверь их, прежде чем они будут у меня, хорошо?

— Да, сэр. — Секретарша, кажется, ее зовут Кармен, переминается с ноги на ногу. — И вечеринка по случаю помолвки...

Я смотрю прямо на нее, минуя ее щедрое декольте, чтобы посмотреть прямо ей в глаза.

— Позволь мне внести ясность, Карен.

— Я Кармен, сэр.

— Мне все равно. — Я откидываюсь на спинку стула, морщась от очередной вспышки боли, простреливающей мои виски. — Мне насрать на вечеринку по случаю помолвки. Позвони миссис Росси. Это же вечеринка ее дочери, черт возьми.

— Да, сэр. — Она почти делает реверанс, прежде чем скрыться за дверью, и я делаю мысленную пометку проверить, когда ее приняли на работу. Я смутно припоминаю, что моя последняя секретарша была более способной.

Я вглядываюсь в экран своего компьютера, открываю календарь, и вот тогда я понимаю, почему именно Карен...Кармен заговорила о вечеринке. Она завтра вечером, и я должен быть там, хотя я бы скорее зажал свои яйца в тиски, чем пошел на вечеринку в честь помолвки Катерины Росси. Но у меня нет выбора, потому что она не только выходит замуж за моего лучшего друга, но и ее отец мой босс. Дон семьи Росси, глава северо-восточного отделения итальянской мафии и босс Нью-Йорка.

И я, нравится мне это или нет, являюсь его наследником.

Я бы избежал этой участи, если бы либо мой отец был жив, либо жена Росси подарила ему сына. Но мой отец, заместитель Росси, погиб семь лет назад, выслеживая убийцу своего лучшего друга, а у Росси только одна дочь, что является предметом спора между ним и его женой.

Без какой-либо связи с семьей Росси моя жизнь оказалась бы в опасности в ту минуту, когда Дон Росси ушел на шесть футов под воду. У меня нет кровных уз с семьей, только привязанность Росси к моему отцу и настойчивость в том, что я должен быть его

наследником. В идеальном мире я бы женился на его дочери, что дало бы мне неоспоримое право занять его место. Но с двадцати двух лет я был обещан женщине, которую никогда не видел и на которой почти наверняка никогда не женился бы, а все из-за давней связанной клятвы, которую дали наши отцы, даже не потрудившись спросить кого-либо из нас.

Итак, вместо этого мой лучший друг и будущий аутсайдер Франко Бьянки женится на Катерине. С ее мужем в качестве моего заместителя у меня не будет шансов на гражданскую войну среди подчиненных, которые захотят занять кресло самого высокого ранга. Им пришлось бы пройти через Франко, чтобы добраться до меня, и как только он женится на Катерине, никто не будет подвергать сомнению его право на свою должность. Во всяком случае, женитьба на ней должна обеспечить ему в будущем место Дона. Но я бы доверил Франко свою жизнь, и доверю, как только Дон Росси умрет. Но на данный момент Росси жив и здоров. Мои обязанности, однако, по-прежнему обширны, вот почему я все еще нахожусь в своем офисе в девять вечера. Когда я отрываюсь от своего календаря, появляется автоматическое оповещение по электронной почте, сообщающее мне, что депозит был переведен на другой счет на имя Софии Ферретти.

София. Я на мгновение навожу курсор на оповещение, а затем убираю его. Нет смысла смотреть на это, я знаю точную сумму, ту же, что переводилась на этот счет за последние три года, с тех пор как Софии исполнилось восемнадцать. Это оплачивает ее жилье, еду и коммунальные услуги, а еще много остается в качестве пособия. Ее обучение оплачивается отдельно каждый семестр. И как только она покинет Манхэттен, как мне сказали, она планирует сделать, деньги последуют за ней на любой банковский счет, который она откроет в следующий раз.

Мне также сказали, что она несколько раз пыталась уклониться от денег, что кажется мне иррационально глупым. Мысль о том, что кто-то не захочет такую большую сумму, сбивает с толку, и, если бы это зависело от меня, я был бы рад положить этому конец. Но я не могу из-за обещания. То же обещание, которое связало меня с Софией восемь лет назад, девочкой тогда и женщиной сейчас, которая мне совершенно незнакома.

Я даже не знаю, как она выглядит. Я помню пухленькую, круглолицую девочку-подростка с прыщавостью и склонностью уткнуться носом в книгу. Не совсем та эротическая картинка, на которую можно было бы надеяться, думая о своей будущей жене. Хотелось бы надеяться, что с тех пор она превратилась во что-то более приятное, но, в конце концов, это не имеет значения. Обстоятельства, которые привели бы меня к браку с ней, почти наверняка никогда не произойдут. И пока этот день, надеюсь, никогда не наступит, я свободен делать все, что мне нравится, без бремени брака. Когда я умру, мое место перейдет к старшему сыну Франко, а должность Дона снова будет принадлежать сыну, в жилах которого течет кровь Росси.

Все это очень аккуратно. Но есть определенное слабое любопытство, которое я испытываю каждый раз, когда вижу оповещение. Как выглядит моя невеста сейчас? В какую женщину она превратилась? Ее мать была поразительно красива, и, если бы она пошла в нее хоть немного... Но сейчас, как всегда, я отбрасываю эту мысль прочь. Я привлекаю внимание почти каждой женщины на Манхэттене, мне не нужна еще одна. Особенно такая, которая свяжет меня на всю жизнь, превратив в мужа и отца, которыми мне никогда не суждено было быть.

Нет, лучше, если София Ферретти останется загадкой для меня, а я для нее. Тем не менее, когда я собираю вещи и готовлюсь покинуть свой офис, я не могу полностью

избавиться от воспоминаний о бледной двенадцатилетней девочке, смотрящей на гроб своего отца, когда его опускали в землю, и выражение ее лица, когда она сжимала руку матери.

Было обещание, данное от имени этой девушки, обещание, которое я унаследовал. И, если этот день все-таки настанет, мне придется воспользоваться им наилучшим образом.

СОФИЯ

К моему облегчению, мы начинаем с простого. Первое, куда приводит меня Ана, это высококлассный бар Мартини на крыше, где мы обходим очередь, ожидающую входа, и все, что делает Ана, это называет вышибале свое имя. В тот момент, когда ее фамилия слетает с ее губ, его лицо меняется, и он даже не смотрит на меня, когда ведет нас обоих внутрь.

Я потрясена тем, что это заставляет меня чувствовать. Меня никогда ничего из этого не волновало, но странный восторг захлестывает меня, когда вышибала машет мне рукой мимо, как будто меня только что выпустили в мир, о существовании которого я даже смутно не подозревала. В баре полно женщин, одетых во все, от дорогих деловых костюмов до облегающих платьев, подобных тем, что носим мы с Анной, на заоблачных каблуках, с идеально уложенными волосами и макияжем. Мужчины тоже элегантны и вылизаны, в строгих костюмах, стоимость которых, я могу только представить, сшиты специально для них, сидят так хорошо, что я не могу не почувствовать легкий прилив желания, когда оглядываю зал. Не сделать этого невозможно, бар переполнен сексуальной энергией, каждый мужчина здесь — альфа-хищник, ищущий свою жертву на ночь. Я чувствую, как их взгляды скользят по мне, как электрические искры по моей коже, и я не уверена, что мне это нравится. Я чувствую себя слишком незащищенной, и мне отчаянно жаль, что у меня только один слой слишком плотной ткани между моей кожей и их голодными глазами.

— Мне нужно выпить, — шиплю я Ане на ухо, и она ухмыляется.

— Я займусь этим. — Она хватается за руку, потянув к сверкающему бару. За ней стоит красивый мужчина в белой рубашке без галстука, его темные волосы зачесаны назад. Он готовит что-то изысканное для тонкой, как карандаш, красивой женщины, облокотившейся на стойку бара, быстро переключая шейкер для коктейлей из одной руки в другую, а затем наливающей его на несколько дюймов выше уровня бокала, завершая это росчерком, прежде чем добавить кусочек лимонной цедры и поставить бокал на стойку.

— Чего ты хочешь? — Ана садится на один из табуретов красного дерева, убирая с лица длинный локон. — Я буду мартини с джином, очень грязный.

— Я даже не знаю, что это значит.

— Просто попробуй. — Она кокетливо улыбается бармену, убирая с лица прядь шелковистых темных волос. Я вижу, как его взгляд сразу же скользит к ее полным губам. Я думаю, в том, что она делает, есть определенная сила, но я не понимаю, как Ана и женщины, подобные ей, владеют этим, как они могут быть так уверены в своей красоте и сексуальности. Я знаю, что я красива по определению этого слова, но все, что я чувствую прямо сейчас, это неуместность и неловкость, неудобство в моем тонком платье и обнажение всего, чего у меня под ним нет. Я не знаю, как почувствовать себя такой

самоуверенной.

Бармен пододвигает к нам два мартини, и Ана берет свой.

— За захватывающую ночь на Манхэттене, — говорит она с усмешкой, постукивая тонким краем своего бокала по моему. Она делает плоток, оставляя малиновое пятно на стакане.

Я осторожно подношу свой мартини к губам. Он пахнет сосной, и когда я делаю плоток, то сразу же кашляю. От оливок исходит слабая солоноватость, но в остальном он просто обжигает до самого желудка. Ана хмурится. Бармен смотрит на меня с легкой ухмылкой, и я чувствую, что краснею. Мне никогда не следовало соглашаться на это.

— Вот. — Бармен пододвигает ко мне напиток, его лицо становится чуть более сочувственным. — Попробуй это.

Я чувствую тот же сосновый аромат, на этот раз смешанный с лаймом, и когда я делаю плоток, на этот раз он гораздо приятнее на вкус, немного слаще и с таким количеством лайма, что, думаю, он мне действительно нравится.

— Это приятно, — выдавливаю я. — Что это?

— Джин с тоником, — говорит бармен. Теперь его глаза прикованы ко мне, скользят по моей груди в верхней части платья в стиле бюстье. — Заказывай его в любом баре с добавлением лайма и элитного ликера, и я гарантирую, что тебе понравится. Этот напиток трудно испортить. — Он подмигивает мне. — Просто маленький совет.

— Я уверена, что это не единственная мелочь, в запасе у бармена, — шепчет Ана мне на ухо, хихикая, когда он уходит.

— Я думаю, что он сексуальный. — На этот раз я позволила себе действительно посмотреть на парня в этом смысле, задаваясь вопросом, что произойдет, если я попрошу у него его номер или дам ему свой. — У него классная задница.

Ана хмурится.

— Не отвлекайся на первую попавшуюся пару обтягивающих штанов, София. Ты можешь найти намного лучше, чем бармен.

— Но что, если я не хочу этого делать? — Честно говоря, на самом деле мне неинтересно с кем-либо встречаться, и хищные мужчины вокруг этого бара меня не заводят, они пугают меня. Все, о чем я могу думать, это о том, что любая женщина с одним из них, это не подружка, а собственность.

— Давай, — говорит Ана, допивая свой напиток и ставя его на стол. — У нас впереди еще целая ночь.

Мы посетили еще два заведения: футуристический бар с большим количеством сухого льда и неоновых огней и прокуренный виски-бар с кожаными креслами и красным деревом повсюду. Я чувствую себя не в своей тарелке среди всего этого, и я как раз собираюсь умолять Ану вернуться в квартиру или, по крайней мере, вернуться самой, когда она возвращается из туалета с широкой улыбкой на лице.

— Мой друг Девин только что прислал мне ответное сообщение, — говорит она, заговорщически наклоняясь ко мне. — Он дал мне секретный пароль для нового клуба. Это должно быть фантастически.

Дикость, но это полная противоположность тому, чего я хочу. Но Ана уже оплачивает счет с взволнованным выражением на лице.

— Я слышала об этом клубе в течение нескольких месяцев, — говорит она. — Это супер-эксклюзив, и там происходит безумное дерьмо.

— Я не знаю, увлекаюсь ли я безумным дерьмом, — начинаю говорить я, но к тому времени Ана подписывает чек и, схватив меня за руку, снова вытаскивает на оживленную улицу, останавливая такси. — Это будет лучшая ночь в нашей жизни, — обещает она. — У меня сегодня вечером будет действительно обалденный секс.

Тоже не то, что меня интересует, сухо думаю я, когда такси подъезжает к обочине и Ана вваливается внутрь, таща меня за собой. Я могу только представить, на что должно быть похоже это место, в которое она нас ведет. Ана бесстрашна, готова ко всему, и я должна признать, что иногда я завидую этой ее черте. Но как я могу быть бесстрашной, когда я слишком хорошо знаю, чего бояться, на темных улицах города водятся монстры, такие мужчины, которые могут похитить отца девочки и оставить ее наполовину сиротой в двенадцать лет, а ее мать с таким разбитым сердцем, что у нее не хватило духу бороться с раком, поразившим ее год спустя? Врачи сказали, что мы просто не подхватили это вовремя, но я знала правду. Даже меня было недостаточно, чтобы удержать мою мать привязанной к этой Земле, когда моего отца не стало. Не тогда, когда она верила, что его дух был где-то там, ожидая ее.

Я прикасаюсь к маленькому золотому крестик, лежащему на моей коже, усыпанному крошечными бриллиантами по бокам. Это самая ценная вещь, которая принадлежала моей матери, не считая жемчужных сережек, которые мой отец подарил ей на их свадьбу, и она подарила их мне незадолго до своей смерти. Это был подарок от ее собственной матери, вернувшейся из России. Ана хотела бы, чтобы я сняла его сегодня вечером, но я не снимала его с ее похорон. Я не собираюсь этого делать и сегодня вечером, просто чтобы не отпугивать кого-то. Я даже ни капельки не религиозна... ее похороны также были последним разом, когда я была в церкви, но ничто в мире не могло убедить меня снять последнее, что подарила мне моя мать.

Такси снова подъезжает к краю улицы, вырывая меня из моих мыслей, и я вылезаю, пока Ана расплачивается с водителем. Улица, на которой мы находимся, темная и менее оживленная, чем другие, и я снова чувствую это звенящее ощущение, предупреждение о том, что что-то не так. Но Ана уже направляется к стене перед нами, где я даже не могу сказать, что там есть дверь, пока мы не оказываемся прямо перед ней, и я вижу тонкий шов.

Ана быстро стучит три раза, и дверь со скрипом приоткрывается.

— Преисподняя, — говорит она, ее акцент усиливается, когда она произносит пароль вслух. Я впервые слышу, как она говорит по-русски, и от этого у меня по спине пробегают мурашки. Я редко слышала, чтобы моя мать говорила на этом языке, и я вспоминаю, как мой отец сказал ей, что она не может научить меня, что ей даже не следует говорить на этом языке дома. Он сказал это по-доброму, но все равно, это был один из немногих случаев, когда я видела, как моя мать плачет.

Дверь распахивается, и Ана уверенно входит внутрь. Я следую за ним, нервы скручиваются у меня в животе, и я мельком вижу мужчину, стоящего в тени у двери, высокого, одетого во все черное, его резкие черты лица неразличимы в темноте.

Я слышу тяжелые ритмы музыки, когда мы спускаемся по ступенькам, и вижу красное свечение впереди нас. К тому времени, как мы достигаем подножия лестницы и останавливаемся перед аркой, ведущей в главный зал клуба, запертый за железными воротами, я чувствую, как музыка вибрирует в моем теле и сотрясает пол подо мной. Две невероятно худые девушки, одетые в красный латекс, открывают ворота, и Ана улыбается мне, когда мы входим в красное сияние.

— Добро пожаловать в ад.

СОФИЯ

Каждая частичка меня хочет взбежать обратно по лестнице и поймать такси, чтобы доехать на нем прямо до квартиры.

Ад, так, по-видимому, называется клуб, на мой взгляд, тут чересчур громко, состоит из огромного танцпола, на котором мужчины и женщины в латексе и коже корчатся друг против друга по всему периметру, в ботинках, которые могут разmozжить кому-нибудь голову или выколоть глаза, большим количеством шипов, здесь полно шикарных баров и хищных бизнесменов, но я не думаю, что эти ребята в большей безопасности. Я не представляла, что можно чувствовать себя более не в своей тарелке, чем сейчас.

Ана, с другой стороны, выглядит идеально, в своем платье, с красными губами и ногтями, вся алая и купающаяся в красном сиянии, исходящем от огней, она выглядит как самый горячий демон, которого я когда-либо видела, как будто сошедшая с музыкального клипа. Я вижу, как поворачиваются головы, когда она шагает к черной лакированной стойке, и я спешу не отставать от нее, ковыляя на каблуках.

— Вы идеальная пара.

Я чуть не выпрыгиваю из своей кожи, оборачиваясь, чтобы увидеть высокого мужчину в черных кожаных штанах и обтягивающей белой рубашке под кожаной курткой, стоящего там, его руки небрежно засунуты в карманы. Его волосы очень короткие на макушке и зачесаны по бокам, белокурые, а глаза поразительно голубые.

— Что? — Я тупо смотрю на него. Мне приходится почти кричать, чтобы быть услышанной сквозь музыку.

Он кивает Ане.

— Одна темноволосая, другая блондинка. Одна в красном, другая в черном. Обе прекрасны. — Я слышу намек на акцент в его голосе, что-то грубое, но я не уверена, что это. Немецкий? Голландский? Может быть, русский, но это непонятно. Даже акцент у Аны более сильный, чем этот, а она провела большую часть своей жизни здесь, в Штатах.

— Спасибо, — говорю я неуверенно. — Но я не ищу встреч...

Он ухмыляется.

— Кто сказал что-нибудь о встречах? Позволь мне просто угостить тебя выпивкой.

— Не стоит, все в порядке. — Я отступаю назад, желая быть ближе к Ане.

— Я угощу вас обоих выпивкой. — В его глазах появляется блеск. — Две такие красивые женщины не должны сами платить за свой ночной выход.

— Это очень любезно с вашей стороны, но я уверена, что у нас все в порядке.

— Я настаиваю. — Он протягивает руку, чтобы положить свою кредитную карточку на стойку бара, и рукав его куртки задирается чуть выше запястья, обнажая край татуировки. Я не совсем понимаю, что это такое, но похоже на начало орлиной головы.

Ана бросает на него взгляд, и я вижу, что она раздражена.

— Нам не нужно...

Слова замирают у нее на губах, когда она бросает взгляд на его запястье. Ее лицо

становится очень бледным.

— Пойдем, София, — говорит она, хватая меня за руку.

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, она втягивает меня в бурлящую массу людей на танцполе, пробираясь сквозь них к бару в дальней части клуба. Я оглядываюсь один раз, мельком замечая в толпе белокурые волосы мужчины, но почти сразу теряю его из виду, когда они смыкаются вокруг нас.

— Что не так? — Ахаю я, когда мы наконец переходим на другую сторону танцпола. — Я думала, тебе нравятся такие парни. Доминирующие, немного напористые...

— Конечно. — Голос Аны немного дрожит. Она поворачивается к бару. — Джин с тоником, пожалуйста, и двойную порцию водки. С верхней полки.

— Ана, что происходит?

— Держись от него подальше, — говорит она очень низким голосом. — Если ты увидишь его снова, иди другим путем. И обходи всех остальных, кого увидишь с такой татуировкой.

Я моргаю, глядя на нее, смущенная и напуганная одновременно.

— Почему?

— Он из Братвы. — Ана осматривает толпу. — Русская мафия. — Ее взгляд возвращается ко мне, и я вижу, что она действительно, по-настоящему напугана. — ты же не хочешь, чтобы они тебя заметили.

Мой желудок переворачивается.

— Тогда может нам просто уйти?

— Нет. По какой-то причине он обратил на тебя внимание. Если мы уйдем, они могут последовать за нами. Просто веди себя нормально, и, надеюсь, они поищут какую-нибудь другую добычу. — Ана лучезарно улыбается, протягивая мне мой напиток и опрокидывая свою двойную порцию. — Еще, пожалуйста, — говорит она бармену.

Она тянет меня обратно на танцпол, двигаясь в такт ритму, когда делает второй глоток и опускает бокал на проходящий мимо поднос. Я сжимаю свой собственный напиток в одной руке, стараясь ни на кого не пролить его, пытаюсь выкроить себе место среди кишаших потных тел. Один мужчина в тренче в стиле Матрицы и с шипастым воротником начинает двигаться в моем направлении, вращая бедрами, и я автоматически бросаю взгляд на его запястья. Они оба обнажены, но это не значит, что я хочу позволить ему прикасаться ко мне.

Однако здесь невозможно, чтобы к тебе кто-то не прикоснулся. Клуб забит до отказа, и я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь высмотреть высокого блондина. Но все, что я могу видеть, это танцующие тела, пары, прижатые к стенам и колоннам, целующиеся и трущиеся друг о друга, и несколько профессиональных танцоров, кружащихся у крестов в форме буквы х, прислоненных к одной из стен. Там есть черная винтовая лестница, ведущая на второй этаж, и сразу за ней, подвешенная над нами, клетка с двумя едва одетыми танцовщицами, извивающимися в ней. Я не совсем уверена, что там происходит, вероятно, не просто танцы. Я чувствую, как растет тревожная яма у меня в животе. Если мы пока не можем уйти, мне хотя бы на минутку нужно выйти из толпы.

— Я иду в туалет! — Я кричу, перебивая музыку, наклоняясь к уху Аны.

Она хмурится.

— Я пойду с тобой, — говорит она, оглядывая толпу в поисках легкого пути к лестнице, ведущей на второй этаж, к женским туалетам.

— Все в порядке! Я всего на минутку...

— Мы не должны разделяться. — Ана хватает меня за руку. — Давай же.

Я чувствую запах духов и пота танцовщиц в клетке, когда мы спешим вверх по лестнице, стуча каблуками по черному лакированному полу, когда мы быстро направляемся к ваннам. В тот момент, когда мы заходим внутрь, я чувствую, как мое сердцебиение немного замедляется. Музыка здесь приглушена, воздух прохладный, и я опускаюсь на одну из черных бархатных скамеек, вдыхая аромат гвоздичного мыла для рук и чистого воздуха.

— Тебе ведь на самом деле не нужно в туалет, не так ли? — Спрашивает Ана, покусывая нижнюю губу. — Я знаю, это немного через чур. Мне жаль, я думала, это будет весело.

— Я знаю. — Я прислоняю голову к стене. — Все в порядке.

— Ну, мне действительно нужно пописать. Просто подожди здесь, хорошо? — Она проскальзывает в одну из кабинок, и я на мгновение закрываю глаза. Может быть, Ана вернется и согласится вернуться домой. Она может быть настойчивой, когда хочет что-то сделать, но она хороший друг, и она знает, что мне неуютно. Может быть, прошло уже достаточно времени с тех пор, как мы встретили блондина, который...

Сильное давление опускается на мой рот, и аромат одеколona и мужской кожи наполняет мой нос. Мои глаза распахиваются. Высокий блондин стоит надо мной, его рука прижата к моим губам, и когда я пытаюсь открыть его, чтобы закричать, он холодно улыбается и машет пальцем у меня перед лицом.

— Не издавай ни звука, — говорит он приглушенным голосом, и теперь я отчетливо слышу его акцент.

Русский. Братва, я слышу голос Аны в своей голове, и холодок пробегает у меня по спине. Мафия.

— Ты пойдешь со мной, — продолжает он, наклоняясь так, что его рот оказывается очень близко к моему уху. — Быстро. Потому что, если ты этого не сделаешь, а твоя подруга выйдет из кабинки и увидит меня, у меня не будет другого выбора, кроме как пристрелить ее.

Мой взгляд скользит вниз, к его талии. Я вижу выпуклость пистолета под его курткой, нарушающую ее очертания. Как я раньше этого не заметила?

— Сейчас, — шипит он. Он хватает меня за запястье другой рукой, рывком поднимает на ноги и толкает к двери, заламывая мою руку за спину, а другой рукой крепко зажимает мне рот. — Когда мы выйдем на улицу, я собираюсь убрать свою руку с твоего рта. Ты будешь очень молчалива, иначе для тебя будет все намного хуже.

Мое сердце колотится в груди, когда он выталкивает меня в коридор, так сильно, что это причиняет боль. У меня перехватило горло, я задыхаюсь, и я даже не уверена, что смогла бы закричать, но как только его рука покидает мой рот, каждый инстинкт в моем теле говорит мне, что это абсолютно то, что я должна сделать.

Музыка снова звучит громко, наполняя каждый дюйм клуба, заглушая все остальное. Мужчина видит мое лицо и снова наклоняется ближе.

— Никто тебя не услышит. Если они это сделают, они проигнорируют это, если они этого не сделают, я убью их и вернусь, и застрелю твою подругу тоже. А теперь иди.

Он подталкивает меня к выходу. Я, спотыкаясь, иду вперед, еще более неуклюжая на каблуках.

— Быстрее, — шипит он, и я чувствую, как он что-то тычет мне в спину. На ощупь круглое, как дуло пистолета, и у меня кровь стынет в жилах.

Мужчина толкает выходную дверь, выталкивая меня на площадку наверху лестницы, которая ведет вниз, в переулок за клубом. Весенний воздух ударяет мне в лицо, теплый, свежий и такой же чистый, каким когда-либо бывает воздух Нью-Йорка, но я едва могу дышать. Я на грани слез, но так напугана, что даже не могу заплакать. Я чувствую себя парализованная этим.

— Позволь мне снять обувь. Я не могу спуститься по лестнице...

— Ты справишься. Теперь иди. — Мужчина снова толкает меня вперед, и я цепляюсь за перила, спотыкаясь, падая вниз, страх подвернуть или сломать лодыжку усиливает скручивающий ужас в моем животе. Если я поранюсь, я даже не смогу убежать, если у меня будет шанс. Моя голова кружится от джина с тоником, который я выпила сегодня вечером, и я страстно жалею, что не осталась дома. Что я не отказала Ане, как обычно.

Если бы я это сделала, была бы я там, где я сейчас? Или может меня искали специально? Я не знаю, зачем кому-то понадобилось меня похищать. Много лет назад, когда я была дочерью Джованни Ферретти, возможно, но сейчас я просто скрипачка-сирота. Я лишь немного знаю о том, чем занимался мой отец, на каких людей он работал, но сейчас я не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

Деньги. Я думаю о нулях на моем банковском счете, о депозите, который появляется каждый месяц. Знают ли они об этом каким-то образом? Они похищают меня, чтобы заставить меня заплатить выкуп?

У обочины на холостом ходу стоит блестящая черная машина. Дверь открывается, когда мы подходим к ней, и мужчина подталкивает меня к машине.

— Залезай, — холодно говорит он, и я отказываюсь. Каждая женщина знает, что, если ты сядешь в машину, твои шансы на спасение резко упадут.

Я снова чувствую тяжесть пистолета у себя за спиной.

— Залезай.

Я не хочу умирать. Но если они действительно чего-то хотят от меня, они не собираются стрелять в меня, пока не получат это. Поэтому я оборачиваюсь, проглатывая страх, когда чувствую, как пистолет упирается мне в живот.

— Если тебе нужны деньги, ты можешь их получить, — храбро говорю я, глядя в холодные голубые глаза мужчины. — Но я не сяду в машину.

Он вполголоса ругается по-русски.

— Садись в гребаную машину.

— Нет. Я не буду...

— Садись в машину, или я вернусь внутрь и пристрелю твою подругу.

— Нет. Если ты повернешься, я побегу.

Мужчина выпускает долгий вздох и смотрит через мое плечо. Я начинаю поворачивать голову, чтобы увидеть, на что он смотрит, но, прежде чем я успеваю, я чувствую жжение в шее.

— Что за...

Проходит всего несколько секунд, прежде чем мир начинает расплываться. Блондин заталкивает меня в машину, и я падаю на кожаное сиденье рядом с другим мужчиной, одетым во все черное, с такими же взъерошенными волосами и голубыми глазами.

Последнее, что я вижу перед тем, как мир погружается во тьму, это игла в его руке, и я точно знаю, что произошло.

Меня накачали наркотиками.

ЛУКА

Прошло тридцать минут с начала вечеринки по случаю помолвки, а я уже умираю от скуки. По этому случаю семья Росси арендовала винтажный бар, в котором не было никого, кроме семьи и их гостей. Катерина сияет в белом кружевном платье длиной до колен с достаточно высоким вырезом, скрывающим ее щедрое декольте. На ней рубиновые украшения ее матери, я помню, что видел такое же ожерелье, браслет и кольцо на миссис Росси несколько лет назад на ее юбилейной вечеринке, не менее шикарном мероприятии.

Однако рубины отходят на второй план по сравнению с кольцом, которое все действительно хотят видеть, тем, что у нее на левом пальце. Я сам им очень горжусь, потому что помогал Франко выбирать его. Он был на пределе нервов, сходил с ума от перспективы оскорбить Катерину, и ее отца кольцом, которое было недостаточно хорошим, и поэтому я пошел с ним выбирать кольцо. Женщины Росси носят все от Cartier до Tiffany и Harry Winston, но для чего-то столь важного есть частный ювелир, который работал с семьями на протяжении поколений. Он разработал дизайн кольца, и оно было готово в мгновение ока: бриллиант розовой огранки в пять карат, который выглядит так, словно утяжеляет руку Катерины, окруженный ореолом бриллиантов идеальной огранки на платиновом кольце паве. Я понятия не имел, что все это значит, когда ювелир объяснял мне это, но, по-видимому, это было идеально, потому что Франко позже признался мне, что его новая невеста наградила его минетом на заднем сиденье лимузина на обратном пути после предложения руки и сердца.

— Ей действительно понравилось это гребаное кольцо, — сказал он мне с ухмылкой, хлопая меня по плечу. — Спасибо, чувак.

Судя по тому, как Катерина сияет перед своим будущим мужем, демонстрируя свои новые украшения, я бы сказал, что он ей тоже нравится. Я не знаю, насколько подлинно выражение ее лица, но Франко молод и красив и вот-вот займет одно из самых влиятельных мест на территории, и он только что надел ей на палец кольцо в общей сумме в семь карат. Сейчас ей завидуют все женщины в зале.

Дон Росси появляется у моего локтя как раз в тот момент, когда я беру бокал шампанского с проходящего мимо подноса, на его лице снисходительное выражение, когда он наблюдает за своей дочерью и Франко с нашего наблюдательного пункта в другом конце комнаты.

— Никакого свидания сегодня вечером?

— Это семейное дело, — говорю я, пожимая плечами. — Я бы не подумал, что было бы уместно приводить девушку, чье имя я едва знаю, на подобное мероприятие.

— Может быть, это и к лучшему. — Росси хмурится. — Недавно я получил кое-какие тревожащие сведения о Братве. Они вторгаются на нашу территорию, Лука, и делают это не так незаметно, как раньше. Ходят слухи, что у них есть козырь в рукаве, что-то, что даст им больше влияния, но я не могу понять, что именно. И ты знаешь, что это заставляет меня чувствовать.

— Я знаю. — Это правда, и мне жаль всех, у кого, по мнению Росси, может быть

информация, от которой они не собираются отказываться. Росси обгабит улицы Манхэттена русской кровью, прежде чем уступит им свои позиции.

— Если они станут опасны для нас, это одно, — продолжает Росси. — Если они станут представлять для нее опасность...

Я резко смотрю на него.

— У тебя есть основания думать, что они это сделают?

Росси пожал плечами.

— Они были теми, кто убил ее отца и твоего. Само собой разумеется, что она остается мишенью. И если это так, ты знаешь, что это значит.

Я слегка напрягаюсь, делая медленный глоток шампанского, чтобы скрыть это.

— Да. Но я думаю, что предварительно можно сказать, что они каким-то образом нацелились на нее. А что касается того, что это значит... — Я чувствую, как шипение шампанского появляется у меня на языке, его сладкий, сухой вкус сохраняется, пока я наблюдаю за Франко и Катериной с другого конца комнаты. Он выглядит таким же взволнованным, как и она, и, хотя я знаю, что его кайф от обещания власти, а не любви, это заставляет меня немного тосковать, вопреки себе. Я никогда ни на кого так не смотрел, и я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так смотрел на меня.

— Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть, — небрежно говорю я, все еще наблюдая за счастливой парой. И я серьезно говорю именно это. Обожаю свою жизнь, даже без обещания обзавестись женой или семьей. Мне нравится мой пентхаус, оформленный и обставленный так, как мне нравится, кровать, которая пуста, когда я захочу, и настолько полна, насколько я захочу, когда я пожелаю, пространство полностью для меня. Я не чувствую себя там одиноким, я чувствую себя свободным. Это единственное место, где я действительно чувствую себя так, где отпадают ограничения, связанные с моими обязанностями перед семьей, и давление, которое с этим связано, и я могу быть самим собой, когда за мной никто не наблюдает. Это пространство на крыше одного из самых высоких зданий Манхэттена, мое собственное маленькое частное королевство, каким никогда не могло бы быть никакое другое место, даже сама территория, если бы она принадлежала мне.

— Конечно, знаешь, — снисходительно говорит Росси, — ты молод и красивее, чем я когда-либо был. Но помни, тебе не обязательно полностью менять свои привычки только потому, что ты женился. Ты это знаешь.

Я пожимаю плечами.

— Когда с тобой живет жена, это нарушает твоё душевное спокойствие.

— Выглядит ли Франко так, будто его душевное спокойствие находится под угрозой? — Росси смеется, наклоняя к ним голову, и я фыркаю.

— Они еще даже не добрались до свадебного путешествия. Дай им год или два.

— Я не могу с тобой не согласиться. Моя собственная любимая жена, благослови ее господь, испытывает мое терпение более чем незначительно. Но в семье тоже можно найти радость, пока у тебя есть понимающая и верная жена и преданные дети. И помни обещание, которое ты дал, Лука. — Росси хмурится. — Я не скажу, что никогда не нарушал обещаний. А обещание, данное без твоего ведома или согласия, что ж, об этом можно кое-что сказать. Но это было обещание, данное в глазах Бога, и тебе решать, какой вес это имеет, если случится так, что тебе нужно будет его выполнить. — Он делает паузу, наблюдая за своей семьей с другого конца комнаты. — Просто знай, что какой бы выбор ты ни сделал,

это не изменит твоего места в этой семье. Ты мой наследник, Лука, и я только что договорился о браке для моей дочери, который укрепит твое положение и твою безопасность, насколько я смогу. Я думаю, это должно показать тебе, насколько серьезно я отношусь к этому.

— Так и есть. — Я допиваю шампанское и ставлю бокал на проходящий мимо поднос, беря другой. — И я прекрасно осознаю это. Я ценю все, что ты мне дал.

— Но... — Росси поднимает палец. — Если настанет день, когда Софии Ферретти будут угрожать или, что еще хуже, похитят, а ты не захочешь выполнить свою часть сделки... — Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, его лицо очень серьезное. — Тогда это будет в моих руках, решать, что делать, пока я все еще занимаю это место. И я думаю, ты знаешь, в чем заключается мое решение проблемы Ферретти.

Что-то у меня внутри сжимается от этого. Я действительно знаю, лучше, чем мне хотелось бы. Но я не готов смириться с тем, что мне, возможно, придется что-то с этим делать, пока нет.

— Давай делать это шаг за шагом, — спокойно говорю я, улыбаясь ему. На моем лице нет ни единой черты, которая выдала бы волнение у меня внутри при мысли о Софии Ферретти и обо всем, что может измениться из-за нее. — Мы даже не знаем, нацелены ли они на нее сейчас. Возможно, они забыли о ней или списали ее со счетов. Сейчас она всего лишь скрипачка в Джульярде, у нее нет с нами никаких контактов, кроме денег. И мы не знаем, известно ли им что-нибудь о договоре моего отца с ее отцом.

Выражение лица Росси говорит о том, что он считает меня наивным, но он больше ничего не говорит и через несколько минут уходит, собираясь потанцевать со своей женой. Однако я остаюсь в стороне, потягивая шампанское и наблюдая за празднествами. Я не в настроении танцевать.

* * *

У меня не будет возможности потакать своему настроению до гораздо более позднего вечера. Когда празднества заканчиваются, я, Франко и Катерина вместе со своими друзьями отправляемся на нашу собственную афтепати. Катерина убеждает нас пойти в ее любимый бар, закусочную в стиле двадцатых годов, и вскоре мы рассаживаемся полукругом на бархатных и кожаных диванах у кирпичной стены, потягивая коктейли из секретного меню.

Виски приятный на вкус после такого количества шампанского, тяжелый и дымный на моем языке. Я оглядываю зал и ловлю взгляд высокой, стройной рыжеволосой девушки, сидящей у бара, одетой в короткое мини-платье из зеленого бархата. Она почти сразу встает, направляясь ко мне на каблуках, которые подчеркивают каждый дюйм ее ног длиной в милю, и у меня немного пересыхает во рту, когда я думаю о том, каково это, когда они обвиваются вокруг моей талии, или, еще лучше, моей головы, пока я вижу, сколько раз я могу заставить ее кончить своим языком. Безусловно, мне больше всего нравится в Манхэттене то, что в этом городе, казалось бы, бесконечное количество женщин. Не думаю, что я когда-либо спал с одной и той же дважды.

Рыжеволосая останавливается передо мной, склонив голову набок.

— Не думаю, что я когда-либо видела тебя здесь раньше.

Я дарю ей свою самую очаровательную улыбку, протягивая руку, чтобы ослабить галстук.

— Это потому, что я никогда здесь не был. — Медленно я позволяю своему взгляду скользить по ней, отмечая ее узкую талию и маленькую грудь. На ней нет бюстгалтера под

платьем, и я вижу, как ее соски упрутся в ткань.

— Ты выглядишь как Рождественский подарок.

Ее длинные ресницы трепещут.

— Ты можешь развернуть меня, если хочешь.

Очень смело. Мне нравятся женщины, которые думают, что могут быть главными. Становится еще слаще, когда они узнают, что всего через несколько минут в моей постели они будут влажными и будут умолять о большем. Она улыбается мне, кивая головой в сторону богато украшенной двери в задней части бара, которая ведет в дамскую комнату.

— Сейчас вернусь.

Я знаю, что это приглашение. На мгновение я колеблюсь, задаваясь вопросом, действительно ли я хочу, чтобы сегодняшний вечер прошел именно так. Минет или быстрый трах в кабинке туалета, какими бы роскошными они ни были, меня больше не привлекают. С другой стороны, я был бы не прочь узнать, как ощущаются ее полные губы на моем члене.

Сделав еще глоток своего напитка, я решаю подождать, пока она вернется. Я люблю не торопиться, и это лучше всего делать в моей двуспальной кровати или, может быть, на кожаном диване. А еще лучше, у окна с видом на город. Кроме того, я с усмешкой думаю про себя, допивая напиток, будет лучше, если она узнает, кто сегодня будет командовать.

Мой мобильный телефон жужжит у меня в кармане, и я тянусь за ним, внутренне застонав. Я не знаю, кто мог звонить мне в такое время ночи, любой, с кем я мог бы захотеть поговорить, уже здесь. Что означает, что это, вероятно, будет не тот, кого я хочу услышать.

Конечно же, это Дон Росси.

Блядь.

Я встаю, бросаю взгляд в дальнюю часть бара, чтобы посмотреть, появилась ли рыжеволосая, прежде чем мне придется заняться Франко, и затем выхожу на улицу. Все, что я хотел сделать после последних нескольких отупляющих часов, это пропустить пару стаканчиков, найти самую горячую девушку в баре и отвезти ее домой, чтобы я мог забыться в сладком забвении идеальной фигуры и хорошей киски. Последнее, что я хочу делать сегодня вечером, это тушить пожар для моего босса.

— Лука, ты нужен мне на складе в Челси, немедленно. Как только сможешь туда добраться. Что бы ты ни делал или с кем бы ты ни был, брось ее и приезжай сюда.

Я подавляю стон. Неужели кто-нибудь другой не может справиться с этим одну чертову ночь? Я как раз собираюсь сказать именно это, когда Росси продолжает, и от слов, которые слетают с его губ, у меня по спине пробегает холодок.

— У них София.

ЛУКА

В доках пахнет рыбой и мусором. Я шагаю по причалу к складу, чувствуя, как напрягаюсь, приближаясь к нему. Я чувствую перемены в себе, в человеке, которым я становлюсь, когда требуется выполнить эту часть работы. Я не получаю удовольствия от пыток, но Братва отняла у меня слишком много, чтобы с моей стороны могли быть какие-то настоящие колебания. Я видел тело моего отца перед похоронами. Это должен был быть

закрытый гроб для всех остальных. Вот насколько ужасны были вещи, которые они с ним делали.

Сегодня вечером мне все давалось ни капельки не сложно. Все, что для этого потребовалось, это эти три слова: *у них София*.

Меня не так уж сильно волнует сама девушка. Я не видел ее с тех пор, как ей было двенадцать. Но мой отец умер, мстя за нее. Он дал клятву, и будь я проклят, если позволю этим гребаным русским устроить смерть моего отца, и отца Софии напрасно. Жениться на Софии Ферретти, это последнее, что я хочу сделать. Но я еще ни разу не нарушал обещаний и не собираюсь начинать сейчас.

Внутри склада на стуле сидит мужчина со связанными за спиной руками. Его рот уже окровавлен, глаза опухли и чернеют, и я вижу Росси, стоящего там с несколькими его людьми, окружившими кресло. У мужчины смиренное выражение лица, как будто он уже знает, чем все это закончится. Он знает, что не выйдет отсюда живым. То, что он говорит или не говорит, зависит от того, сколько боли лежит между настоящим моментом и этим концом.

— Лука. — Голос Росси сух и невозмутим. — Рад тебя видеть.

— Я добрался сюда так быстро, как только мог. Кто это?

Один из людей Росси сплевывает на пол.

— Его зовут Лео. Он один из псов Братвы. Но мы уже знали это.

— Мы больше ничего от него не добились, — мрачно говорит Росси. — Несмотря на работу, которую мои люди проделали с его лицом. Поскольку это так лично для тебя, Лука, я подумал, что, возможно, здесь могло бы пригодиться твое мастерство.

Я хмурюсь, направляясь к стулу. У мужчины отчетливо русские черты лица, его седеющие светлые волосы стали жесткими от засохшего пота и крови у линии роста волос. Он поднимает голову, когда я подхожу к нему, на его лице явно написано отвращение.

— Итак, Лео, это правда? — Я сажусь на корточки перед ним. — Ты из Братвы? Ты подчиняешься Виктору Андрееву?

— Пошел нахуй, — говорит он своим голосом с сильным акцентом, сплевывая на землю. — И твои дети тоже.

Удар наносится прежде, чем он успевает это увидеть, мой кулак соприкасается с его щекой с тошнотворным стуком и звуком ломающихся зубов. Из уголка его рта сочится кровь, он прикусил язык.

— У меня нет детей, — хладнокровно говорю я. — Но я могу быть уверен, что и у тебя их никогда не будет, если ты не будешь говорить.

— Ты собираешься убить меня. Так что поторопись и сделай это. Я не скажу ни слова. — Он выплевывает еще один глоток крови.

— Может быть, и нет, — говорю я непринужденно. — Может быть, я отрежу тебе яйца и отрежу несколько пальцев, а затем позволю тебе вернуться к своему хозяину, как кастрированному коту. Может быть, я позволяю тебе жить такой жизнью, вместо того чтобы милосердно убить тебя. Ты не заслуживаешь доброй смерти, Лео. Но ты можешь ее заслужить.

Краем глаза я вижу мрачную, удовлетворенную улыбку Росси. Он позвал меня сюда не просто так, я лучший в этой игре. Даже лучше, чем он, и он это знает, потому что получает слишком много удовольствия от пыток. Он не знает, когда остановиться, но я умею останавливаться. Я делаю ровно столько, чтобы заставить их говорить, и как только они

понимают это, то выкладывают все, что знают, от секретов босса до рецепта бабушкиного печенья.

Этот парень собирается сделать то же самое. Он просто еще не знает этого.

Тридцать минут спустя мужчина рыдает. У него разбита губа, два зуба на бетоне, и один из его ногтей торчит рядом с ними. И я все еще стою перед ним, невозмутимый и собранный, даже несмотря на его кровь и плевки на моей рубашке и куртке, с плоскогубцами в руках.

— Мне все еще продолжать? — Спрашиваю я его, ухмыляясь. — Может ты хотел бы потерять еще один ноготь? Может быть, кончик пальца ноги. Я также не забыл об угрозе твоим яйцам.

Мужчина насмехается надо мной.

— Вы, итальянцы, думаете, что вы такие неприкасаемые. Ты думаешь, что держишь этот город в железном кулаке. Но ты не можешь удерживать это вечно. Мы идем за вами, за вашими женами, за вашими сыновьями и дочерьми, за всей вашей пропитанной кровью семьей.

— На твоих руках столько же крови. — Я щелкаю плоскогубцами, но, к чести мужчины, он не дрогнул. На его лице в крови видны следы слез, но выражение лица по-прежнему вызывающее. — Вы годами пытаетесь захватить власть, но у вас не получается. Этот город — наш. Вам повезло, что у вас есть территория, которую мы вам позволяем.

Я наклоняюсь, закрепляя плоскогубцы на большом пальце большого пальца мужчины. Когда он снова ничего не говорит, я дергаю. Крик эхом разносится по складу. Когда мужчина снова может дышать, он пристально смотрит на меня.

— Мы ближе, чем вы думаете. Мы проникаем в ваш верхний эшелон, а вы даже не знаете об этом. И вы ни черта не узнаете, пока не станет слишком поздно.

Я снова щелкаю плоскогубцами, и он вздрагивает.

— Что ты хочешь этим сказать?

Росси прочищает горло, и я перефразирую, возвращаясь к первому вопросу, который я задал.

— Где София Ферретти? — Спрашиваю я.

— Это имя мне ничего не говорит.

Я издаю многострадальный вздох и снова присаживаюсь на корточки, так что мои глаза оказываются на одном уровне с Лео. От него воняет мочой, неудивительно, после того, через что он прошел сегодня вечером.

— Видишь ли, Лео, вот откуда я знаю, что ты морочишь мне голову. Потому что каждый член Братвы, от Виктора до твоей последней дворняги, знает, кто такая София Ферретти. Теперь она пропала, и все, что мне нужно знать от тебя, это где она находится. И если я еще не убедил тебя в том, что не остановлюсь ни перед чем, чтобы выяснить, возможно, это поможет.

Схватив его запястье одной рукой, я беру палец, на котором теперь не хватает ногтя, и дергаю его назад. К тому времени, как Лео перестает кричать, он снова обмочился.

Я морщю нос от отвращения.

— Мне нужно сломать еще один?

— Я не знаю, кто...

Тыльная сторона моей ладони сильно опускается на одно из его яичек.

— Я устал слышать, как ты кричишь, Лео, — говорю я громко, перекрикивая шум. — Но

от чего я больше всего устал, так это от того, что мне лгут. Есть много кусочков, которые я могу оторвать от тебя и при этом оставлять тебя достаточно живым, чтобы рассказать нам, где София. Избавь себя от лишней боли и скажи мне сейчас. Потому что я обещаю тебе, я не позволю тебе умереть, пока ты этого не сделаешь.

Когда плоскогубцы цепляются за другой палец, он начинает плакать.

— Я скажу тебе! — Кричит он. — Пожалуйста, просто не надо. Только не еще один, пожалуйста...

Я встаю, бросая плоскогубцы на ближайший стол.

— Хорошо. Следующим я собирался перейти к твоим зубам.

Лео вздрагивает.

— Я дам тебе адрес. Они держат ее в принадлежащем им отеле с другими девушками, теми, кто...

— Мы знаем все о бизнесе Виктора, Лео. Мы здесь сегодня не для этого. — Я киваю мужчине, стоящему рядом с Росси, моя челюсть напряжена. — Узнай адрес, заткни ему рот кляпом и свяжи его. Он идет с нами на случай, если он все еще лжет и нам придется срезать еще несколько ногтей, чтобы докопаться до правды.

Я разворачиваюсь на каблуках, выходя на прохладный ночной воздух. Я вдыхаю, и даже вонь доков предпочтительнее близости к потеющему, истекающему кровью, писающему мужчине на складе. Позади меня раздаются шаги Дона Росси, и я оборачиваюсь.

— Ну?

Выражение его лица не читаемо.

— Если она в том гостиничном номере и все еще жива, ты знаешь, что это значит.

— Я выполню свой долг.

— Ты уверен в этом? Знаешь, всегда есть выход. Тебе не обязательно жениться на этой девушке.

Я думаю об альтернативе. Росси не оставит ее в живых, чтобы русские снова попытались использовать ее в качестве рычага давления. Если я откажусь жениться на ней, София станет не более чем обузой, от которой нужно будет избавиться. Я очень хорошо знаю Дона Росси, он не дрогнет при этом. Я все, что стоит между ней и двумя одинаково ужасными выборами: быть проданной русскими или убитой человеком, который когда-то нанял ее отца. Самое последнее, чего я хочу, это жена. Но я не буду нести ответственность за нарушение обещания моего отца.

Плотно сжав губы, я мотаю головой в сторону "таун кара", где связанного Лео с кляпом во рту запикивают на заднее сиденье. В машине прямо перед ним скапливается группа вооруженных до зубов солдат, готовых взять штурмом отель, в котором удерживается София.

— Поехали, — натянуто говорю я, не глядя на Росси, направляясь к машине.

Теперь ее жизнь в моих руках. И я точно знаю, что планирую с этим делать.

СОФИЯ

Я просыпаюсь в постели. Первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я открываю глаза, это то, что я чувствую себя более комфортно, чем можно было

ожидать. Подушки и пуховое одеяло на ощупь мягкие, а в комнате пахнет лавандой. Мое тело, надо сказать, болит на протяжении каждого дюйма.

Я пытаюсь сесть, откидываясь на подушки, и именно тогда я полностью прихожу в себя, когда понимаю, что мои руки связаны над головой, привязаны к изголовью кровати.

Боже мой. О, мой гребаный бог, меня похитили...

Я кричу, звук наполняет комнату, когда я кричу во всю мощь своих легких, извиваясь так и этак, пытаюсь ослабить путы на моих руках. Поворачиваясь направо, я вижу мужчину, сидящего в кресле с подголовником у окна, его лицо слегка забавляется, когда он наблюдает за моей борьбой.

— В этом нет смысла, — говорит он с сильным акцентом, когда я на мгновение перестаю кричать, задыхаясь от шока. — Ты можешь кричать сколько угодно. Виктор владеет этим отелем и всеми, кто в нем находится. Все, чего ты добьешься, крича, это испортишь то, что, я уверен, является прекрасным голосом. И тогда твоя продажная цена будет намного ниже. Тебе это не понравится.

Цена продажи? Мое сердце колотится в груди так сильно, что причиняет боль. Я осматриваю себя, страх пробегает по позвоночнику и превращает мою кровь в лед, но я все еще одета. Мужчина ухмыляется.

— Никто тебя не трогал, малютка. Ты слишком ценна для этого.

В его голосе слышится нотка разочарования, и это вызывает у меня еще одну дрожь.

— Что вы имеете в виду, цена продажи? Кто меня продает? Куда?

— Теперь ты собственность Виктора Андреева. Наш босс, авторитет. Что касается того, куда или кому... — мужчина пожимает плечами. — Тому, кто предложит самую высокую цену, малютка. Может быть, шейх. Может быть, какой-нибудь бизнесмен. Кто знает?

— Прекрати, блядь, называть меня так, — шиплю я, снова дергая за веревку на своих запястьях. — Я не твоя гребаная малютка, что бы это, блядь, ни значило.

Мужчина внезапно встает, пересекает комнату и подходит к кровати. Я пытаюсь отстраниться, но он хватает меня за подбородок рукой, недостаточно сильно, чтобы оставить синяк, но достаточно сильно, чтобы причинить боль.

— Ты научишься держать свой хорошенький ротик на замке, пока в этом нет необходимости, — рычит он, впиваясь пальцами в мою щеку. — Или ты научишься сожалеть об этом. Мужчины, которые покупают девушек у братвы, не терпят наглости.

Я никогда не испытывала такого страха. Я чувствую, как мое сердце колотится в груди, все мое тело холодеет. Это душит. Но мне все же удается откинуть голову назад, собирая остатки влаги в моем пересохшем рту, чтобы плюнуть мужчине в лицо.

— Они тоже могут пойти нахуй, — шиплю я.

Он отшатывается. Я готовлюсь к пощечине, которая, я знаю, последует, но, прежде чем он успевает ударить меня вопреки здравому смыслу, дверь открывается.

Мужчина немедленно напрягается, отступая назад.

— Михаил. Она плюнула в меня...

— Сядь. — Человек, который вошел Михаил? — Это тот, из клуба. Человек с татуировкой орла, тот, кто похитил меня. Страх на мгновение сменяется гневом, когда я дергаюсь вперед, снова сопротивляясь, когда я смотрю на него.

— Ты, блядь, похитил меня! Ты знаешь, кто я?

Я никогда в своей жизни не рассматривала возможность использования этой строки. Я даже не знаю, значит ли это что-нибудь еще. Но в эти, самые ужасные моменты моей жизни,

все, о чем я могу думать, это о том, что, если есть хоть малейшая возможность, что обращение к имени моего отца может спасти меня, я должна попытаться. Но Михаил только улыбается. На его лице появляется покровительственная усмешка, как будто он смотрит на кого-то очень глупого.

— Конечно, я знаю, кто ты, София Ферретти. Вот почему ты здесь.

Я ошеломленно смотрю на него.

— Я...

Вся надежда, которую я на мгновение почувствовала, покидает меня, оставляя ощущение слабости и опустошенности. Это было все, что у меня было, моя единственная карта для игры.

— Дело в деньгах? — Я снова пробую эту тактику. — Потому что, если это так, ты можешь их забрать. Я даже не хочу их.

— Мы знаем. — Михаил подходит ближе к кровати, глядя на меня сверху вниз. Я никогда в жизни не чувствовала себя такой беспомощной и уязвимой.

— Дело не в деньгах, София.

— Тогда что?

— Ты приманка, — просто говорит он. — Ты всегда была такой. Просто было неподходящее время выставлять тебя напоказ перед человеком, который, мы знаем, придет за тобой. Но теперь у нас есть то, что нам нужно.

— Ты ошибаешься, — говорю я так храбро, как только могу. — Никто за мной не придет.

Эти слова оставляют пустую боль в моей груди. Но, насколько я знаю, это правда. У меня никого не осталось. Ана, мой единственный настоящий друг, и она понятия не имеет, где я. Ана. От одной мысли о ней у меня на глаза наворачиваются слезы. Она сейчас ужасно волнуется, наверное, винит себя за то, что вообще повела нас в этот ужасный клуб...

— О, я могу заверить тебя, кое-кто придет. — Михаил проверяет свои часы, сверкающие золотые часы на его запястье, которые выглядят дорогими. — И он должен быть здесь с минуты на минуту.

Я слышу потрескивание, и Михаил подносит палец к уху, как будто с ним кто-то разговаривает.

— Да. Я слышу тебя. — Он кивает мужчине с другой стороны кровати. — Будь готов. Остальные снаружи. Они поднимаются.

— Кто там блядь поднимется? — Рычу я. Требую я. — Что, черт возьми, происходит?

Михаил разворачивается, сильно ударяя меня по одной щеке.

— Я думаю, что Антон должен был научить тебя лучшим манерам, — шипит он. — Для девушки с таким хорошим воспитанием у тебя грязный рот. Я думал, что твой отец научил тебя лучше. — Он холодно улыбается, поднимаясь на ноги. — Не волнуйтесь, я уверен, что человек, который тебя купит, будет слишком занят, чтобы говорить такие вещи.

Затем он наклоняется, развязывая путы, которыми я привязана к кровати, хотя мои запястья все еще связаны чем-то похожим на пластик, на застежку-молнию. Я начинаю сопротивляться в тот момент, когда он начинает поднимать меня с кровати, и он снова дает мне пощечину, сильную.

— Я не хочу оставлять следы, — говорит Михаил низким и угрожающим голосом. — Виктор будет расстроен, если под угрозой окажется твоя цена. Но ты должна успокоиться

Я не буду. Полностью игнорируя его, я извиваюсь в его хватке, пока он не хватает меня

за волосы и дергает мою голову назад так сильно, что у меня на глазах выступают слезы. Его взгляд скользит вниз, останавливаясь на крестике у меня на шее.

— Что это? — Свободной рукой он касается ожерелья, и я почти рычу на него, извиваясь, несмотря на его хватку за мои волосы, и отчаянно пытаюсь укусить его. Михаил ухмыляется.

— Я должен забрать это у тебя, я думаю. Шлюха не должна иметь такие красивые вещи.

Я мгновенно прекращаю сопротивляться. Я ненавижу себя за это, потому что знаю, что это именно то, чего он хочет. Но я не вынесу, если отнимут ожерелье моей матери. Даже если это означает подчинение этому ужасному человеку, на данный момент.

— Нет, пожалуйста, — шепчу я, ненавидя хныканье в своем голосе. — Пожалуйста, не забирай это.

— Если я оставлю это, ты будешь хорошей девочкой? — Покровительственный тон возвращается, и Михаил ухмыляется мне сверху вниз. Он играет на мне, как на хорошо настроенном инструменте, и он это знает.

— Да, — шепчу я, слезы текут из моих глаз.

— Хорошо. — Затем он тащит меня через комнату к шкафу. — Ты останешься здесь, пока мы не закончим. Меньше шансов, что тебя настигнет шальная пуля. Не двигайся, — предупреждает он, глядя вниз на мое ошеломленное и испуганное лицо. — Не пытайся сбежать. Ты покойница, если сделаешь это.

И с этими словами он закрывает дверь, оставляя меня в темноте.

* * *

В первые несколько секунд, которые я провожу в шкафу, я подумываю о том, чтобы проигнорировать приказ Михаила и попытаться сбежать в любом случае. Мои руки связаны, и я слышу, что в комнате все еще есть люди, будь то Михаил, или Антон, или другие, я не знаю, но всегда есть вероятность, что я смогу проскользнуть мимо них. Я пока не готова сдаваться.

Но потом я слышу первый выстрел за пределами комнаты, и мое тело превращается в лед. Раньше я думала, что мне страшно. Это ничто по сравнению с тем, что я чувствую сейчас. Я живу в Нью-Йорке, я определенно слышала стрельбу раньше, но никогда так близко, и чтобы это было так лично. Что бы ни происходило за пределами этого чулана, это касается меня. И я этого не понимаю.

Михаил сказал, что кто-то придет за мной. Но я не знаю, кто. После похорон моего отца я редко видела мужчин в дорогих костюмах. Время от времени кто-нибудь приходил в нашу квартиру. Но с годами визиты становились все реже, а промежутки между ними увеличивались. Последний раз я видела одного из них в больнице, как раз перед смертью моей матери. Я предположила, что это был кто-то, кто оплачивал счета, но я была слишком измучена и убита горем, чтобы задавать вопросы или беспокоиться.

Мне всегда было интересно, имеют ли деньги к ним какое-то отношение. Это имеет наибольший смысл, но я не знаю, почему по прошествии стольких лет им все еще не все равно. Во что бы ни был вовлечен мой отец, пока был жив, это больше не имеет ко мне никакого отношения. За исключением того, что, по-видимому, это так и есть.

Раздается еще один выстрел, и еще, и звуки криков и ругани на русском и итальянском. Звук родного языка моего отца заставляет меня поднять голову, даже когда я сворачиваюсь в тугий комочек в углу маленького шкафа, в ужасе от шальной пули, пробивающей дверь. Выстрелы теперь раздаются быстрее, и я чувствую, как комната

сотрясается, когда тело сильно ударяется о стену, и слишком близко к моему укрытию для комфорта. Кто бы ни приехал, они итальянцы. А это значит, что они, должно быть, знали моего отца.

Я прижимаюсь лицом к ковру, слезы страха и замешательства текут по моему лицу. Я не хочу умирать здесь, вот так, в отчаянии думаю я. Я также не хочу, чтобы меня продавали в какую бы то ни было схему торговли людьми, которой руководит Братва. Но больше всего на свете я просто хочу жить. Этот простой факт никогда не поражал меня так отчетливо, как сейчас, когда я вдыхаю аромат гостиничного ковра, когда звуки выстрелов эхом отдаются прямо за дверью.

Кажется, это длится вечно. Я потеряла всякий счет времени, когда в комнате внезапно воцаряется тишина, и я чувствую, как мой желудок скручивается узлом, когда я задерживаю дыхание, ожидая новых кадров. Но они не приходят. Секунду спустя дверь в чулан открывается, и внутрь проникает свет. Я приподнимаюсь на связанных руках, моргая, когда смотрю вверх. Там стоит мужчина, темноволосый, а не блондин, его белая рубашка забрызгана кровью, а в руке пистолет.

Боже мой, он чертовски великолепен, это последняя нелепая мысль, которая проносится у меня в голове, пока я шатаюсь, опасно наклоняясь в одну сторону. И затем, когда мой спаситель мрачно смотрит на меня сверху вниз, я теряю сознание от страха.

ЛУКА

Каждый раз, когда я встречал Софию Ферретти, она была в слезах. Последний раз это было на похоронах ее отца, когда она была круглолицей двенадцатилетней сопливой девчонкой. Теперь она выглядит совершенно по-другому. Она сбросила детский жирок, и ее волосы стали платиново-светлыми, а не темно-каштановыми, без сомнения, обесцвечена. Что-то, чему я положу конец, как только мы поженимся. Как и восемь лет назад, ее лицо красное от слез, но в моей голове только одна поразительная мысль, когда я впервые вижу Софию Ферретти совсем взрослой.

Она ослепительно прекрасна.

— Лука.

Голос Дона Росси врывается в мои мысли.

— Там один все еще жив.

У меня скручивает живот. Я не хочу больше никого мучить. Я хочу забрать Софию отсюда. Настойчивость этой мысли поражает меня. Я не хочу заботиться о ней. Но в этой комнате, где пахнет порохом, кровью и смертью, все, о чем я могу думать, это о том, что она не должна очнуться и увидеть это. Выражение ее глаз перед тем, как она потеряла сознание, это не то, что я скоро забуду. Она была похожа на перепуганное животное, попавшее в капкан, это подходящее описание ситуации, в которой она находилась до нашего приезда.

— Я хочу забрать отсюда свою невесту, — спокойно говорю я, поворачиваясь к Росси. — Я не хочу, чтобы она видела тела.

Росси смотрит на меня с любопытством.

— Я думал, тебе насрать на нее.

— Я не знаю... — Я стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно. — Но я бы предпочел, чтобы ее первое впечатление обо мне не было... таким. — Я обвожу рукой комнату. Повсюду тела, стены забрызганы кровью. Пулевые отверстия на нескольких поверхностях.

Росси бросает взгляд на выжившего русского. На его лице вызывающая усмешка, и мне кажется, я смутно узнаю его, хотя и не знаю его имени. Один из бригадиров Виктора, если я правильно помню.

— Бруно справится с ним, — говорит он наконец. — Уведи Софию отсюда.

— Спасибо. — Я уважительно киваю, помня, несмотря ни на что, что Росси — Дон, глава семьи. Мне может дорого обойтись спорить с ним так, как я только что сделал, и я не уверен, почему я рискую этим. Все ради Софии, чтобы она была избавлена от вида крови и мертвых тел?

Шагая к шкафу, я подхватываю Софию на руки. Она кажется очень легкой, ее голова опускается на мое плечо, лицо белое, как бумага, и бескровное. Я делаю мысленную заметку позвонить врачу, который выезжает на дом к семье. Если эти собаки хотя бы подняли на нее руку...

Когда ее голова наклоняется на свету, я вижу, что по крайней мере один из них сделал это. Ее нижняя губа разбита, и там и на подбородке засохла кровь. На ее щеке образуется слабый синяк, и горячая, обжигающая ярость поднимается в моей груди, когда я прохожу через комнату с Софией на руках. Я не пожалел ни об одном русском, которого убил сегодня вечером, и теперь я рад этому. Мысль о том, что один из них ударил ее, наполняет меня незнакомой, почти первобытной яростью.

Это тревожное чувство.

Всю свою жизнь я взял за правило заботиться только о своей работе, своем положении и своем богатстве. Смерть моего отца преподала мне урок, который сослужил мне хорошую службу, каждый член семьи живет жизнью, которая может закончиться в любой момент. И не только мужчины. Наших женщин могут убить, похитить, использовать в качестве пешек против нас. Я видел, как унижали мужчин, которые нарушили кодекс молчания, потому что поверили угрозам в адрес своих жен или детей. Любить кого-то означает потерю контроля. Это означает, что у вас что-то могут отнять, и вы ничего не можете с этим поделать. Это не то, что соответствует тому, как я решил прожить свою жизнь.

Я осторожно укладываю Софию на заднее сиденье машины, занимая место напротив нее. Откинувшись назад, когда машина выезжает на движение позднего вечернего Манхэттена, я наблюдаю, как слегка поднимается и опускается ее грудь в обтягивающем черном платье, которое на ней надето, изучаю бледный оттенок ее лица, изгиб розовых губ в форме бантика. Вокруг ее рта все еще виднеется слабое пятно от помады, но теперь это ее цвет, теплый, розовый и мягкий. Это заставляет мой член подергиваться, слегка твердея, когда я позволяю своему взгляду скользить по ее распростертому телу, и я на мгновение думаю о том, каково это, иметь ее своей женой в моей постели.

Она больше не ребенок. Она женщина, и удивительно красивая. К завтрашнему вечеру мое кольцо будет у нее на пальце, и не пройдет и недели, как она станет моей невестой во всех отношениях. София, возможно, и не знает, что будет дальше, но еще никогда не было женщины, которая отказалась бы от моей постели. Я сбился со счета, сколько их у меня было, и все же очарование нового тела для исследования, новых губ на вкус никогда не

теряло своей привлекательности. Я никогда не хотел ограничивать себя одной женщиной, и одна из многих привилегий моего положения и богатства заключается в том, что меня никогда не попросят об этом. Жены мафиози знают, что их мужья неверны. Все, чего они просят, это осмотренности, и, будучи джентльменами, мы даем им это. Но, глядя на лицо Софии в падающем свете, я чувствую то, чего никогда раньше не испытывал, собственничество, от которого мне становится не по себе. Потребность не только в удовольствии от женского тела, но и во всем остальном.

Когда Дон Росси сказал мне, что ее похитили, очевидным ответом было отправиться за ней. София, слишком ценный актив, чтобы оставлять его в руках русских, выбор всегда был в том, чтобы спасти ее или полностью уничтожить. На первый взгляд, легко сказать себе, что бойня, которую я только что устроил, была частью моей работы по охране территории семьи Росси, территории, которая в конечном итоге перейдет ко мне.

Но в глубине души я знаю правду.

Мертвая Братва в том отеле лежит в собственной крови не из-за необходимости защищать территорию. Я убил их, потому что они забрали то, что принадлежало мне.

* * *

Доктор Карелла уже ждет, когда мой водитель заезжает в гараж. Я никогда раньше не задумывался об этом, но впервые я рад, что врач, который выезжает на дом к Дону Росси, его коллегам и их семьям — женщина. Росси думал, что поступил очень прогрессивно, когда выбрал ее нашим личным врачом, но в данный момент меня не волнует оптика этого. Мысль о том, что другой мужчина прикасается к Софии, осматривает ее, заставляет меня снова напрячься. С этого момента единственным мужчиной, который прикасается к ней, черт возьми, который даже смотрит на нее, буду я.

У меня нет времени изучать эти новые ощущения, да и не особенно хочется. Вместо этого я просто вытаскиваю Софию с заднего сиденья машины и направляюсь к частному лифту, который поднимет нас в мой пентхаус, а доктор следует за мной по пятам. Она не задает вопросов. Доктор Карелла сохранила свою работу и свою жизнь, работая так фамильярно с семьей, потому что она знает, что такое конфиденциальность, и она знает, что ей лучше иметь меньше информации, а не больше. Итак, когда я укладываю Софию на кровать, она просто ободряюще улыбается мне и спокойно говорит:

— Мистер Романо, выйдите из комнаты, пока я осматриваю ее, пожалуйста. Я позову вас через несколько минут, когда закончу.

Моя немедленная реакция — отказаться. При виде нежного тела Софии, распростертого на моем черном покрывале, что-то сжимается глубоко внутри меня. Она выглядит очень бледной, очень хрупкой... очень хрупкой.

Это не должно волновать меня так сильно, как это происходит.

— Мистер Романо, — подталкивает доктор. — Лука.

То, что она произносит мое настоящее имя, наконец выводит меня из задумчивости.

— Хорошо, — рычу я. — Но не занимай слишком много времени.

Я выхожу из комнаты, чувствуя, как напрягся каждый мускул в моем теле. Мои руки сжаты по бокам, и я высвобождаю их, быстро направляясь к стеклянному окну от пола до потолка на одной стороне моей гостиной, стараясь не думать о том, как София выглядит в моей постели. Каждый дюйм ее тела, от нежного бледного лица до стройного тела и ореола золотистых волос вокруг головы, напоминал о спящем ангеле, спасенной принцессе, о чем-то невинном, чистом и прекрасном.

Вот почему ты не имеешь права жениться на ней.

Я далек от всего этого, тем более от всей этой ванили. Я пытал мужчин, я убивал их, я трахал столько женщин в этом городе, сколько мог достать, и вплоть до этого самого момента у меня не было ни малейшего намерения останавливаться. Чтобы сохранить свой город и свою территорию, мне придется пытать и убивать еще больше людей, и ничто во мне не противится этому ни на секунду. Но в данный момент я чувствую себя обязанным проливать кровь не из-за своего места во главе этого города.

За Софию.

Я никогда не задумывался ни об одной женщине, к которой прикасался. Мои отношения с ними заканчивались в ту же секунду, когда я выбрасывал презерватив или наблюдал, как они глотают мою сперму. Я также не ожидал, что буду думать о Софии, после того дня, когда мы обменяемся клятвами, которые защитят ее, и завершат наш брак. В конце концов, один раз, это все, что необходимо для того, чтобы сделать его законным. Один раз удовлетворил бы любое затаенное любопытство о том, какой женщиной она выросла. Может быть, еще несколько раз в нужное время месяца, если я решу, что хочу детей. Но дети никогда не были частью этого плана. Мое место должно перейти к сыну Франко, когда я умру, если Катерина подарит ему его.

Все, о чем я могу думать сейчас, глядя на город внизу, этот город, который принадлежит мне, это о том, что я хочу Софию Ферретти больше, чем один раз. Больше, чем на одну ночь. Когда я увидел ее лицо, смотрящее на меня с пола того шкафа, что-то изменилось.

Блядь, все изменилось. И я сожгу весь этот город дотла, если понадобится, чтобы Виктор Андреев никогда больше не забрал ее у меня.

* * *

Когда доктор Карелла выходит, она выглядит спокойной, что, в свою очередь, немного успокаивает меня. Я встречаю ее на полпути через комнату, опускаясь на свой кожаный диван, в то время как она садится напротив меня.

— Физически она в порядке, — говорит доктор. — У нее несколько незначительных кровоподтеков на лице и травма губы, а также несколько синяков вокруг запястий, но в целом они, похоже, не причинили ей вреда. Я проведу несколько анализов крови, поскольку она, скорее всего, была накачана наркотиками, и я бы посоветовала вам присмотреть за ней, как только она снова придет в сознание. Я не заметила никаких признаков сотрясения мозга, но если она покажется больной, было бы разумно позвонить мне на случай, если у нее возникнут какие-либо побочные эффекты от лекарств.

Доктор Карелла делает паузу.

— Я не увидела никаких признаков... жестокого обращения.

— Что это значит? — Я хочу услышать это ясно. Если эти собаки надругались над моей невестой...

— Ее не трогали, кроме синяков, о которых я упоминала. И я совершенно уверена, что она все еще девственница, если это имеет для вас значение. — Рот доктора Кареллы изгибается вниз, когда она говорит это, и я ясно вижу на ее лице, что именно она думает об этой идее.

Если бы она упомянула об этом сегодня вечером раньше, я бы сказал, что мне насрать, была ли София Ферретти девственницей или она трахалась с каждым парнем между своей квартирой и Пятой авеню. Но, как и во всем остальном сегодня вечером, это, кажется, изменилось. Мысль о том, что другой мужчина прикасается к ней, заставляет мой желудок

сжиматься от ярости. И мысль о том, что она девственница, о том, что я буду первым, кто увидит ее обнаженное тело, прикоснется к ней, скользнет внутрь нее и возьмет ее в первый раз...

Мне тяжело даже просто думать об этом. Желание, которое пронзает меня, является чем-то первобытным и порочным, и мне приходится глубоко вдохнуть и прогнать мысль о том, что я хочу сделать с девственным телом Софии, просто чтобы я мог встать и пожать доктору руку.

— Спасибо, что пришла, — говорю я ей, мой голос холодный и официальный. — Я позвоню тебе, если замечу что-нибудь неуместное.

Доктор Карелла колеблется.

— Да? — Я слышу, как мой тон становится жестче. — Есть что-то еще?

Я хочу побыть наедине со своей невестой. Мне не терпится, чтобы она проснулась, чтобы я мог поговорить с ней и объяснить ситуацию, как все будет дальше. Она, конечно, будет благодарна мне за то, что я спас ее, и тогда мы сможем обсудить будущее: нашу свадьбу, то, что будет после, и что нужно будет сделать, чтобы обеспечить ее безопасность и безопасность всех, за кого я несу ответственность.

— Ее физические повреждения были незначительными, — повторяет доктор Карелла. — Но ее эмоциональное и психическое состояние, когда она проснется, может быть хрупким. Я бы поостереглась этого, мистер Романо.

— Я буду иметь это в виду. — Я шагаю к входной двери, которая ведет в холл, широко открывая ее. — Спокойной ночи, доктор Карелла.

Она тонко поджимает губы, и я могу сказать, что она хочет сказать еще что-то. Мудро, что она передумывает, кивает и выходит из квартиры, не сказав больше ни слова.

Полностью закрыв за собой дверь, я поворачиваюсь к спальне, мой пульс учащается, когда я думаю о том, что меня там ждет.

Пришло время поговорить с моей невестой.

СОФИЯ

Я снова в постели.

Когда я прихожу в сознание и чувствую пуховое одеяло под своими руками, моя первая мысль, что все это было сном: выстрелы, спасение, человек, который стоял в дверном проеме. Волна чистого ужаса пронзает меня, когда я рывком сажусь, мои волосы падают на лицо, пока я борюсь с желанием закричать. Я должна сбежать, я должна выбраться отсюда, я должна...

И затем, постепенно, я начинаю осознавать свое окружение.

Я чувствую под руками покрывало, руки больше не связаны. Я могу сесть, я ни к чему не привязана. И в комнате не пахнет лавандой, как в отеле, вместо этого здесь пахнет чистотой, как свежее постельное белье, и легким дымком, как...

Как мужчина.

Ко мне возвращается воспоминание о человеке в дверном проеме, забрызганном кровью и с пистолетом в руках. Кем он был? Был ли он тем, о ком говорил Михаил, когда сказал, что

кто-то придет за мной?

Я убираю волосы с лица, оглядывая комнату, в которой я оказалась. Свет приглушен, но я могу разглядеть некоторые детали, я сижу посреди массивной кровати, застеленной гладким черным пуховым одеялом и набором аккуратно разложенных подушек, чередующихся черного и белого цветов. Вся комната одинаково элегантно и монотонно, большую часть одной стены закрывают затемненные шторы, пол из темного дерева, а изголовье кровати обтянуто черной кожей. Все мрачно и по-мужски, а в комнате пахнет властью и деньгами. Я готова поспорить, что прикроватная тумбочка из железа и дерева справа от меня стоит столько же, сколько месячная аренда моей квартиры, если не больше.

Делая глубокий вдох, я пытаюсь замедлить учащенное сердцебиение. Я больше не в отеле, и это хорошо. Надеюсь, я вырвалась из рук Михаила, хотя я не знаю, в чьи руки я попала, лучше они или хуже. Нет ничего хуже, чем стать жертвой торговли людьми, говорю я себе. Где бы я сейчас ни была, это должно быть улучшением в этой судьбе.

По крайней мере, я на это надеюсь.

Медленно вставая, я направляюсь к стене, где опущены жалюзи. У меня немного кружится голова, и я чувствую шаткость, но мне удастся держаться прямо. Кто-то снял с меня обувь, я вижу туфли-лодочки, небрежно брошенные рядом с кроватью, и моим босым ногам приятно ощущать пол, прохладный и гладкий. Что-то в этом ощущении немного успокаивает меня, и я делаю еще один глубокий вдох, когда тянусь к шторке, чтобы отодвинуть ее и попытаться получить хоть какое-то представление о том, где я нахожусь.

Шторка вообще не двигается, даже когда я дергаю за нее. Расстроенная, я отодвигаю один угол, чтобы заглянуть за нее, и сдерживаю вздох при виде того, что простирается передо мной. Это не столько окно, сколько стена, большая часть этой стороны комнаты занята стеклом от пола до потолка, из которого открывается вид на часть города. Огни снаружи простираются так далеко, насколько я могу видеть, здания, из которых состоит город внизу, разбросанных в миниатюре. Как высоко я нахожусь? С головокружением думаю я, глядя вниз, и мне приходится на минуту отступить, чтобы внезапное головокружение отступило.

— Красиво, не правда ли?

Глубокий мужской голос заполняет комнату, и я слишком быстро оборачиваюсь. Я чувствую, что опасно наклоняюсь в сторону, но мужчина пересекает комнату, прежде чем я успеваю упасть, ловя меня широкими сильными руками за талию.

Я смотрю в самую зеленую пару глаз, которые я когда-либо видела, и мое сердце трепещет в груди. Черты его лица затенены, но я могу разглядеть острую линию его носа, край высоких скул, сильную челюсть. Странное ощущение пробегает рябью по моему телу, и я чувствую, как мне становится теплее от его прикосновений. Мое сердце снова начинает учащенно биться, и я чувствую, как бабочки порхают у меня в животе, покалывание распространяется по всему телу, вплоть до кончиков пальцев, когда я упираюсь руками в его грудь.

И затем я смотрю вниз и вижу кровь на его рубашке, алые пятна на белом.

Я вырываюсь из его хватки, отступая назад так быстро, что снова чуть не спотыкаюсь. На этот раз он не пытается схватить меня, только смотрит, как я неуверенно сажусь на край кровати, затем переходит на другую сторону комнаты.

— Они электрические, — объясняет он, нажимая кнопку на стене. С тихим гудением жалюзи начинают раздвигаться, впуская городской свет в комнату, делая ее немного ярче. —

Из моей гостиной открывается не менее потрясающий вид. — Он бросает на меня взгляд, и я вижу, как его губы приподнимаются от удовольствия при виде выражения моего лица. — Я полагаю, к этому нужно немного привыкнуть.

Я непонимающе смотрю на него. Сколько денег у кого-то должно быть, чтобы так жить?

— Как высоко мы находимся? — В конце мой голос скрипит, и я отчаянно желаю, чтобы этого не было.

— Мы на самом верхнем этаже, — отвечает он, его рот все еще подергивается, как будто он находит мой шок забавным. — Ты в пентхаусе. Моем пентхаусе, — уточняет он. — На крыше есть бассейн и гидромассажная ванна, если ты хочешь их увидеть.

Пентхаус? В Нью-Йорке? Этот мужчина, должно быть, миллионер даже больше, чем миллионер. Я медленно поднимаюсь на ноги, расправляю плечи и вздергиваю подбородок. Что бы здесь ни происходило, какая бы ни была причина, по которой он оказался там, чтобы вытащить меня из этого чулана, что бы ни происходило между ним и Братвой, я точно знаю, что не хочу в этом участвовать. Я также знаю, что больше никогда не пойду ни в один гребаный ночной клуб на Манхэттене.

— Большое тебе спасибо, что спас меня, — начинаю я со всем достоинством, на какое только способна. — Но, если ты не возражаешь вызвать мне такси, я бы хотела сейчас поехать домой.

Мужчина хихикает, низко и проникновенно.

— Ты никуда не пойдешь, София.

Холодок пробегает у меня по спине.

— Прости? — Мой голос срывается, несмотря на все мои усилия, страх последних нескольких часов возвращается в полную силу. — Кто ты? Откуда ты знаешь мое имя? И что ты имеешь в виду, говоря, что я никуда не пойду?

Он снова прижимает руку к стене, и встроенные в потолок светильники становятся ярче, давая мне лучший обзор всего в комнате, и его самого. В какой-то маленькой части себя я надеялась, несмотря на обстоятельства и следы крови на его рубашке, что это был кто-то другой, а не тот мужчина, которого я видела перед тем, как потерять сознание. Но теперь нет никаких сомнений в том, что это тот же самый человек.

Мужчина ухмыляется, его рот кривится с одной стороны на его красивом лице. Он так же великолепен, как я и думала вначале, с густыми темными волосами, коротко подстриженными и искусно уложенными, резкими чертами лица и высоким, мощным телом, облаченным в идеально сшитый костюм. Если бы не кровь, он был бы похож на любого из мужчин, которых я видела в барах, куда Ана водила меня ранее сегодня вечером.

Это действительно было сегодня вечером? Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я невинно бродила по значным местам Манхэттена со своей лучшей подругой. Даже не кажется, что это произошло на одной неделе, не говоря уже о том, что всего за несколько часов до этого.

Он все еще внимательно наблюдает за мной своими пронзительными зелеными глазами, такими же властными, как у мужчин, которых я видела ранее, тех, от которых мне было так неуютно, которые напоминали мне альфа-хищников, осматривающих свою территорию. Ждущих, чтобы забрать свою добычу.

Я не совсем уверена, что это не то, кем я являюсь для него.

— Я начну с первого вопроса, — холодно говорит он. — Я Лука Романо.

Романо. Это имя звучит как далекий звонок. Закрывая глаза, я вспоминаю прошлое, пытаюсь вспомнить, где я могла слышать это имя раньше. Я смутно помню, как высокий и красивый мужчина пришел к нам домой на ужин. Я с трудом могу вспомнить, как мой отец представлял его нам, и я слышу голос моего отца в своей голове, говорящий нам, что это был его лучший друг, человек по имени что-то вроде... Романо. Там был еще кто-то... его сын. Мальчик старше меня, уже почти подросток, когда они пришли навестить меня. Я не могу вспомнить его имя сейчас, я даже не могу вспомнить имя друга моего отца, но...

Мой взгляд останавливается на мужчине... Луке Романо, когда дыхание покидает мое тело.

— Твой отец знал моего, — шепчу я, и у меня снова кружится голова. Я чувствую головокружение. — Твой отец был лучшим другом моего отца. Я помню, как он приходил к нам домой... — Я пристально смотрю на Луку. Я хочу сказать, что не могу в это поверить, но могу. Теперь это имеет смысл или, по крайней мере, немного имеет. — Ты был с ним.

— Я был. Я также был на похоронах твоего отца. Я помню, что видел тебя там в обоих случаях. — Отвечает Лука. Он наблюдает за мной со своего места у окна, как будто я испуганное животное, которое может убежать, если он будет двигаться слишком быстро.

— Но почему... — Для меня это все еще не совсем понятно. — То, что наши отцы знали друг друга, не объясняет, почему ты был там сегодня вечером. Это не объясняет, как ты узнал, где я была... откуда ты знаешь меня. Я даже не помню, чтобы мне называли твое имя до сегодняшнего вечера.

Лука улыбается, но это не касается его глаз. В его лице есть что-то еще, выражение, которое я не совсем могу прочесть.

— Я знаю тебя, потому что наши отцы дали обещание восемь лет назад, София. Обещание, которое теперь, из-за Братвы, я должен сдержать. Обещание, которое удерживает тебя здесь, со мной.

— Что? — Должно быть, я неправильно его расслышала. — Я здесь не останусь.

Он глубоко вздыхает.

— Да, София, придется остаться. С таким же успехом ты можешь начать думать об этом пентхаусе как о своем доме. Это будет, очень скоро.

— Я не понимаю.

Лука делает шаг ко мне, затем еще один. Я вижу напряжение в его теле, как работают мышцы на его челюсти, и я внезапно очень отчетливо осознаю, какой он крупный мужчина. Он возвышается надо мной на несколько дюймов, и я вижу, как напрягаются мышцы под рукавами его рубашки, когда он скрещивает руки на груди, глядя на меня сверху вниз властным взглядом человека, который уже принял решение.

— К концу недели, София, ты станешь моей женой.

СОФИЯ

— Ты что, издеваешься надо мной?

Слова срываются с моих губ прежде, чем я могу их остановить, когда я отступаю, намереваясь обойти его к двери.

— Я не собираюсь выходить за тебя замуж! Я даже не знаю тебя! С какой стати ты думаешь...

— Я знаю, это шок, — мягко говорит Лука, прерывая меня. — Но это не вопрос, София. Я не прошу тебя выйти за меня замуж. Я говорю тебе, что ты выйдешь за меня замуж. У тебя нет выбора в этом вопросе.

Я непонимающе смотрю на него.

— Послушай, как я уже говорила раньше, я ценю, что ты спас меня. Те люди были ужасны, и я действительно благодарна, что ты вытащил меня оттуда. Но прямо сейчас все, что я хочу сделать, это вернуться в свою квартиру, сообщить моей подруге, что я все еще жива, а затем заявить о гребаной банде торговцев людьми, которая работает в отеле в центре Манхэттена!

Лука делает глубокий вдох, и я вижу, как раздражение начинает распространяться по его лицу.

— София. Ты не можешь уйти. Это были не просто люди, это была Братва. Враги твоего отца, и моего, и человека, на которого я работаю. Мои враги и твои. Они не остановятся и не оставят тебя в покое. К твоей старой жизни возврата нет.

Я слышу, что он говорит, но это не укладывается в голове. Я не могу в это поверить, я не могу. Этим утром я была просто студенткой Джульярдской школы, скрипачкой, сиротой. Я не была кем-то важным или кем-то заметным, кроме своего места первого председателя в классе.

— У меня нет врагов, — говорю я, мой голос начинает немного дрожать. — Если они были врагами моего отца, прекрасно, но мой отец мертв, Лука! Он мертв уже восемь лет! Это не имеет ко мне никакого отношения!

На секунду я почти вижу проблеск сочувствия в его глазах.

— Прости, София. Это тоже был не мой выбор, — признается он. — Но это имеет непосредственное отношение к тебе и ко мне. И они не собираются останавливаться только потому, что ты не хочешь быть частью этого. Ты родилась в этом, как и я.

Я делаю паузу, обдумывая.

— Так ты не хочешь на мне жениться?

Это нечитаемое выражение снова появляется на его лице.

— Я не хотел, — говорит он, и от меня не ускользает его использование прошедшего времени. — Но выбор сделан, София. Мы поженимся.

— Если ты не хочешь, тогда не делай этого, — шепчу я. Мое сердце колотится так сильно, что причиняет боль. — Просто отпусти меня.

— Я не могу этого сделать.

— Это не мой план на всю жизнь! — Я огрызаюсь на него, гнев внезапно возвращается из-за его полной непримиримости. — Я должна закончить колледж через два месяца и уехать с Манхэттена, как и хотел мой отец! Я отправлюсь в Париж, а потом отправлюсь на прослушивание в оркестр в Лондоне, а потом...

Я внезапно останавливаюсь, вспоминая первое, что он сказал, когда объяснил, от куда он меня знает.

— Ты сказал, что было обещание, что наши отцы дали обещание. Что ты имел в виду под этим?

Лука глубоко вздыхает.

— Ты не присядешь? — Он указывает на кровать.

Скрещивая руки на груди, я решительно качаю головой.

— Нет.

— Хорошо. Его челюсти сжимаются, и я вижу, как там работают мышцы, пока он обдумывает, что сказать дальше. — Твоя мать никогда не рассказывала тебе об этом?

— Нет. — Я свирепо смотрю на него. — Просто скажи мне, что происходит.

— Это имеет отношение к тому, как умер твой отец, София. Я предполагаю, что ты тоже не знаешь подробностей об этом?

Я молча качаю головой.

— Возможно, твоей матери тоже мало что сказали. Семья, в которой работают наши отцы, а теперь и я, не очень заботилась о твоей матери. Она была русской, и поэтому они отнеслись к ней с подозрением. Босс твоего отца не одобрил его женитьбу на ней.

— Я так и предполагала. — Я поняла это из того факта, что моей матери не разрешалось говорить по-русски даже дома, из того, как мой отец поощрял ее попытки слиться с толпой, из того, как она оставалась на кухне или в спальне моих родителей всякий раз, когда в дом приходили мужчины в костюмах. То, как женщины на похоронах смотрели на нее.

— Так что, возможно, ей даже никогда не говорили. Ее вызвали в офис Дона после смерти твоего отца и допросили об этом. — Лука делает паузу. — Тебе не нужно много знать об этом.

Вот тогда ко мне и возвращается воспоминание, что-то, что ускользнуло из-за травмы в дни, последовавшие за смертью моего отца. Моя мать оставила меня с соседкой, сказав, что скоро вернется, но она была расстроена. Теперь я помню, что она выглядела так, как будто плакала. *Если я не вернусь, позвони по этому номеру. Они заберут ее.* Я помню, как слышала этот шепот и не понимала его. Я помню сочувствующий взгляд на лице соседки. Но моя мать вернулась. У нее был синяк на лице и заплаканный глаз, и когда я спросила ее об этом, она улыбнулась и сказала, что споткнулась и упала.

Я чувствую, как моя кровь превращается в лед, когда меня поражает осознание того, что на самом деле произошло в тот день.

— Нет, — холодно отвечаю я, глядя на Луку. — Они ничего ей не сказали. Я была всего лишь ребенком и травмирована, но теперь я вспомнила. Моя мать вернулась с распухшей челюстью и подбитым глазом. Они думали, что она имеет какое-то отношение к смерти моего отца, не так ли?

Лука ничего не говорит. Он просто бесстрастно стоит, засунув руки в карманы, наблюдая за эмоциями, мелькающими на моем лице.

— Не так ли? — Я почти кричу, мой голос заполняет комнату.

— Я не знаю, — наконец говорит Лука. — Мне было двенадцать.

— Но ты сказал, что теперь работаешь на него. На того же человека, на которого работал мой отец. Вы что, какая-то преступная организация?

Лука фыркает.

— Мы не очень часто говорим о том, что произошло тогда, София, что случилось с твоим отцом и моим. Что было, то прошло. Я уверен, они решили, что твоя мать не имеет к этому никакого отношения, или... — Затем он резко останавливается.

— Или что? — Я чувствую, что не могу дышать. — Что бы с ней случилось?

Его лицо бесстрастно. Я не знаю, как он может быть таким спокойным, в то время как я чувствую, что весь мой мир выходит из-под контроля.

— Я уверен, ты можешь догадаться, — говорит он бесстрастным голосом.

— Он бы убил ее. Ты это хочешь сказать, верно? Твой босс убил бы ее?

Челюсть Луки снова сжимается. Его руки выскользывают из карманов, когда он шагает ко мне, все его тело снова напрягается.

— Да, София. Это то, что ты хотела услышать? Если бы твоя мать работала с Братвой, если бы она предала твоего отца, Дон приказал бы ее убить. Так и следовало поступить. В этой жизни есть правила, София, правила, которые управляют твоей жизнью, и моей, и всеми, кто является ее частью! И этот брак тоже часть этого.

Я тяжело сглатываю, отчаянно пытаюсь не заплакать. И тут меня осенило.

Дон.

— Ты из мафии, — шепчу я, не веря своим ушам. — И это означает...

— Твой отец тоже был таким, — устало говорит Лука. — И мой. София, твой отец был третьим по старшинству после Дона. Он был важным человеком. Единственными, кто был выше него, были мой отец и Дон Росси. И он был лучшим другом моего отца. Итак, когда Братва напала, и твой отец знал, что он близок к смерти, он сделал единственное, что мог придумать, чтобы сделать для своей семьи. Он обратился к своему лучшему другу и добился обещания.

Мир, кажется, замедляется вокруг меня.

— Что это было? — Я спрашиваю снова шепотом, мое горло сжимается. Но я думаю, что я уже знаю.

— Твой отец попросил моего позаботиться о том, чтобы его семья была обеспечена. Что ты, в частности, всегда будешь обеспечена финансово, в достаточной степени, чтобы тебе никогда не пришлось беспокоиться о жилье, еде или предметах первой необходимости, а то и о многом другом.

Деньги. Одна огромная тайна моей жизни, прояснившаяся в одно мгновение.

— Деньги были от тебя?

— Не от меня конкретно, — уточняет Лука. — От семьи. Но это банковские счета, которые я унаследую, как только стану Доном.

Я чувствую, что вот-вот упаду в обморок.

— Ты? — Хриплю я, делая шаг назад. — Ты будешь...

— Да. Мой отец был младшим боссом. Он умер, мстя за твоего отца, София. И он убедился, прежде чем отправиться за людьми, убившими его лучшего друга, что я знаю об обещании, которое он дал много лет назад, что я женюсь на тебе, если Братва когда-нибудь станет для тебя опасной. Если они когда-нибудь попытаются использовать тебя, чтобы уничтожить нашу семью, или причинить тебе какой-либо вред. Однако до тех пор, пока этот день не наступит, если он вообще наступит, тебя должны были оставить в покое. Деньги были отправлены анонимно, твое обучение и арендная плата оплачивались анонимно и так далее. Твой отец надеялся, что в этом никогда не возникнет необходимости.

— Он часто говорил мне, что хочет, чтобы я уехала с Манхэттена после окончания колледжа. Может быть, даже поступила в колледж за границей, в Европе... — Тогда меня поражает все это. План, который у меня всегда был, поехать в Европу и играть там в оркестре, план, семена которого мой отец заложил много лет назад, это было для того, чтобы увести меня от жизни, которой он жил. Чтобы все, что начало происходить сейчас, вообще не происходило.

— Мне не следовало идти в тот клуб, — шепчу я. Я никогда в жизни ни о чем так

сильно не сожалела.

И снова я вижу этот проблеск сочувствия.

— Вероятно, это произошло бы в любом случае, — признает Лука. — Братва не известна тем, что забывает о картах, которые им приходится разыгрывать, а ты всегда была картой, София. Шахматная фигура в игре, которая больше тебя или меня. Твой отец надеялся, что этого не произойдет, но он был настроен оптимистично. В эти последние мгновения перед его смертью я не могу винить его. Он хотел верить, что его семья будет в безопасности, несмотря на все, что он знал об обратном.

Я чувствую, как у меня сжимается живот, и на секунду мне кажется, что меня сейчас стошнит. Лука все еще между мной и дверью, но единственное, что я знаю в этот момент, это то, что я убираюсь отсюда к чертовой матери, так или иначе.

— Я не карта и не шахматная фигура. И я уверена, что не выйду замуж за мафиози! — Теперь я чувствую, как вздымается моя грудь, мое дыхание учащается. — Люди, на которых ты работаешь, причинили боль моей матери. Мой отец мертв, потому что он работал на них. И теперь ты говоришь мне, что однажды станешь главой этой организации, и все же я должна выйти за тебя замуж, хочу я этого или нет?

Я наклоняюсь к нему, мои глаза гневно сверкают, когда я выплевываю следующие слова ему в лицо.

— К черту это.

Прежде чем Лука успевает ответить, я обхожу его и бегу к двери. Я все еще босиком, но мне все равно. Я куплю новые туфли Ане, у меня нет времени останавливаться, чтобы схватить их или надеть. Я не собираюсь оставаться здесь ни секунды с этим мужчиной, который думает, что может указывать мне, что я собираюсь делать, за кого я выйду замуж, и что он может изменить весь мой жизненный план за несколько минут из-за того, что произошло много лет назад. Прости, папа, думаю я, пытаюсь вырваться, распахивая дверь спальни и выбегая в коридор. Если это действительно то, чего ты хотел, прости. Но я просто не могу в это поверить.

У меня нет времени осматриваться. Я немного поскользываюсь на гладком деревянном полу в коридоре, держась за стену, прежде чем броситься к лестнице, ведущей вниз, на первый этаж. Я слышу шаги Луки позади меня, и мне так страшно, что я едва могу дышать. Во второй раз за сегодняшний вечер все, о чем я могу думать, это о том, что я должна сбежать.

Лука почти догоняет меня, достаточно близко, чтобы схватить за руку, пока я еще на лестнице. Он пытается оттащить меня назад, развернуть, но я мертвой хваткой вцепляюсь в перила и вырываю свою руку из его, покачиваясь вперед. У меня все еще кружится голова от наркотиков, которые мне дали русские, и я поскользываюсь, скатываясь с последних нескольких ступенек на пол. Воздух вырывается из меня, когда я приземляюсь, и я мельком вижу обеспокоенное лицо Луки за несколько секунд до того, как мне удастся снова вскочить на ноги, игнорируя его, когда я прорываюсь к входной двери квартиры.

С чего бы ему беспокоиться обо мне? Его даже не волную лично я. Я также ни на секунду не верю, что его действительно волнует обещание, данное двумя мертвецами, какими бы близкими ни были он и его отец. Я в некотором роде ценна для него, в конце концов, он назвал меня шахматной фигурой. Это единственное реальное объяснение, которое я могу придумать для его настойчивости в том, чтобы мы прошли через это. На короткую секунду я думаю, что у меня это получится. Я тянусь к ручке входной двери, когда

чувствую сильные руки Луки на своей талии во второй раз за вечер, и он тянет меня назад, разворачивая лицом к себе.

— Нет! — Кричу я, царапая его лицо, но он без усилий хватается за запястье, подталкивая к двери. Когда я пытаюсь дать ему пощечину свободной рукой, он хватается и ее, толкает меня спиной к двери и зажимает мои руки над головой. Его тело почти касается моего, и я понимаю, что он тоже тяжело дышит, его грудь вздымается, когда он смотрит на меня сверху вниз, его взгляд прикован к моему так же уверенно, как его руки прикованы к моим запястьям.

Я вырываюсь из его хватки, но он слишком силен. Он даже сильнее, чем кажется, и я чувствую силу в его хватке надо мной, вижу, как напрягаются мышцы его рук, когда он держит меня там, как бесполезно трепещущую бабочку под микроскопом. Я смотрю на него, чувствуя, как остатки борьбы во мне угасают, пока он смотрит на меня.

— Я не выйду за тебя замуж, — шепчу я, но знаю, что это бесполезно. По какой-то причине, кажется, ничто из того, что я говорю, не меняет его мнения, хотя он утверждает, что тоже этого не хотел. Я помню, он сказал, что ему это не нужно. И когда я смотрю на него, мне интересно, что он имел в виду под этим. — Ты сказал, что не хочешь жениться. — Я облизываю пересохшие губы и вижу, как его взгляд скользит вниз, скользит по моему рту. — Не то, чтобы я хотела выйти за тебя замуж.

Лука долго молчит.

— Все это не имеет значения, София, — тихо говорит он.

— Почему?

— Потому что независимо от того, чего хочу я или чего хочешь ты, мы будем женаты.

— Но, почему? — Я нажимаю снова, зная, что звучу для всего мира так, словно мне снова двенадцать, умоляя дать другой ответ на вопрос, ответ на который мне не нравится.

— Потому что, — просто говорит он. — Ты моя.

И затем он наклоняет голову, мои руки все еще прижаты им, и его губы обрушиваются на мой рот.

ЛУКА

Раздражающая. Упрямая. Приводящая в бешенство. Глупая. Безрассудная. Все это прилагательные, которые я могу применить к Софии Ферретти. Это также все качества, которые я бы никогда не выбрал в жены. Но когда мне наконец удастся поймать мою сбежавшую невесту за руку на дверной ручке и развернуть ее лицом к двери, то, тоже самое собственническое желание, которое я почувствовал, когда увидел ее на своей кровати, пронзает меня, подогревая мою кровь, пока я не чувствую, что горю от него. Единственная мысль в моей голове, это то, что она моя.

София Ферретти принадлежит мне.

И я хочу ее.

Ее непрекращающиеся вопросы, ее отказ подчиниться, и ее глупая попытка сбежать из пентхауса должны были только разозлить меня. Они должны были заставить меня передумать, позвонить Дону Росси и сказать ему, чтобы он приехал, забрал ее и делал то, что

ему заблагорассудится. Потому что совершенно ясно, что, если я женюсь на Софии Ферретти, она будет занозой в моей заднице, пока мы оба будем живы.

Вместо этого ее изящные запястья в моих руках, вытянутые над ее головой, только заставляют меня думать о том, каково было бы привязать ее к изголовью кровати, раздеть ее догола и дразнить языком каждый дюйм ее тела, пока она не будет умолять меня позволить ей кончить. Когда я толкаю ее к двери и чувствую, как она бесполезно борется в моих объятиях, все, что я могу представить, это как она будет чувствовать себя подо мной, ее совершенное, стройное тело извивающиеся, когда я засовываю в нее каждый дюйм своего ноющего члена, делая ее своей всеми возможными способами, а затем ее язык, обводящий полную форму ее губ, лишает меня возможности думать о чем-либо другом, кроме как впервые поцеловать ее.

В картинке нет ничего романтического. В тот момент, когда я держу Софию Ферретти в плену у моей входной двери, я не думаю о том, как сделать наш первый поцелуй незабываемым. Единственная мысль в моей голове, это то, что по какой-то причине она заставила меня хотеть ее больше, чем я когда-либо хотел какую-либо женщину за всю свою жизнь. Я тверже, чем когда-либо в своей жизни, удручающе, болезненно возбужден, и все, о чем я могу думать, это о том, что я в одном импульсивном решении от того, чтобы поднять ее и трахнуть у этой двери, здесь и сейчас.

Но она не перестанет задавать один и тот же вопрос, снова и снова:

— Почему?

Поэтому я затыкаю ей рот лучшим способом, который только могу придумать я со своей почти болезненной эрекцией.

Я целую ее, крепко.

В тот момент, когда мои губы опускаются на ее, она перестает сопротивляться. На мгновение совершенства, блаженства, она замирает абсолютно неподвижно, и у меня есть секунда, чтобы осознать, что ее губы даже мягче, чем я себе представлял. Ее нижняя губа полная и сочная, и она идеально прилегает к моему рту, настолько идеально, что я не могу удержаться, чтобы не пососать ее между своими. Я провожу языком по ее нижней губе, скользя им по ее губе, и впервые ощущаю вкус того, насколько сладки губы Софии. Я хочу зарыться руками в ее волосы, попробовать на вкус каждый дюйм ее тела, целовать ее от рта до киски и лизать ее там, пока она не закричит от удовольствия. Я хочу чувствовать, как эти полные губы обхватывают меня, скользя вниз, когда я погружаюсь по всей длине в заднюю часть ее горла. Я хочу видеть, как этот сладкий рот открывается и ждет, когда я кончу на ее язык.

У меня такое чувство, что мой член вот-вот выскочет у меня из брюк.

Но затем она снова начинает бороться.

Она вскрикивает, извиваясь в моих объятиях, и я реагирую, не задумываясь. Я толкаю ее спиной к двери, позволяя ей почувствовать твердый выступ моей эрекции у своего бедра, когда углубляю поцелуй, отпускаю одно из ее запястий, чтобы я мог провести рукой вниз по ее телу, ощущая пышный изгиб ее груди, переходящий в ее идеальную талию, и по выпуклости ее бедра...

Господи, я хочу трахнуть ее.

Я чувствую, как язык Софии скользит по моему, ее голова наклоняется набок, когда она начинает отвечать. Да, думаю я, удовлетворение проносится через меня. Все, что мне нужно было сделать, это поцеловать тебя. Ни одна женщина никогда не отказывала мне, никогда не

сопротивлялась идее лечь со мной в постель. Нет причин думать, что София станет какой-то другой, как только войдет во вкус. Я прижимаюсь своими бедрами к ее, позволяя ей почувствовать, какой толстый у меня член, как мне не терпится ввести его в нее, показать ей, как это может быть хорошо, если она просто примет, что так обстоят дела...

Но блядь, затем она сильно кусает мою губу.

Я автоматически откидываю голову назад, проводя языком по месту укуса, в которое вонзились ее маленькие острые зубки, и София пользуется мгновенным промежутком между нами, чтобы отступить назад и сильно ударить меня, прямо по лицу.

— Черт! — Я прижимаю руку к щеке, хватая ее как раз вовремя, когда она начинает открывать дверь. Теперь, когда мое лицо и мой член пульсируют, мне удастся обнять одной рукой ее за талию, легко поднимая ее, пока она брыкается и извивается в моих объятиях. Я несу ее несколько ярдов через вход в гостиную и неэлегантно сажаю на диван.

София вскакивает почти сразу же, откидывая волосы с лица. Ее грудь и шея теперь покрыты гневно-красными прожилками, а карие глаза пылают яростью, но она все еще выглядит красивее, чем я мог себе представить. Ее губы розовые и слегка припухшие от поцелуя, густые светлые волосы спутались вокруг щек, и, несмотря на размазанный макияж глаз, я не уверен, что когда-либо видел более потрясающую женщину.

— Перестань так на меня смотреть, — шипит она, впиваясь в меня взглядом.

— Например, как? — Я свирепо смотрю на нее. — Это ты дала мне пощечину. Все, что я сделал, это спас тебя от русских секс-торговцев, привез тебя домой, в свою квартиру, показал тебя лучшему врачу в Нью-Йорке и предложил тебе брак, который обеспечит тебе безопасность и заботу до конца твоей жизни. И все, что я получаю, это прикушенную губу и затрещину по лицу.

— Перестань смотреть на меня так, как будто ты представляешь меня обнаженной. — София поднимает подбородок. — Потому что ты никогда этого не увидишь.

Я чувствую, как мой взгляд темнеет, когда я делаю шаг к ней.

— Видишь ли, вот тут ты ошибаешься, София, — тихо говорю я ей. — Не пройдет и недели, как я не только увижу тебя обнаженной, но и узнаю каждую частичку твоего тела так же близко, как свое собственное. Ты можешь быть в этом уверена.

Слова вырываются прежде, чем я могу их остановить, и они пугают даже меня. Что случилось с одним трахом, чтобы сделать его законным, а затем никогда больше не прикасаться к ней? Каким-то образом за последние несколько часов мне удалось забыть, что София вообще должна была быть всего лишь контрактным соглашением. Наш брак, так же как ежемесячный депозит на ее счет, должен был быть деловой сделкой. Подписано, запечатано и отправлено на хранение. Но в том, что я хочу с ней сделать, нет ничего делового. Ничто в чувствах, проносящихся через меня, в том, как я отчаянно хочу швырнуть ее обратно на диван, задрать ее платье выше бедер и вонзиться в нее, не является договорным. Она заставляет меня чувствовать то, чего я никогда не испытывал ни к одной женщине, желать так, как я никогда не позволял себе хотеть чего-либо.

Это должно прекратиться, и немедленно.

Я не могу позволить этой женщине лишить меня разума. София Ферретти, это обязанность, ящик для проверки, и она должна оставаться именно такой. Все то, что она заставляет меня чувствовать, все способы, которыми она заставляет меня реагировать, это отвлекающие факторы, которые мне не нужны. Эмоции, которые приводят к ошибкам. Я будущий Дон, человек, который следующий в очереди на то, чтобы возглавить самую

могущественную преступную организацию в мире. Человек, чья территория находится под угрозой, чье положение и жизнь в опасности. И это касается не только моей жизни или Софии, но и боссов, состоявшихся людей под ними, всех, кто работает на Росси, и я, и теперь Франко, и другие боссы и капо. На карту поставлены их жизни и жизни их семей. Если братва вторгнется на нашу территорию, если им будет позволено начать войну, это будет кровавая баня, подобной которой не видели десятилетиями.

Прямо сейчас ответственность за их безопасность, за безопасность всех них лежит на Доне Росси, но большая часть этого ляжет на мои плечи. В какой-то момент все это произойдет.

Это напоминание отрезвляет.

Я делаю шаг назад от Софии, когда восстанавливаю контроль, глубоко вздыхаю, чувствуя, как похоть, это подавляющее чувство страсти и собственности отступает.

— Ты можешь сколько угодно спорить со мной по этому поводу, София, но это ничего не изменит. В следующую субботу, перед лицом людей и Бога, ты станешь моей женой, и все будет улажено. Мы можем обсудить детали этого тем временем, когда ты успокоишься, но выбора нет. Это окончательно.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами и не верит.

— Ты, должно быть, чертовски издеваешься надо мной.

Я не дрогнул.

— Ты знаешь, меня это не трогает. И более того, нам придется что-то сделать с твоим ртом. Хорошие жены мафиози так со своими мужьями не разговаривают.

София отшатывается назад, как будто я сказал что-то ужасное. Она обхватывает себя руками, слегка вздрагивая, когда пятится от меня к другой стороне дивана.

— Я не собираюсь выходить за тебя замуж, — шепчет она. — Я не буду. Ты не можешь заставить меня произносить клятвы.

Я стискиваю зубы, сдерживая слова, которые хочу сказать.

— Нет, — признаюсь я. — Я не могу. Но я оставлю тебя здесь, пока ты не поймешь серьезность ситуации, и я это сделаю.

— Я снова буду пытаться сбежать. Как только ты покинешь эту комнату, я клянусь...

— София! — Впервые я повышаю голос, и это шокирует ее, заставляя замолчать. Двумя быстрыми шагами я обхожу диван, чтобы снова встать перед ней. — Я не дал тебе выйти из квартиры, потому что мне не хочется гоняться за тобой по всему аду и обратно. Но ты никуда не уйдешь. Даже если ты доберешься до лифта, через определенное время для спуска потребуется код. Как только я закончу этот разговор, я обязательно запиру и включу сигнализацию на каждом выходе. И если тебе каким-то образом удастся обойти все это, у меня есть охрана по всему зданию. Я единственный, кто здесь живет. Остальные помещения пусты или отведены моим группам безопасности. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Пока я говорю, я вижу, как ее глаза начинают наполняться слезами по мере того, как это медленно оседает.

— Я один из богатейших людей в Нью-Йорке, София, и второй в команде после человека, который руководит всем этим. У меня лучшая защита, которую можно купить за деньги, по чистой необходимости. Есть много людей, которые хотят моей смерти. И твоей тоже.

Ее нижняя губа дрожит.

— Я уже ненавижу тебя, — шепчет она. — Клянусь могилой моего отца, Лука Романо, я

ненавижу тебя.

Я покорно вздыхаю.

— Как бы то ни было, — говорю я ей категорично. — Из этого нет выхода, София. По крайней мере, такого, который ты бы выбрала.

А затем, не говоря больше ни слова, я поворачиваюсь на каблуках и выхожу из комнаты.

СОФИЯ

В тот момент, когда Лука выходит из комнаты, я опускаюсь на диван, изо всех сил стараясь не разрыдаться. Несмотря на всю мою браваду, я в ужасе. Все, что произошло сегодня вечером: употребление наркотиков, похищение, пробуждение в гостиничном номере только для того, чтобы застрять в шкафу во время перестрелки, потеря сознания только для того, чтобы очнуться в другой незнакомой комнате... а потом мне говорят, что я должна выйти замуж за этого незнакомого мужчину. Это слишком. Это шокирует меня, и я зажимаю рот рукой, отчаянно пытаюсь дышать, не плакать, но ничего не могу с этим поделать. Слишком многое произошло, слишком многое изменилось, и я чувствую, как слезы начинают стекать по моим щекам. Мгновение спустя я закрываю лицо руками, мои плечи сотрясаются от глубоких, сокрушительных рыданий, которые угрожают довести меня до истерики.

Где-то в середине я слышу слабый звуковой сигнал, похожий на пожарную сигнализацию, и, подняв глаза, вижу красный огонек, мигающий рядом с входной дверью. Мгновение спустя появляется еще один, чуть дальше.

Черт.

Он установил сигнализацию, как и обещал. Я заперта в этой роскошной крепости пентхауса с мужчиной, который с таким же успехом может быть моим тюремщиком. Мужчина, который утверждает, что я должна выйти за него замуж, иначе... Я не знаю, что может означать его "иначе", но ничто из того, что я видела или слышала сегодня вечером, не заставляет меня думать, что это было бы что-то хорошее. Я определенно не думаю, что это включало бы возвращение в мою старую квартиру или мою старую жизнь. И мысль об этом приводит меня в ужас.

Зачем ты сделал это со мной, папа? Я подавляю очередной всхлип, голос в моей голове, голос грустной, испуганной двенадцатилетней девочки. Я чувствую, что снова теряю его, потому что человек, которого я знала, тот, кто кружил меня по кругу и от которого пахло ванильным табаком, тот, кто приносил мне книги и слушал, как я играю на скрипке еще до того, как я научилась этому, не поступил бы так со мной. Он бы не заставил меня выйти замуж за человека, которого я даже не знаю, человека, стоящего во главе той же организации, которая стала причиной его смерти, которая угрожала моей матери и все такое, и, безусловно, свела ее в могилу раньше времени.

— Он бы так сделал, если бы это был единственный способ обезопасить тебя, — слышу я шепот тонкого голоса в моей голове, но я не хочу в это верить. Я не хочу верить, что другого выбора нет. До сегодняшнего вечера я даже не знала, что Братва существует. Я ничего этого не знала, и я не могу поверить, что все это время эта призрачная судьба просто

ждала меня. Что я жила по плану жизни, которой никогда не суждено было состояться.

Я хочу перестать плакать, быть сильной и жизнерадостной женщиной, какой, я знаю, хотел бы видеть меня мой отец, но я не могу. Я чувствую себя преданной, беспомощной, совершенно растерянной относительно того, что делать и, прежде всего, истощенной настолько, что мое избитое тело не может справиться. И вот, со слезами, все еще текущими по моему лицу, я рушусь на диван, сворачиваюсь в клубок и крепко закрываю глаза.

Может быть, когда я проснусь, все это окажется ужасным сном.

* * *

Уже почти рассвело, когда меня будит рука на моем плече. Я вижу полоску слегка сереющего неба за окном от пола до потолка в гостиной Луки, а затем, вздрогнув, сажусь, адреналин наполняет мое тело, когда я с замиранием в животе понимаю, что все это не было сном. Я все еще в пентхаусе Луки Романо. Все, что произошло прошлой ночью, было реальным.

— София.

Я резко оборачиваюсь на звук голоса Аны. Она сидит рядом со мной на диване, ее руки на коленях. Ее лицо выглядит осунувшимся, усталым и бледным, и я понимаю, что это она меня разбудила.

— Что ты здесь делаешь? — Пораженно спрашиваю я. — Как ты...?

Ана устало улыбается.

— Лука позвонил мне.

— Лука, как он узнал...

— София, Лука знает все и каждого в этом городе. — Ана протягивает руку, нежно похлопывая меня по руке. — Давай. Должен быть способ приготовить кофе, если мы сможем найти кухню.

Я следую за ней, словно в оцепенении, оглядываясь в поисках любого признака присутствия Луки. Но он не появляется, когда мы заходим на просторную кухню, и я позволяю себе немного расслабиться, наконец-то осматриваясь без его удушающего присутствия.

Кухня такая же большая, как половина нашей квартиры, и сверкает чистотой, как будто ею никто никогда на самом деле не пользуется. Скорее всего, он этого не делает, мрачно думаю я. Вероятно, он ходит куда-нибудь на каждый прием пищи или у него есть личный шеф-повар. Никто с такими деньгами не готовит себе еду самостоятельно.

Вся комната такая же роскошная и элегантная, как спальня, в которой я проснулась прошлой ночью, после того как Лука забрал меня из гостиничного номера. Все столешницы выполнены из гладкого черного гранита, пол выложен полированной белой мраморной плиткой, а приборы выполнены из блестящей стали, отполированной до блеска. Шкафы из твердой древесины, обшитые железом, а островок из темной древесины с блестящей столешницей из черного гранита. Я вижу здесь мужскую тему.

Достаточно секунды, чтобы мельком увидеть смехотворно сложную и дорого выглядящую кофеварку рядом с эспрессо-машиной, которая выглядит такой же дорогой и неиспользуемой. Ана корчит рожицу, когда тычет в них пальцем, вглядываясь в циферблаты.

— Я не знаю, как всем этим пользоваться, — признается она. — Разве этот человек не может просто пить гребаный Кронинг?

— Нет, — устало говорю я, опускаясь на стул. — Очевидно, он богаче Бога. — После еще нескольких минут наблюдения за тем, как Ана пытается разобраться с кофеваркой, я

вздыхаю. — Ана, пожалуйста. Я даже не хочу кофе. Я просто хочу домой.

К моему шоку, я вижу, как глаза Аны наполняются слезами, когда она поворачивается ко мне лицом.

— Ты не можешь, — шепчет она, и я чувствую, как пустота в моем животе превращается в лед.

Я встаю, в спешке чуть не опрокидывая стул.

— Лука продолжает это говорить! — Восклицаю я, мои руки сжимаются в кулаки по бокам. — Почему ты тоже это говоришь? Он сказал тебе сказать это? У него есть что-то на тебя, что заставляет тебя говорить мне это?

— Нет! — Ана качает головой, прикусывая нижнюю губу и смахивая слезы. — София, пожалуйста, послушай меня. Просто... сядь, ладно?

Я не хочу садиться. Я хочу выбежать из этой квартиры, пробежать весь путь обратно в свою собственную безопасную, теплую спальню и натянуть одеяло на голову. Я хочу вернуться в то время, когда я была ребенком, когда я могла раствориться в своих книгах, своей скрипке и надежном знании того, что мои родители любят меня, что они всегда вернуться домой, что передо мной простирается вся моя жизнь, чтобы стать тем, кем я захочу.

Думаю, все это было ложью, и я чувствую, как слезы снова подступают к моему горлу. Я никогда не была в безопасности.

— София, Лука тебе не лжет.

— Откуда ты знаешь? — Я пытаюсь не кричать, но слышу, как мой голос снова повышается, сдавленный и панический. — Ты знаешь меня всего несколько лет, Ана! Ты ничего не знаешь ни о моей семье, ни об этом обещании, которое, как утверждает Лука, дали наши родители...

— Нет, — спокойно говорит Ана. Она делает шаг вперед, хватаясь за спинку одного из стульев. Ее полные слез голубые глаза останавливаются на мне, и в этот момент я вижу, что она напугана так же, как и я, за меня или за себя, я не могу сказать. — Я ничего об этом не знаю, ты права. Он мог бы лгать обо всем этом. Но о чем он не лжет, так это об опасности, которой ты подвергаешься со стороны Братвы.

Я чувствую, что меня сейчас стошнит. Прошлой ночью я подумала, что, возможно, Лука преувеличивал, что он пытался запугать меня, чтобы я согласилась на брак. Но теперь моя лучшая подруга, единственный человек, которому я доверяю в этом мире, говорит, что это правда. Что я все еще в опасности.

— Прости, — шепчет Ана. — Мне не следовало брать тебя в тот клуб прошлой ночью. Может быть, если бы они никогда тебя не видели...

Я смотрю на нее, все еще не совсем способная поверить в это. Медленно опускаюсь обратно в кресло напротив нее, пытаюсь отдышаться.

— Лука сказал, что не имеет значения, пошла бы я в клуб или нет. В конце концов, они пришли бы за мной. — Я смотрю на Ану, изо всех сил сдерживая слезы. — Они убили моего отца. Это была Братва. Я никогда не знала этого до прошлой ночи, и теперь, я узнала это таким образом...

Слезы подступают снова, горячие и непреодолимые, и я закрываю лицо руками.

— Мне так жаль, София. — Я чувствую руку Аны на своей спине, нежно поглаживающую, когда она подходит и встает рядом со мной. Она гладит мои волосы, пока я всхлипываю, издавая мягкие успокаивающие звуки. — Просто не сдерживайся. Плакать, это нормально.

— Я не хочу плакать, — шепчу я, медленно садясь обратно. — Я хочу выбраться отсюда. Я хочу, чтобы это закончилось.

— Я знаю. — Ана снова садится, пододвигая стул вперед, чтобы она могла дотянуться до моих рук, держа их в своих, пока она смотрит на меня. — Я тоже потеряла отца, когда была ребенком, — тихо говорит она. — Мне было восемь. После этого моя мать уехала из России и привезла меня сюда. Но я очень рано научилась бояться Братвы. Если у них есть планы на тебя, София, ты не сможешь от них убежать. Человек, который ими руководит, Виктор, внушает ужас. Его имя известно по всей России. Они называют его Уссурийский медведь. Если он нацелился на тебя по какой-то причине, какой бы она ни была, ты должна сделать все возможное, чтобы сбежать от него. Все лучше, чем оказаться в руках Братвы.

— Даже выйти замуж за Луку? — Мой голос срывается. Я чувствую, как мой мир сужается, стены смыкаются вокруг меня.

— Если то, что он сказал мне, правда, то они забрали тебя, чтобы добраться до него. Потому что они знали, что он придет за тобой. Ты была приманкой.

Ты всегда была приманкой. Голос Михаила заполняет мою голову, и я вздрагиваю.

— Я не понимаю. Ему на меня наплевать. Я не верю, что его так уж сильно волнует старое обещание, либо...

— Я не знаю, — признается Ана. — Но он позвонил мне, София. Он попросил меня приехать сюда и вразумить тебя... это его слова, не мои. Я не думаю, что он сделал бы это, если бы ему было все равно. Если у него нет какой-то причины желать твоей безопасности.

— Он заботится о своей территории, — говорю я с горечью, отводя взгляд. — О своих позициях. Каким-то образом я угрожаю этому, если меня схватят русские.

— Если Братва заберет тебя, твоя участь будет хуже смерти, — прямо говорит Ана. Она нежно сжимает мои руки, и я снова поворачиваюсь к ней лицом. Выражение ее лица серьезнее, чем я когда-либо видела, и от этого у меня по спине пробегает холодок. — Я бы сказала, что не хочу пугать тебя, София, но я пугаю. Тогда ты будешь в большей безопасности, если будешь бояться. Если ты снова попадешь к ним в руки, как только Виктор использует тебя, чтобы добраться до Луки, и захватит территорию, которую он хочет, он продаст тебя. Если к тому времени ты все еще будешь в хорошем состоянии, и тебе повезет, он продаст тебя кому-нибудь богатому и влиятельному. Кому-то, кто, надеюсь, будет относиться к тебе как к любой другой ценной собственности. Если ты будешь драться так сильно, что разозлишь его, и в итоге получишь повреждения или даже просто разозлишь его до такой степени, что он захочет наказать тебя...

— Что? — Мой голос понижается, так низко, что я едва слышу его. Взгляд Аны заставляет меня дрожать, несмотря на тепло на кухне.

— Я действительно не знаю. Есть истории, ужасные. Охотничьи вечеринки, женщины, проданные в бордели, отданные группам его солдат для развлечения. Вещи похуже этого. София, это не имеет значения, потому что ты не можешь позволить им забрать тебя снова. И если ты попытаешься уйти отсюда...

— Что? — Я пристально смотрю на нее. — Ты знаешь что?

— Спроси Луку, что произойдет, если он не сможет убедить тебя выйти за него замуж, — просто говорит она. — София, я знаю, это не то, чего ты хотела. И мне больно говорить тебе это, потому что я люблю тебя. Ты моя самая близкая подруга, и все, чего я хочу в мире, это сказать тебе, чтобы ты отказала ему, убежала, что я отвезу тебя домой, и все вернется на круги своя.

Она тяжело сглатывает, в ее глазах блестят слезы, и между нами наступает долгое молчание.

— Но я не могу. Ты не можешь. Ничто не вернется к тому, что было раньше.

Я долго смотрю на нее, не желая произносить следующие слова, вертящиеся у меня на кончике языка.

— О чем ты говоришь?

Ана крепко сжимает мои руки в своих.

— София, ты должна выйти за него замуж.

ЛУКА

Прошлой ночью мне стали очевидны две вещи. Во-первых, Софию не удалось бы убедить в серьезности ситуации, просто объяснив ей это. И, во-вторых, мне нужно было установить некоторую дистанцию между ней и собой. Я не ожидал, что она окажет на меня такое воздействие, но это не значит, что я должен позволять ей контролировать меня или мои действия. Чем больше пространства будет между Софией Ферретти и мной, тем лучше.

Как только угроза Братвы будет сдержана, говорю я себе, я устрою так, чтобы у нее появилась своя квартира в одном из других зданий, которыми я владею. Что-нибудь роскошное и просторное, с большим количеством безопасности и удобств, чтобы у нее не было причин жаловаться, но достаточно далеко от меня, чтобы я мог вернуть ее на то место в моей жизни, которое она должна была занимать, на бюджетную позицию. Договорное соглашение, которое я вынужден соблюдать.

Я буду платить за все, что она захочет, рассуждаю я, постукивая пальцами по своему столу. Я не отрицаю, что эта ситуация трудна, что она перенесла больше горя и травм, чем кто-либо должна была пережить, и что несправедливо, что она оказалась втянутой в это не по своей вине. Если она захочет походов по магазинам, каникул, пляжного домика в Хэмптонсе... все, что она захочет, как только эта угроза минует.

До тех пор, пока я смогу держать ее подальше от своих мыслей и, самое главное, от своего сердца. Последняя мысль заставляет меня поморщиться. Смешно думать, что моему сердцу может угрожать опасность от посторонней женщины, не говоря уже о маленькой сиротке Ане, сидящей у меня на кухне. Я с тяжелым вздохом просматриваю ленту безопасности, задаваясь вопросом, сколько еще времени потребуется Анастасии Ивановой, чтобы убедить Софию прийти в себя.

Блядь, до прошлой ночи ты вообще не думал, что захочешь ее. Эта мысль вызывает неловкость, и я изо всех сил стараюсь отмахнуться от нее, переключаясь с видеопотока. Анастасия убедит ее в глупости борьбы с этим, ювелир приедет к ней домой с выбором колец, и в течение недели все дело будет улажено. Я удовлетворю себя одним хорошим, долгим, жестким трахом, а потом Софию можно будет аккуратно убрать на полку вместе с другими пожарами, которые я потушил за время моей работы в качестве младшего босса.

Звонок Анастасии действительно был гениальным ходом с моей стороны. Я, конечно, знал, что она была соседкой Софии по комнате, я плачу за квартиру, поэтому тот факт, что

София сделала странный выбор, сдав комнату несмотря на то, что за жилье платили, был отмечен, наряду со всем остальным, что требовало контроля. Тот факт, что ее соседкой по комнате оказалась русская балерина, имеющая семейные связи с Братвой, вызывал беспокойство, и я вспомнил, как Дон Росси кратко обсуждал, была ли Анастасия Иванова одним из тех потенциальных незакрытых концов, которые, возможно, нужно было аккуратно завязать.

У меня был этот разговор и моя роль в убеждении Росси в том, что Анастасия ничего не знала о делах своего отца, и я был готов на случай, если девочке понадобится какой-либо толчок, чтобы прийти в квартиру и убедить свою лучшую подругу образумиться. Но, в конце концов, Анастасии не понадобилось никакого поощрения или угроз. Простого упоминания о Братве и краткого объяснения того, что произошло прошлой ночью с Софией и с ней, было достаточно, чтобы она сбежала. По крайней мере, у нее хватило здравого смысла бояться их. Теперь все, что ей осталось, это убедить Софию, что в ее собственных интересах выйти за меня замуж, без дальнейших споров.

Я смотрю на часы. Это уже заняло больше времени, чем я надеялся. Мой телефон жужжит на столе рядом со мной, и я тянусь за ним, благодарный за то, что меня прервали.

— Мистер Романо? — Это моя секретарша, Кармен, напоминаю я себе.

— Да? — Мой тон еще более резкий, чем обычно, но я ничего не могу с этим поделать. Смесь неудовлетворенного желания и рвения покончить со всем этим грязным делом доводит мой характер до точки кипения.

— Ювелир сказал, что будет там в течение часа с выбором подходящих колец.

В течение часа. У Анастасии не так много времени, чтобы все уладить.

— Спасибо, Кармен, — натянуто отвечаю я и почти чувствую удовольствие от того, что вспомнил ее имя.

— Будет ли что-нибудь еще, сэр?

Я сжимаю переносицу, всем своим существом желая, чтобы я мог вызвать мирового судью в квартиру и покончить со всем этим беспорядком. Но свадьба должна стать зрелищем, чем-то, что покажет Братве и всем, кто может подумать о том, чтобы помочь им, что София Ферретти выведена из игры.

Шах и мат.

— Выясни, кто может быть свободен, чтобы одеть Софию на свадьбу. Они должны быть в состоянии изготовить платье в течение недели. Церемония состоится в субботу, в соборе Святого Патрика. Позвони также в собор, чтобы договориться обо всем, что потребуется отцу Донахью. — Последнее не вызывает особого беспокойства, у доброго Отца достаточно давних связей с нашей семьей, чтобы он сделал почти все, о чем я или Росси его попросим. И поскольку именно он присутствовал, когда отец Софии вытягивал свое обещание из моего, я ожидаю, что он будет еще более склонен ускорить свадьбу.

— Сию минуту, мистер Романо.

Я вешаю трубку и снова смотрю на часы. Если это будет продолжаться слишком долго, мне, возможно, придется спуститься на кухню самому...

Раздается слабый, неуверенный стук в дверь моего кабинета. Нет никакого объяснения тому, почему у меня скручивается живот, от мысли, что я услышу, что София все еще отказывается подчиняться... Она этого не сделает, твердо говорю я себе. И мое беспокойство вызвано только моим стремлением поскорее покончить со всем этим. Это не имеет никакого отношения к самой девушке.

— Войдите.

Тяжелая дверь из красного дерева со скрипом открывается, и София входит внутрь. Ее лицо бледное, а под глазами красные круги, но ничто из этого не умаляет ее красоты. Она выглядит как принцесса, запертая в башне, пришедшая умолять сохранить ей жизнь, и ирония этого не ускользает от меня. София думает, что я ее тюремщик, но на самом деле, я единственный, кто стоит между ней и смертью.

Рыцарь в несколько потускневших доспехах, если хотите.

— Анастасия все еще здесь?

София вздрагивает при упоминании имени своей подруги.

— Нет, — тихо говорит она. — Она ушла домой.

Хорошо. Девушка умнее, чем я думал, она четко знала, когда пришло время уходить. Я слышу обиду в голосе Софии, когда она говорит "домой", и я надеюсь, что это признак того, что она смирилась с тем фактом, что не может вернуться в свою бывшую квартиру. Что этот пентхаус и все, что я сделаю для нее в будущем, будет ее домом в будущем.

— Она сказала, что ты позвонил ей. — Голос Софии ровный, бесцветный. Она звучит спокойно, и я знаю, что должен быть благодарен за это. Так она будет более управляемой. Но что-то внутри меня восстает против мысли о том, что она может потерять свой дух вопреки мне.

Это просто еще один признак того, что мне нужно покончить со всем этим как можно быстрее.

— Да, — подтверждаю я. — Очевидно, ты не стала меня слушать, когда я пытался объяснить тебе серьезность ситуации. И я понимаю, в некотором смысле, ты меня не знаешь. — Я сцепляю пальцы перед собой на столе, наблюдая за ней через него. Между нами хорошее пространство, это помогает мне сохранять формальность. Деловой тон. — Я предположил, что Анастасия могла бы убедить тебя так, как не смог бы я. И, судя по выражению твоего лица, я думаю, что я прав.

— Не притворяйся, будто ты так хорошо меня знаешь, — говорит София, к ней возвращается крошечная толика ее гнева. — Я хочу, чтобы ты ответил мне на один вопрос, мистер Романо. Ана сказала, что я должна спросить тебя кое о чем.

Итак, я теперь мистер Романо. Я прищуриваюсь, глядя на нее.

— Да?

— Она сказала, что я должна спросить тебя, что произойдет, если я не соглашусь выйти за тебя замуж.

Блядь. Моя доброжелательность к Анастасии Ивановой мгновенно испаряется. Но если даже ее подруги, объясняющей ей угрозу Братвы, было недостаточно, возможно, этого будет достаточно. Это все, что мне осталось, чтобы убедить ее.

— Я уже сказал тебе, кто мой босс.

— Да. — София не двигается, чтобы отойти от все еще открытой двери. Это не имеет значения, она все равно далеко не ушла бы, даже если бы снова попыталась убежать.

— Он не милосердный человек, София.

— А ты такой? — Она поднимает подбородок, свирепо глядя на меня. — Ты держишь меня здесь пленницей.

Волна разочарования, граничащего с гневом, прокатывается по мне, и я невольно встаю из-за стола, чуть не опрокидывая свой стул.

— Я обеспечиваю твою безопасность! — Гремлю я, мой голос доносится из офиса и

эхом разносится по коридору, и я вижу, как София снова отшатывается назад. К ее чести, она не пытается убежать. — Твоя подруга не в состоянии должным образом передать, что эти люди, из Братвы, сделали бы с тобой?

— Она сказала, что они бы продали меня, и она упомянула, вещи похуже, — признается София. Она с трудом сглатывает, и я вижу, как ее тонкое горло сжимается в конвульсиях.

Мой член дергается, набухая в пределах моего сшитого на заказ костюма. Один только вид этого заставляет меня думать о ее горле, бьющемся в конвульсиях вокруг моего члена, о том, как это будет ощущаться, когда я схвачу ее за волосы и вонжусь глубже, трахая ее лицо, пока...

Черт возьми, Лука, возьми себя в руки. Моя реакция на эту девушку нелепа. Я считаю себя исключительно мужественным, но в тридцать один год, когда половина Манхэттена была прикреплена к столбику моей кровати, я думал, что дни неконтролируемой эрекции остались позади. И все же я здесь, стою в своем офисе с таким болезненным и неуместно твердым чувством, как у подростка, которому еще предстоит трахать кого-либо, кроме своей руки.

— Ты права, — спокойно говорю я. — Братва хорошо известна своим обращением с женщинами. Их основным источником дохода является продажа наложниц богатым мужчинам и секс-рабынь по всему миру. Женщины, которые не считаются достаточно ценными для продажи, используются для развлечения их собственных мужчин.

— Торговля людьми, — шепчет София, и я вижу страх в ее глазах.

— Не только это, но и с женщинами, которых они содержат, обращаются ненамного лучше. Возможно, ты думаешь, что, поскольку ты дочь русской женщины, они могли выдать тебя замуж за кого-то из своего ближайшего окружения. Возможно, тебя бы не продали. Но их жены тоже немногим больше, чем движимое имущество, живущее в страхе и по прихоти своих мужей.

— И будет ли это чем-то отличаться от того, чтобы быть замужем за тобой? — София вызывающе вздергивает подбородок.

Я чувствую, как у меня сжимаются челюсти. Медленно и целенаправленно я обхожу край своего стола, подходя к ней лицом в нескольких футах от меня.

— Наш брак не будет любовным, София. Я не буду верным мужем, преданным тебе. Но я могу обещать тебе вот что, я никогда не подниму на тебя руку в гневе. Я никогда не затащу тебя в свою постель против твоей воли. Ты будешь защищена от всего, что может причинить тебе вред, обеспечена всеми способами, со всеми удобствами, которые можно купить за деньги. Я не могу подарить тебе романтику или собственную семью, но я позабочусь о том, чтобы любым способом компенсировать это материальными благами, собственным домом, путешествиями, всем, что ты пожелаешь, я сделаю это. Я не собираюсь делать тебя несчастной, София. Но я действительно намерен завершить все это дело как можно быстрее.

— Ты уже поднял на меня руки, — указывает София. — Прошлой ночью.

Эта девушка невыносима. Я медленно, размеренно выдыхаю.

— Ты пыталась сбежать.

— Все еще...

— Хорошо! — Я стискиваю зубы. — Я больше не прикоснусь к тебе без разрешения. Тебе этого достаточно?

— Ты все еще не ответил на мой вопрос. Что произойдет, если я откажусь?

Мне требуется все усилие, на которое я способен, чтобы не сжать руки в кулаки или не

закричать. Но я не могу позволить себе напугать ее, по крайней мере, не тогда, когда это касается меня. Но я устал играть в игры и танцевать вокруг правды.

— Дон Росси прикажет тебя убить, — просто говорю я.

Слова возымели желаемый эффект. София становится белой как мел, и на секунду мне кажется, что она снова может упасть в обморок. Я задаюсь вопросом, включает ли мое обещание больше не прикасаться к ней, удержание ее от падения на пол в глубоком обмороке, но ей удается удержаться на ногах, схватившись за дверцу, чтобы не упасть.

— Что ты имеешь в виду? — Шепчет она.

— Я имею в виду именно это. Ты — свободный конец, София. Шахматная фигура, карта для игры, называй как хочешь. Женившись на тебе, я выведу тебя из игры. Вне игры. Ты будешь в безопасности, и Братва больше не сможет использовать тебя против нас. Но если ты откажешься выйти за меня замуж, и я позволю тебе уехать отсюда, они смогут забрать тебя снова. Дон Росси не допустит, чтобы это было возможно.

София хмурится, на ее лбу появляются морщины замешательства.

— Но, если ты не хочешь жениться на мне, как они могут использовать меня в качестве приманки? Почему я что-то значу, если я ничего для тебя не значу? Конечно, обещание между двумя мужчинами, которые давно мертвы, не так уж много значит для этого Виктора или для твоего босса...

— София! — Я стискиваю зубы, пытаюсь сдержаться. — Есть вещи, которые тебе не нужно знать, и о которых я не могу тебе рассказать. Но что я могу, что я говорю тебе, так это то, что у тебя действительно есть выбор. Ты можешь согласиться выйти за меня замуж, здесь и сейчас, или я могу позвонить дону Росси и сказать ему, что ты отказываешься. И после этого я больше ничего не смогу сделать, чтобы спасти тебя.

— И ты будешь тем, кто убьет меня, если я скажу нет? Может быть, выгацишь пистолет здесь и пристрелишь меня? — София сердито смотрит на меня.

— Не здесь, — просто говорю я. — И я надеюсь, что нет — Честно говоря, это не то, что я могу представить себе. Росси не из тех, кто играет в игры, возьмет Софию и вложит мне в руку пистолет в надежде, что ее удастся убедить передумать. Он бы просто убил ее, чисто и тихо, и умыл руки от всего этого беспорядка. На самом деле, я знаю, что это то, что он предпочел бы. Пока она жива, даже замужем за мной, есть переменные. Она может снова попытаться сбежать. Возможно, ее похитят. Она может забеременеть, и ребенка используют против нас.

Смерть — лучшая гарантия того, что потенциальная проблема не возникнет.

Но я не хочу, чтобы это произошло. Я хочу выполнить обещание, которое дал, спрятать Софию где-нибудь в безопасном месте и обеспечить ей достаточную безопасность, чтобы она никогда не подвергалась опасности. Если я буду осторожен в первую ночь и никогда больше не прикоснусь к ней, у нас не будет возможности завести детей. Дело Софии Романо все еще будет рассмотрено, и она будет жива.

— Я не хочу твоей смерти, — просто говорю я ей. — Вот почему я делаю это, София. Это единственный способ решить эту проблему.

— Значит, я для тебя проблема?

Во многих отношениях.

— Да, — говорю я ей прямо. — Ты была проблемой, с которой нужно было справляться с того дня, как тебе исполнилось двенадцать лет. И тобой управляли, без твоего ведома, все эти годы. Теперь ты просто осознаешь это.

Что-то в холодности моего тона, кажется, выводит ее из состояния неповиновения.

— Значит, все так просто. Выйти за тебя замуж или умереть.

— Да.

— Как он это сделает?

Я пораженно моргаю, глядя на нее.

— Я...я не знаю.

— Он приедет сюда, чтобы забрать меня? Сбросит меня с пирса? Или кто-нибудь вломится ночью в мою спальню?

— Я не знаю, София. Но это не обязательно должно быть так...

— Я сделаю это.

— Что? — Я моргаю, глядя на нее, застигнутый врасплох внезапной переменой.

София смотрит на меня холодно, ее лицо такое же бесстрастное, каким было мое несколько мгновений назад.

— Я выйду за тебя замуж. Но у меня есть условия.

Мне требуется вся моя сила воли, чтобы не рассмеяться.

— У тебя есть условия? Разве я только что не объяснил тебе, что...

— Да, я все поняла. Я выхожу за тебя замуж, или твой босс убьет меня. Что, как ты сказал мне прошлой ночью, вообще не является выбором. Но это не значит, что я не могу иметь никакого права голоса в том, как пройдет этот брак.

Это должно быть интересно.

— Это означает, что я не обязан соглашаться, — говорю я ей прямо. — Но продолжай. Каковы эти условия?

— Я не хочу жить с тобой.

Что ж, по крайней мере, это достаточно просто.

— У меня есть все намерения предоставить тебе твое собственное жилье. Тебе придется оставаться здесь, пока мы не будем уверены, что угроза Братвы нейтрализована. Но после этого я разрешу тебе выбрать свою квартиру из тех, которыми владею я, и тебе будут предоставлены твои собственные данные о безопасности и доступ к определенным банковским счетам и кредитным картам. Я говорил тебе, что я намерен предоставить все для тебя, София.

Она даже не моргает.

— Мне все еще будет разрешено видаться с Анастасией.

— Я не думаю...

— Ты не можешь принудить меня к браку без любви и отнять у меня единственную подругу.

— Твоя подруга русская, у нее отец из братвы.

— Она — все, что у меня есть.

Я сжимаю переносицу, чувствуя, как подступает мигрень.

— Хорошо. Но только здесь или в твоей квартире, как только ты устроишься в одной из них, и под строгим наблюдением. Если вы двое куда-нибудь отправитесь, это должно быть разрешено мной, и дополнительная охрана отправится с вами.

— Отлично. — София не выглядит довольной, но на данный момент мне все равно. Это никогда не предполагало переговоров. Как получилось, что я могу сказать своей будущей невесте, что альтернатива простой смерти, это смерть, и все же она все еще стоит здесь и спорит со мной?

— Есть что-нибудь еще? — Я не могу скрыть сарказм в своем голосе.

— Только одна вещь. — София делает глубокий вдох. — Я имею в виду то, что сказала прошлой ночью. Это будет брак только по расчету, мистер Романо. Ты не будешь пытаться залезть в мою постель, а я не пойду в твою. Ты ни в коем случае не посмеешь поднять на меня руку. Ты никогда не будешь... — Она делает глубокий вдох, заливаясь прекрасным розовым оттенком. — Лишать меня девственности. Я останусь нетронутой.

Очевидно, врач был прав. И самого упоминания о ее девственности, слетающего с губ Софии, достаточно, чтобы моя эрекция вернулась с пугающей скоростью. Я даже не могу приспособиться так, чтобы она не заметила, и все, что я могу делать, это надеяться, что она не посмотрит вниз, где доказательства того, как сильно я хочу ее, очень, очень заметны.

София плотно сжимает губы.

Что ж, в эту игру могут играть двое.

— Я уверен, ты в курсе, мисс Ферретти, что брак должен быть завершен, чтобы он был законным.

— Я думаю, мы немного миновали кровь на простынях. На дворе двадцать первый век, — мило отвечает София. — Ты можешь говорить все, что тебе нужно, чтобы удовлетворить своего босса и угрозу Братвы, мистер Романо. Скажи, что ты трахал меня всю ночь напролет, мне все равно. Но это никогда не будет правдой.

Боже. Я совершенно уверен, что, если я стану еще тверже, мой член прорвется сквозь ширинку моего костюма. Услышать мягкий, невинный голос Софии, упоминающий, что я трахал ее всю ночь, достаточно, чтобы мне захотелось забыть о своем обещании и склонить ее над столом здесь и сейчас. На ней все еще то смехотворно короткое, обтягивающее платье, и единственное, что меня останавливает, это хрупкие остатки моего чувства чести, и давнее желание насладиться лишением ее девственности в нашу первую брачную ночь, когда у меня будет все время мира. Все это время я буду желать насладиться своей невестой один единственный раз. Это единственное, что не дает мне сойти с ума с тех пор, как я увидел ее вчера и понял, что по какой-то необъяснимой причине я хочу трахнуть Софию Ферретти больше, чем дышать.

— У меня нет привычки лгать, мисс Ферретти. — Я улыбаюсь ей. — Кроме того, тебе бы это понравилось. Мне говорят, что ночи со мной весьма приятны. У меня вошло в привычку быть щедрым любовником.

София тоже улыбается, но это не совсем касается ее глаз.

— Я уверена, что большинство женщин на Манхэттене могли бы подтвердить это, если бы я их спросила.

— Может быть, тебе следует. — Я засовываю руки в карманы. — Только не говори мне, что моя невеста поневоле ревнует.

— Ни капельки. — София держится твердо, ее темно-карие глаза встречаются с моими, и она делает паузу, делая глубокий вдох. — Ты говоришь, что у меня нет выбора. Что ж, у меня будет выбор в этом. Я выйду за тебя замуж, поскольку ты не оставляешь мне выбора поступить иначе. Но я не буду спать с тобой.

Она бесстрашно встречает мой взгляд, и на мгновение я не могу не уважать ее храбрость. Она верит мне, я уверен в этом. Но она отказывается прогибаться, несмотря ни на что. Несмотря на то, как отчаянно я хочу ее и как все это раздражает, я чувствую вспышку восхищения моей будущей женой, даже когда она прищуривается, глядя на меня.

— Я сделала свой выбор, мистер Романо. А ты?

СОФИЯ

Мое сердце скачет галопом в груди. Я знаю, что Лука говорит правду. Если я откажусь от этого брака, я все равно что покойник, но я не выйду из одного плена только для того, чтобы встретиться лицом к лицу с другим. Если мне придется выйти за него замуж, я сделаю это на своих собственных условиях. Я не буду его рабыней больше, чем была бы рабыней Братвы. Я скорее умру, чем позволю им продать меня или использовать в спортивных целях, и Лука пообещал мне, что не затащит меня силой в свою постель.

Тем не менее, я не знаю, что я буду делать, если он откажется, если он будет настаивать на том, что мы должны консумировать брак, чтобы сделать его законным. Если это всего один раз, стоит ли это моей жизни?

Проблема в том, что я не уверена, что это будет только один раз. Я почувствовала его прошлой ночью, когда он прижал меня к двери, я знаю реакцию мужчины, который желает женщину. Лука Романо хотел меня, и неистово. Я чувствовала это не только в сильном давлении на мое бедро, но и в каждом дюйме его тела. Я чувствовала это в том, как он целовал меня. Никто никогда раньше не целовал меня так. И когда я укусила его, это было не только потому, что я хотела, чтобы он отстал от меня. Это было, по крайней мере частично потому, что я не была уверена, что хочу, чтобы он остановился.

Меня принуждают к браку по договоренности с самым великолепным мужчиной, которого я когда-либо видела. Все в Луке — это чистая мужская сексуальность, облаченная в сшитый на заказ костюм, и он стоит передо мной с высокомерием бога. Можно было бы справиться с тем, если бы он плохо целовался. Был эгоистичным в постели. Ужасным любовником. Тогда я могла бы стиснуть зубы и позволить ему покончить с этим за раз и двигаться дальше в своей новой жизни. Но проблема в том, что я не думаю, что он что-то из этого.

Этот поцелуй заставил меня пофантазировать о вещах, о которых я никогда раньше даже не думала. Жар его губ на моих внезапно сделал меня до боли влажной, настолько, что я проклинала тот факт, что Ана убедила меня выйти на улицу без нижнего белья, и я боялась, что он может каким-то образом заметить. Ощущение его тяжелого, мускулистого тела напротив моего... Одна только мысль об этом заставляет меня снова заливаться жаром, возбуждаясь так, как я никогда не возбуждалась. Я должна ненавидеть его прикосновения, ненавидеть то, с какой силой он прижимал меня к двери, ненавидеть все, что касалось его тела, прижатого к моему. Но если я буду честна сама с собой, я не испытывала ненависти к нему... я не могу этого допустить.

Я выйду за него замуж, если понадобится, но я не позволю себе хотеть его. Отдаться ему любым способом, кроме самого элементарного, законного требования подписания документов. И чтобы гарантировать это, я должна быть уверена, что он никогда, никогда больше не прикаснется ко мне.

— Ну? — Я вызывающе смотрю на него, убеждаясь, что он не может видеть, как я напугана. Как меня трясет при мысли о том, что он откажется подчиниться, настаит на том, чтобы затащить меня в постель, и снова поставит меня перед выбором: переспать с ним или

умереть.

Я вижу разочарование на его лице и гнев. Он хочет меня, понимаю я, и от этой мысли по моему позвоночнику невольно пробегает дрожь желания. Именно поэтому я должна держать его подальше от моей постели и от того, чтобы он не принуждал меня лечь в его. Лука, возможно, единственный, кто может защитить мою жизнь, но я единственная, кто может защитить свое сердце. И это начинается с защиты моего тела от него.

— Прекрасно, — говорит он, его голос срывается. — Вы победили, мисс Феретти. Если ты хочешь оставаться такой же чистой, как Дева Мария, будь моим гостем. У меня не будет недостатка в женщинах, предлагающих согреть мою постель вместо тебя.

По какой-то причине это причиняет боль. Так не должно быть, но мысль о том, что он смотрит на другую женщину так, как смотрит на меня прямо сейчас, целует и прикасается к другой женщине с той же страстью, которую демонстрировал прошлой ночью, заставляет мою грудь болеть. Ты ведешь себя как идиотка, твердо говорю я себе. Кроме того, эта болезненная вспышка ревности, просто еще одна причина отказать ему. Если даже сама мысль о том, что он будет с кем-то другим, причиняет боль сейчас, насколько будет больнее, если я отдам ему свою девственность, и сделаю его первым и единственным мужчиной, а он потом просто переступит через это? Он уже ясно дал понять, что не намерен хранить мне верность или даже возвращаться в мою постель после первой ночи. Уступив хотя бы раз, в конце концов, все станет намного сложнее. Я не могу позволить себе хотеть его. И я абсолютно, никогда не могу позволить себе влюбиться в него. Последнее должно быть достаточно просто, думаю я, глядя на мужчину с каменным лицом перед собой.

— Значит, ты соглашаешься на брак? — Лука бесстрастно смотрит на меня сверху вниз.

— Да. До тех пор, пока...

— До тех пор, пока я тебя не трахну. Я справлюсь. — Он холодно улыбается мне. — Если это все, мисс Феретти, нужно подписать документы. Соглашение о браке и добрые соглашения. И ювелир будет здесь через... — он смотрит на часы. — Через пятнадцать минут, чтобы предоставить тебе выбор обручальных колец.

Я смотрю на него, на мгновение ошарашенная.

— Обручальные кольца? — Я взвизгиваю, вырвавшись из своего угрюмого неповиновения. Он говорит, это так мягко, так заинтересованно, как будто это что-то интимное, как знак обещания между двумя людьми, которые любят друг друга.

Но в этой комнате нет ничего похожего на любовь.

— О, тебе нравится, как это звучит? — Улыбка Луки отказывается встречаться с его глазами. — Женщин, как правило, очаровывают мои деньги, но я думал, что ты будешь исключением из этого правила, поскольку ты была так решительно против этой идеи.

Я стискиваю зубы, меня захлестывает новая волна гнева.

— Ты только что застал меня врасплох. Я не думала, что ты заботаешься обо мне настолько, чтобы купить мне кольцо. В конце концов, к этому тебя тоже принуждают.

— Мне все равно, — прямо говорит Лука. — Но этот брак должен казаться абсолютно реальным и абсолютно неприкосновенным. Это означает, что мы пройдем через каждое движение. Ты выберешь обручальное кольцо и свадебное платье, и у нас будет очень большая, очень публичная церемония в соборе Святого Патрика, а после... очень большой, очень дорогой прием, как и подобает моему положению. Ты будешь красивой, счастливой невестой, а я буду красивым и обожающим женихом. Но больше всего, мисс Романо, ты будешь благодарной. — Затем он поворачивается, снова фиксируя на мне свой темно-

зеленый взгляд. — И после этого, как только я смогу поселить тебя в твоей собственной квартире, мы будем жить как можно более отдельно, за исключением случаев, когда нам строго необходимо появляться на публике вместе.

— И ты забудешь обо мне. — Утверждение выходит более жалким, чем я хотела.

Лука натянуто улыбается.

— Мое самое заветное желание, София, чтобы мы могли забыть друг о друге.

* * *

Десять минут спустя я оказываюсь сидящей за столом в просторной столовой Луки, на котором аккуратно разложены стопки документов, напротив меня сидит высохший мужчина, который выглядит старше, чем антикварные картины на стенах, а передо мной бархатный поднос с десятью разными обручальными кольцами. Все они большие, экстравагантные и, вероятно, стоят больше, чем годовая арендная плата за мою квартиру. Может быть, даже больше. И все они прекрасны.

— Если размер не подойдет, я могу подогнать его и приготовить для вас завтра, — говорит ювелир, переводя взгляд с Луки на меня. Он выглядит нервным, и я не могу его винить. Выражение лица Луки стальное, он стоит справа от меня, скрестив руки на груди и глядя вниз на поднос с кольцами.

Он, вероятно, подсчитывает в уме, во сколько все это ему обойдется.

Как ни странно, мне приходит в голову просто выбрать то, которое выглядит так, как будто оно стоит дороже всего, независимо от моего личного вкуса. Но самым дорогим выглядит бриллиант королевской огранки, который, кажется, достанет мне до костяшки пальца, окруженный ореолом бриллиантов и инкрустированным бриллиантами ободком. Это намного безвкуснее всего, что я когда-либо носила, и я не могу заставить себя носить это вечно только назло Луке. Зная, о нем до сих пор, он будет настаивать, чтобы я носила его, несмотря ни на что. Хотя не похоже, что он планирует видеться со мной так уж часто, как только разберется с Братвой.

Я не знаю, почему от этой мысли у меня сильно сжимается грудь, как будто мне грустно. Лука избегает меня, и это наилучший возможный исход. Это не та жизнь, на которую я надеялась, но, по крайней мере, я не умру, и мне никогда не придется беспокоиться о деньгах. И он, кстати сказал, что я могу путешествовать. Даже если я не смогу жить в Лондоне и играть там в оркестре, я все равно смогу поехать в Париж, может быть...

Это все еще не моя жизнь. Это жизнь, которую выбирают за меня. Мне придется получать разрешение на каждый свой шаг. Как бы я ни пыталась прокрутить это в голове, ничто не может изменить тот факт, что все, о чем я мечтала, ради чего работала и на что надеялась, было отнято в одно мгновение. И хотя это организовал не Лука, я не могу не ненавидеть его за это. Тем более, что я не могу заставить себя ненавидеть своего собственного отца, человека, который, несомненно, любил меня и по которому я никогда не переставала горевать.

Итак... Лука — единственный, на кого я могу свалить всю вину за это.

Я беру одно из колец, круглый бриллиант, окруженный ореолом тонкой платиновой полоски, и надеваю его на палец. На ощупь оно тяжелое и выглядит странно, занимая так много места на моей тонкой руке.

— У вас нет чего-нибудь поменьше? — С любопытством спрашиваю я, и Лука корчит гримасу.

— Жене будущего Дона было бы неуместно носить маленькое обручальное кольцо, — категорично заявляет Лука тоном, не терпящим возражений.

Конечно. Неважно, лишь бы выбрать. Я осторожно откладываю первое кольцо и беру другое, бриллиантовый пасьянс грушевидной формы, оправленный в кольцо из розового золота, которое напоминает мне о кольце Блейк Лайвли. Он менее броский, чем другие, и уникален, но бриллиант по-прежнему огромен и занимает все пространство между основанием моего пальца и первой костяшкой. Как кто-то может носить что-то подобное? А затем, когда я смотрю на поднос с кольцами, я замечаю одно, которое действительно выделяется для меня. Оно не такое броское или современное, как другие кольца, на самом деле, оно выглядит так, как будто может быть антикварным. Это бриллиант сияющей огранки, оправленный в желтое золото, и, хотя он большой, вероятно, более трех карат, он далеко не такой огромный, как другие центральные камни. По бокам от него два изумрудных багета, а окантовка простая. Рядом с ним лежит обручальное кольцо в тон, кольцо вечности из желтого золота с бриллиантами, утопленными в нем по всей окружности.

Я беру его, надевая на левую руку. Оно идеально подходит, и мое сердце бьется немного быстрее в груди, когда я вытягиваю руку перед собой, глядя на кольцо. Я не хочу, чтобы оно мне нравилось так сильно, как нравится. Оно большое, но не безвкусное, красивое, но не подавляющее, а зелень изумрудов того же цвета, что и глаза Луки. На мгновение, когда я смотрю на бриллиант, сверкающий на моей руке, я изо всех сил желаю, чтобы все было по-другому. Оно выглядит как кольцо, которое следовало выбрать для меня, кольцо, которое я могла бы передать дочери или будущему сыну для его невесты, семейная реликвия в процессе становления. Знак любви, а не богатства.

— Это то, что ты хочешь?

Ледяной голос Луки прерывает мои фантазии, и я чувствую, как у меня сводит живот, когда я возвращаюсь к реальности. Это всего лишь знак богатства, не более того. Кольцо кажется тяжелым на моей руке, когда я кладу ладонь на стол, солнечный свет из окна отражается от него. Это способ Луки показать любому, кто может угрожать ему, что я принадлежу ему. Что София Ферретти, дочь покойного Джованни Ферретти, его невеста. Что он берет то, что хочет, и сделает все, что должен, чтобы сохранить это.

Я тяжело сглатываю. Я хочу сорвать кольцо и швырнуть его через всю комнату. Часть меня хочет выбрать что-то одно из других просто потому, что я хочу это, а я не должна. Я не должна хотеть ничего из того, что этот мужчина хочет мне дать. Конечно, не то, что могло бы иметь такое большое значение. Но какая-то часть меня, которую я не хочу рассматривать слишком пристально, не может вынести того, чтобы снять кольцо. Вместо этого я снова поднимаю его, приятно улыбаясь Луке, когда поворачиваюсь к нему лицом.

— Да, — просто отвечаю я. — Это то, которое я хочу.

— Хорошо. — Лука поворачивается к ювелиру. — Тогда это. Ты можешь прислать мне счет. И упакуй его в коробку. — Говорит он, указывая на золотое кольцо, оставленное в прорези на подносе.

— А как насчет вас, мистер Романо?

— Подойдет простое кольцо из желтого золота в тон. Пять миллиметров, ничего броского. — Лука натянуто кивает ему. — Пусть это будет здесь к пятнице. Церемония состоится в субботу днем.

— Замечательно, мистер Романо.

Как только ювелир уходит, Лука садится, пододвигая ко мне первую стопку документов.

— Подпиши, — коротко говорит он.

СОФИЯ

Я чувствую тяжесть кольца, как клеймо, когда беру ручку, и у меня скручивает живот. Все это ненормально и неправильно. Не было никакого предложения, никакого опускания на одно колено, никакого вопроса для ответа. Лука даже не надел кольцо мне на руку сам. Все в этом жесткое и формальное, деловое. Тем не менее, это хорошо, говорю я себе. Чем более отстраненным это будет выглядеть, тем легче будет с этим справиться.

Я не могу избавиться от ощущения, что я что-то теряю. Я никогда не была девушкой, которая мечтала о браке и семье, которая представляла день своей свадьбы во всех деталях. Я все еще девственница не потому, что берегла ее для своего будущего мужа, а потому, что у меня просто не было шанса потерять ее. Я почти никогда не ходила на свидания, и те несколько свиданий, на которые я ходила, были с мужчинами, которые были далеки от того, чтобы быть интересными, или красивыми, или достаточно обворожительными, чтобы заставить меня хотеть их. Мне даже не понравились те несколько неуклюжих поцелуев, которые я испытала.

Поцелуй Луки прошлой ночью был первым разом, когда я действительно почувствовала, каково это, быть по-настоящему поцелованной кем-то, кто знает, что делает. Это не небрежная попытка захватить наши рты вместе или короткий скупающий поцелуй, который дарит тебе парень, надеясь, что ты поторопишься и позволишь ему перейти на следующую базу. Лука поцеловал меня так, как будто хотел моих губ больше, чем дышать, как будто изголодался по мне. В том поцелуе были огонь и страсть, и, если всего один поцелуй был таким, что бы было...

Я плотно сжимаю губы, когда смотрю на первую страницу. Я не могу позволить себе думать о поцелуе Луки, или о том факте, что этот брак означает отказ от любого шанса на любовь, когда-либо, или о том факте, что я собираюсь остаться девственницей на всю оставшуюся жизнь. По крайней мере, я буду жива, говорю я себе, и, в конце концов, это все, что от меня требуется.

— Если ты планируешь прочитать каждую страницу, мы собираемся пробыть здесь весь день, — сухо говорит Лука.

— Ты предлагаешь мне подписать то, чего я не читала?

Лука вздыхает, звук, который он, кажется, издает в моем присутствии чаще, чем обычно.

— Этот документ, твое согласие выйти за меня замуж. В нем говорится, что ты останешься замужем за мной до тех пор, пока один из нас не умрет, от естественных причин или по иным причинам, и что ты не будешь добиваться развода. Если ты попытаешься расстаться со мной, поселиться в неутвержденном месте, покинуть город, штат или страну без моего разрешения или подать на развод, это будет рассматриваться как заявление, что ты понимаешь, что я больше не могу гарантировать твою безопасность и не буду пытаться каким-либо образом защитить твою личность.

— Это слишком замысловатые слова, чтобы просто сказать, что... если я попытаюсь уйти, ты позволишь мне умереть или прикажешь меня убить.

Челюсти Луки сжимаются.

— Я никогда не позволю тебя убить, София. Я не верю, что Братва представляет настолько большую угрозу, что твоя смерть необходима. Но у нас с Доном Росси разные представления о некоторых вещах. И я не буду подставлять свою шею, чтобы защитить тебя, если ты будешь настаивать на уходе.

Хм. Я убираю этот лакомый кусочек на хранение. Лука только что невольно показал мне немного своего отношения. Пока Росси является главой итальянской мафии, моя жизнь будет потеряна, если я покину Луку. Но однажды Лука станет Доном, он почти сказал мне, что не хотел бы, чтобы меня убили за то, что я ушла. Конечно, все еще нужно учитывать Братву. Но если я буду достаточно тщательно планировать и выжду время, возможно, однажды я смогу снова стать свободной.

— В нем также говорится, что я согласен обеспечить все твои материальные потребности. Твое жилье, еда, коммунальные услуги и другие предметы первой необходимости будут оплачены, и тебе будет предоставлена ежемесячная содержание и дискреционное пособие, — продолжает Лука, не замечая изменения в моем поведении. — Как моя жена, ты должна будешь посещать со мной определенные мероприятия. От тебя также ожидается выполнение определенных функций, членство в правлениях нескольких благотворительных организаций и тому подобное. — Он делает паузу. — Ты улавливаешь мысль?

— Конечно. — Я мягко улыбаюсь ему.

— Как жена будущего Дона, а со временем и жена самого Дона, ты будешь иметь власть над другими женами мафии. Они будут приходить к тебе за советом и компанией. — Лука корчит рожу. — Я не знаю, какого черта ты можешь им предложить, честно, но сделай все, что в твоих силах. Все должны верить, что этот брак настоящий, и это предполагает, что ты играешь свою роль в полной мере.

Я морщусь. Я не думала, что мне придется заводить друзей или быть настоящей частью этой семьи. Я предполагала, что смогу прятаться в своей квартире, путешествовать, когда смогу, и развлекаться. Честно говоря, это звучало как единственная приемлемая часть сделки. Теперь я узнаю, что мне придется править этим гротескным королевством вместе с Лукой и притворяться, что мне это нравится, и мой желудок переворачивается. Я не хочу в этом участвовать.

Но у меня все еще нет выбора.

— Есть что-нибудь еще?

— Касается этого документа? Только то, что ты понимаешь, что от этого союза не будет детей или что они не ожидают. Если ты забеременеешь, беременность будет прервана. — Лука натянуто улыбается. — Но поскольку одним из твоих условий является то, что я не прикасаюсь к тебе, я не думаю, что это будет проблемой.

— Я думала, католики против аборт?

Лука хмурится.

— Есть другие проблемы, которые имеют приоритет над любыми религиозными. Но это не твоя забота. И это не то, о чем тебе нужно беспокоиться. — Он постукивает по бумаге. — Отец Донахью сказал, что ты была крещена, но никогда не подтверждалась в церкви?

— Эм...нет. Я была крещена в младенчестве и приняла первое причастие, но мой отец умер до того, как я был подтверждена. А моя мать обратилась в христианство только ради

замужества, она выросла в русской православной церкви, так что...

Лука машет рукой, прерывая меня.

— Тогда отец Донахью ускорит это.

— Но я думаю, что есть процесс...

Я ясно вижу раздражение на лице Луки.

— Отец Донахью хорошо знает семью, и он также хорошо знал твоего отца. Он сделает то, о чем мы просим. — Лука потирает рот рукой, и я вижу намек на усталость в его глазах. — Это нельзя откладывать, София. Свадьба состоится в субботу.

— Есть ли в документе что-нибудь еще, о чем мне следует знать?

Лука качает головой.

— Ты включил сюда мои требования?

— София... — Предупреждение в голосе Луки ясно.

— Итак, в контракте есть все, что ты требуешь, но ничего такого, что я...

Лука хлопает одной рукой по столу, поднимаясь на ноги так быстро, что я отшатываюсь назад и чуть не опрокидываю стул.

— Мое согласие на твои условия, это не что иное, как то, что я милосердный муж, София. Я ни на что не должен соглашаться. Один телефонный звонок, и ты мертва! Ты понимаешь меня? Так что вместо того, чтобы настаивать на том, чтобы я все это переделал заново в соответствии с твоими желаниями, тебе просто придется довериться мне. — Его челюсть сжата, когда он наклоняется ко мне, его зеленые глаза сверкают. — Или ты можешь сказать мне, что это невозможно, и я позвоню дону Росси и сообщу ему, что брак расторгнут. Это твой выбор, моя прекрасная невеста.

Он шипит последнее слово, и в этот момент я вижу, как это сказывается на нем. Мне его не жаль, ни капельки, но мое сердце учащенно бьется, когда я смотрю на его точеное лицо, в его зеленые глаза, сверкающие, как изумруды, его взгляд тверд, как кремь. Он протягивает руки по обе стороны от спинки моего стула и нависает надо мной.

— Я мог бы потребовать от тебя все, что захочу, — бормочет он, его голос понижается на октаву, низкий и глубокий. Я чувствую, как по моей коже невольно пробегает дрожь. — Я мог бы потребовать твоего тела, твоей покорности, каждой части тебя, отданной мне без вопросов, в обмен на твою жизнь. Но, несмотря на то, какой я человек, который вызывает у тебя такое отвращение, несмотря на кровь на моих руках, я этого не сделаю. Ты знаешь почему, София?

— Нет, — шепчу я. Я дрожу как осиновый лист, но моя кожа гудит от чего-то, чего я никогда раньше не чувствовала, какое-то электрическое ощущение проходит по мне, пока не начинает казаться, что каждый волосок на моем теле встает дыбом. Полные губы Луки нависают над моими, каждый дюйм его тела напрягся от гнева, и я без сомнения знаю, что если бы я протянула руку вниз, то нашла бы его таким же твердым, каким он был прошлой ночью. Между нами есть что-то, чего я не понимаю, какая-то химия в нашей неоспоримой ненависти друг к другу, и извращенная часть меня хочет выгнуться вверх, прижаться своими губами к его губам и обвить руками его шею, прижимая его ко мне, пока мы не повалимся вместе на блестящий деревянный пол столовой.

Лука неподвижно стоит надо мной, его взгляд прикован к моему.

— Потому что я совершил в своей жизни очень много грехов, София, многие из них смертные. Но я никогда не принуждал женщин. Я никогда не брал ту, которая меня не хотела.

Затем он отодвигается от моего стула, его челюсть все еще сжата.

— И я не собираюсь начинать со своей жены.

У меня дрожат руки. Я не уверена, что смогу даже подписать бумаги, но Лука подсовывает их мне.

— О, — холодно говорит он. — Есть еще кое-что.

— Что? — Я пытаюсь унять дрожь в голосе, но не могу.

— Твой цвет волос. Меня не волнует, сколько это будет стоить или что придется делать стилисту, но к пятнице эта ужасная краска сойдет с твоих волос, и ты будешь настолько близка к своему естественному цвету, насколько это возможно. На тебе это выглядит нелепо. — Он выплевывает последние слова, снова садясь в свое кресло. — Я попрошу моего секретаря прислать стилиста завтра. И когда мы закончим здесь, кто-нибудь придет с новым гардеробом для тебя, с чем-нибудь, что не делает тебя похожей на шлюху.

Я знаю, что он намеренно жесток, подавляя желание, которое было несколько минут назад, вместо этого гневом. Но от этого слова не становятся менее ранящими. Ничто из того, что он говорит, не должно ранить меня, но, тем не менее, это ранит. Чем скорее мы сможем покончить с этим, тем лучше. Скоро мне даже не придется его видеть.

Глубоко вздыхая, я тянусь за ручкой.

* * *

Час спустя я стою в одной из гостевых спален в пентхаусе и смотрю на кучу одежды, нижнего белья, обуви и украшений, разбросанных по кровати. У стены есть вешалка для одежды с большим количеством одежды. Это самая впечатляющая демонстрация богатства, которую я когда-либо видела в одном месте, потому что на каждой вещи есть дизайнерский ярлык.

Я все еще не оправилась от бумажной волокиты. В конце концов, ни в чем из этого не было ничего такого, о чем я могла бы найти повод для спора. Часть брачного соглашения о детях беспокоила меня, но, как указал Лука, поскольку я настаивала на том, что останусь девственницей, о чем было беспокоиться? И даже если я изменила свое мнение, или он изменил свое и форсировал проблему, действительно ли я хотела бы иметь от него ребенка? Или я хотела бы решить эту конкретную проблему как можно скорее? Я никогда не думала, что это будет то, о чем я даже подумаю. Но мысль о том, чтобы подарить Луке ребенка, вызывает у меня дрожь, и не очень приятную. Я не могу представить, как воспитываю ребенка в этой жизни, в конце концов, мой отец надеялся, что я избежу этого именно по этой причине. Тем больше причин держаться подальше от его постели, говорю я себе, проводя пальцами по шелковой рубашке. Если я не пересплю с ним, это даже не будет возможным. В остальном это просто стандартные добрачные соглашения, ничего такого, чего я не ожидала, и ничего такого, с чем я не согласна. Мне не нужны ни деньги Луки, ни его собственность. Я даже не хочу этого брака, а он ясно дал понять, что выхода нет. И если мне удастся воспользоваться крошечной лазейкой, которую, как мне кажется, я нашла, я не остановлюсь, чтобы попытаться отобрать половину его имущества в суде.

Я буду бежать, спасая свою жизнь.

— Мистер Романо очень настаивал, чтобы вы выбрали все, что вам понравится, — говорит мне чопорная блондинка, стоящая в стороне. Спальня, в которой мы находимся, больше похожа на гостиничный люкс, с массивной кроватью размера "king-size", шкафом, комодом и гардеробной, а также камином с двумя креслами-подголовниками перед ним. Я еще даже не исследовала ванную комнату, но, взглянув на нее мельком, поняла, что она

такая же большая, как вся моя спальня в моей собственной квартире.

Воспоминание о моей комнате вызывает у меня приступ грусти. Я хочу вернуться, но я никогда не смогу этого сделать. Я даже не знаю, смогу ли я убедить Луку забрать некоторые из моих вещей, и стоит ли мне вообще пытаться. Мне доставляло некоторое удовольствие раздражать его и видеть, на сколько его кнопок я могу нажать, прежде чем он взорвется, но его реакция сегодня днем сказала мне, что я почти довела его до предела. Я не могу позволить себе быть мелочной и незрелой, как бы мне этого ни хотелось. Мне придется научиться играть в эту игру его способом, если я хочу выжить.

Я почти уверена, что добила от него всех уступок, на которые собираюсь идти еще долгое время.

Передо мной разложены одежда, обувь и украшения на тысячи и тысячи долларов, но я не могу испытывать от этого никакой радости. Думаю, Анастасия пускала бы слюни от этого, проводя рукой по длинному вечернему платью из черного бархата. Оно прекрасно, но все, о чем я могу думать, это то, что это способ Луки одновременно успокаивать меня и контролировать, наряжая меня как красивую куклу, чтобы брать, когда я ему нужна, и убирать с глаз долой, когда я ему не нужна.

Разве ты не этого хочешь? Я ругаю себя. Если из этого нет выхода, а ясно, что его нет, разве я не должна хотеть иметь как можно меньше общего с Лукой после нашей свадьбы? Я смотрю вниз на кольцо у себя на пальце, ослепительно сверкающее. Ежедневное напоминание о том, с кем я связана на всю оставшуюся жизнь. От него никуда не деться, даже когда я одна.

Изящная блондинка по большей части молчит, пока я примеряю одежду и выбираю предметы. К счастью, вкусы Луки схожи с моими, простые и элегантные, и, если бы ситуация была другой, я могла бы наслаждаться свободой выбора того, что мне нравится. В итоге у меня получается несколько пар дизайнерских джинсов, горсть шелковых и льняных топов и стопка футболок, которые, вероятно, стоят дороже, чем когда-либо должна стоять футболка, несколько легких сарафанов и туфель к ним, балетки и каблуки. Также есть снаряжение для тренировок, все брендовое и дорогое, и я беру вещи, не обращая особого внимания. Для меня штаны для йоги, это штаны для йоги, независимо от того, откуда они берутся. Сложнее всего выбрать вечерние платья, они напоминают мне о том, что Лука сказал мне ранее, что мне придется посещать мероприятия и гала-концерты с ним в качестве его идеальной, счастливой, сияющей жены. Воплощение хорошего и любящего брака. Но я также помню, что он сказал мне, что надеялся, что мы в основном забудем друг друга, и это заставляет меня думать, что таких может быть немного. Я могу только надеяться, что это так.

Я стараюсь избегать украшений, я даже представить себе не могу, на какую крупную сумму я уже набрала, и даже мой мелочный инстинкт потратить как можно больше денег Луки не в состоянии преодолеть бережливость, которая прививалась мне всю мою жизнь.

— Мистер Романо настаивает, — говорит блондинка, пододвигая ко мне поднос с бриллиантовыми серьгами, и я вздыхаю.

В конце концов я выбираю несколько комплектов, по одному в желтом, розовом и белом золоте, и пару маленьких серебряных обручей. Симпатичный браслет-манжета из розового золота, усыпанный бриллиантами, и подходящее к нему коктейльное кольцо привлекают мое внимание, но я неохотно отталкиваю их.

— А для медового месяца? — Женщина вытаскивает другую вешалку для одежды, на

этой полно шелка, атласа и кружев, предметов нижнего белья, одновременно невинных и провокационных, и я чувствую, что краснею ярко-красным.

— В этом нет необходимости, — быстро говорю я.

Она хмурится.

— Конечно же, ты хочешь что-нибудь красивое, по крайней мере, для своей первой брачной ночи? Мистер Романо...

— Мистер Романо не имеет никакого отношения к моему нижнему белью, уверяю тебя, — твердо говорю я ей. Выражение ее лица совершенно растерянное, но я игнорирую это. Возможно, после этого мне всю оставшуюся жизнь придется изображать счастливую, удовлетворенную невесту, но я отказываюсь выбирать белье, которое никогда не надену, для жениха, с которым никогда не буду спать. Это заходит слишком далеко.

— Думаю, с меня хватит, — твердо говорю я. — Скажи мистеру Романо, если он спросит, что я очень благодарна, но я также устала. Для меня это все, на сегодня.

— Очень хорошо, мисс Ферретти.

Когда женщина и ее обширная коллекция покупок уходят, я падаю навзничь на кровать среди всей этой одежды. Все мое тело болит от вчерашних событий, недолгого сна, свернувшись калачиком на диване, и напряжения. Я открываю один глаз и вижу дверь ванной, и, несмотря на мое упрямое желание ничем не наслаждаться в этом месте, я не могу не поддаться мысли о горячей ванне. Мои мышцы кричат на меня.

Сама ванная комната поражает воображение. Плитка с подогревом, что я обнаруживаю, как только переступаю порог комнаты босиком, и она такая же массивная, как я и предполагала. Стойка тянется почти вдоль одной стены, с двойными раковинами и огромным зеркалом со встроенной подсветкой по всему периметру. Душевая кабина отделена от ванны керамогранитом и насадками для душа с дождевой водой с обеих сторон, а в ванне установлены гидромассажные форсунки. Мне требуется всего секунда, чтобы открыть один из лакированных черных выдвижных ящиков и найти пакетики с ароматической солью для ванн и ампулы с маслом для ванн, а под раковиной — литровые банки. Остальные ящики пусты, они просто ждут, когда кто-нибудь заполнит их своими вещами.

— Конечно, здесь нет ничего личного, — сухо думаю я, включая воду в ванне. Лука не похож на парня, который зовет девушку на второе свидание или позволяет ей оставить зубную щетку или губную помаду. Все в этом гостевом номере тщательно продумано, несомненно, кем-то другим, для любого гостя, который у него может быть. И я уверена, что девочки здесь не остаются. Они, вероятно, даже не остаются на ночь. Он, наверное, трахает их и просто вызывает такси, и они благодарят его за это.

Я не совсем уверена, почему мне так горько из-за этого. Честно говоря, я должна быть благодарна. Чем больше он занят в своей постели, тем меньше у меня проблем с тем, чтобы держать его подальше от моей. И я ни на секунду не верю, что Лука — мужчина, которому не хватает женского общества, даже если бы он не хвастался этим. Но точно так же, как моя кожа словно наэлектризована каждый раз, когда он нависает надо мной, мысль о другой женщине в его постели заставляет мой желудок сжиматься от беспокойства.

Ревность. Это странное чувство, испытывать к человеку, который, по сути, мой похититель. Это просто потому, что ты выходишь за него замуж, говорю я себе, погружаясь в ванну с ароматом ванили и подавляя стон удовольствия, когда горячая вода омывает мое тело. Ты просто чувствуешь себя обязанной ревновать к другим женщинам в постели своего

мужа. Но это никогда не изменится. Все, что ты можешь сделать, это держаться подальше от этого самостоятельно и смотреть в другую сторону. Лука ясно дал понять, что ожидает, что ему будет позволено делать все, что он захочет.

Был ли мой отец таким? Впервые я позволяю себе задуматься о его браке с моей матерью. Я не могу поверить, что он когда-либо был ей неверен. Я помню, как он смотрел на нее, как они украдкой целовались, когда думали, что я не смотрю, как он всегда касался ее талии, проходя мимо, даже после многих лет брака. Я знаю, что он любил ее. Но верность? Теперь я не так уверена.

Ясно, что мой отец жил жизнью, о которой я никогда не знала. Об этом я всегда знала, но никогда не представляла себе такого. И я бы никогда не подумала, что он способен пообещать меня такому человеку, как Лука. Знал ли он, какой будет альтернатива, если я откажусь? Знал ли он, что я буду загнана в угол подобным образом? И если он это делал, то дал ли обещание, потому что боялся, что Росси убьет меня?

Я закрываю глаза, погружаясь глубже в ванну. Я так многого не знаю, так много вопросов осталось без ответа, и Лука, кажется, не склонен давать мне ни один из этих ответов. Я знаю, что он надеется, что я буду кроткой и молчаливой после нашей свадьбы, что я перестану бороться с ним и задавать вопросы. Но я провела всю свою жизнь, будучи кроткой и тихой, стараясь не попадаться на глаза, и это не сработало. Это всего лишь привело меня сюда, заставило вступить в брак, которого я не хочу, вся моя жизнь была перечеркнута за одну ночь.

Я сжимаю губы, вдыхая ванильный аромат воды.

Возможно, просто пришло время попробовать что-то новое.

ЛУКА

Документы подписаны. Кольцо на пальце Софии. У Кармен есть все ее инструкции, чтобы привести в движение церемонию и прием в субботу. Отец Донахью неохотно согласился встретиться с Софией для конфирмации, несмотря на то, насколько “все это нерегулярно”.

Я должен чувствовать удовлетворение. Даже довольный тем, что вопрос был решен, несмотря на сдержанность Софии, и что все становится на свои места. Вместо этого, когда я сижу на заднем сиденье своего автомобиля и еду на встречу с Доном Росси, я чувствую себя более взволнованным, чем когда-либо. Я должен был быть тем, кто контролирует все это. Тем, кто отдает приказы, рассказывая Софии, как все будет происходить. И все же каким-то образом моей прекрасной будущей жене удалось заставить меня почувствовать, что в конце концов, несмотря на всю бумажную волокиту и все требования и ограничения, которые я на нее наложил, она одержала верх.

Конечно же, я не чувствую себя так только потому, что она сказала мне, что я не могу ее трахнуть?

Я никогда раньше не заикливался на какой-то конкретной женщине. Я сам потерял девственность в пятнадцать лет, и с тех пор я счастливо трахаюсь по всему Манхэттену, сначала с первокурсницами в моей частной средней школе, а затем, как только я закончил,

ну...я трахаюсь по всему остальному городу. Я ни разу ни о ком из них не подумал, за исключением пары светловолосых близнецов, которые по сей день являются единственными женщинами, которым я когда-либо звонил дважды. В свою защиту скажу, что это был первый раз, когда мне сосали член две женщины одновременно.

Может быть, мне просто не нравится, когда мне говорят, что я могу иметь, а чего нет. Это предположение ничуть не хуже любого другого. Но все, что я знаю, это то, что мне нужно с этим смириться. У меня может быть практически любая женщина, которую я захочу, так почему же меня так сильно пугает, что эта девушка упрямо отказывается подчиниться?

Я знаю, где я хотел бы ее согнуть... прямо через колено, когда она в следующий раз откроет рот, чтобы поспорить со мной. Мысль приходит из ниоткуда... черт возьми, не думаю, что я вообще когда-либо делал это с женщиной раньше. Нескольких из них я привязал к своей кровати, парочке завязал глаза, и был тот единственный секс втроем, в котором было немного шоколада и горячего воска, но в остальном мои сексуальные подвиги остались в основном ванильными. Большинство женщин достаточно возбуждены моей привлекательной внешностью и деньгами, чтобы не нуждаться ни в чем другом, чтобы намокнуть. Но что-то в Софии заставляет меня хотеть делать с ней то, о чем я никогда даже не мечтал. Она заставляет меня терять контроль над своими эмоциями совершенно незнакомым мне способом, и она делает меня тверже, чем я когда-либо был в своей жизни. Все это по отдельности — отличные причины держаться от нее как можно дальше. Все это вместе, говорит мне, что она — бомба замедленного действия, готовая взорваться и разнести мою тщательно выстроенную жизнь на куски.

День, когда я смогу поселить ее в ее собственной квартире и увести из своей, не может наступить достаточно быстро.

Франко, и Дон Росси ждут меня в его кабинете, и Франко встает, как только я переступаю порог, с дерьмовой ухмылкой на лице.

— Лука! — С энтузиазмом приветствует он меня, хлопая по плечу, когда я направляюсь к столу. — Я думал, что буду первым, кто женится.

— Не втирай это, — рычу я, опускаясь в одно из кожаных кресел перед Росси. — Девчонка Ферретти уже отняла у меня пять лет жизни, а сейчас даже не время обеда.

— Звучит захватывающе. — Франко подмигивает мне. — Катерина...

Росси прочищает горло, бросая на Франко взгляд, который говорит ему, что ему, вероятно, не следует выпускать из своих уст любое замечание, которое он собирался сделать в отношении дочери Дона. Франко краснеет до корней своих рыжих волос, опускаясь на стул рядом со мной, не говоря больше ни слова.

Я бросаю взгляд на своего друга. Он всегда был более экстравертом из нас двоих, вероятно потому, что ему пришлось многое преодолеть, чтобы занять какое-либо положение в семье. Его отец был состоявшимся человеком при Росси, не человеком высокого ранга, но человеком, которому Росси доверял настолько, что мы с Франко росли вместе. Но благодаря рыжим волосам Франко, бледной веснушчатой коже и зеленым глазам, еще более ярким, чем у меня, его детство сопровождалось множеством слухов и сплетен. Он родился примерно через девять месяцев после того, как глава бостонской ирландской семьи вместе с горсткой своих людей приехал его навестить. Тогда я едва вылез из духовки, но все слышали историю о том, как черноволосый и темноглазый отец Франко, едва взглянув на своего новорожденного сына, потребовал тест на отцовство.

Результаты показали, что Франко, несмотря на его необычный цвет кожи, был таким же итальянцем, как и хорошая болоньезе. Но все же слухи продолжались, и начальная школа для Франко началась плачевно. Он потратил приличное количество времени, подвергаясь издевательствам, избиениям, у него крали обед, и он слышал, как его мать называли “шлюхой, любящей трилистник”, прежде чем перешел в седьмой класс и сумел подружиться со мной. Честно говоря, я не помню, из-за чего мы сблизились. Возможно, это были бейсбольные карточки, или это могла быть общая признательность за то, что Энджи Греко была первой девочкой в нашем классе, у которой появилась грудь. Но как только мы стали друзьями, не было ни малейшего шанса, что кто-то тронет его пальцем. Это принесло мне его лояльность, которая с лихвой окупилась за эти годы, и теперь Франко был щедро вознагражден дочерью дона и местом по правую руку от меня, когда я унаследую кресло Росси. У него все получилось очень хорошо, и я знаю, что он благодарен.

Вот какие союзы приходится заключать. Это то, как наши семьи ведут дела на протяжении веков, как мы удерживали ирландцев и русских от захвата власти, как мы удерживали свое место в войнах мафии на протяжении десятилетий. Мы проигрывали сражения, но, в конце концов, мы выиграли войну. И пока воцарился мир.

Но Братва угрожает этим.

— Звучит так, как будто мое решение могло бы быть проще, — сухо говорит Росси. — Я надеюсь, что девушка не доставит ненужных хлопот, Лука.

— С ней все будет в порядке, — быстро отвечаю я. Почти слишком быстро, я вижу подозрение на лице Росси. — Камень, отягощающий ее палец, и поход по магазинам, которые я доставил в пентхаус, к настоящему времени должны были сделать ее более сговорчивой.

— Ты испортишь девушку, — предупреждает Росси. — Не позволяй ей думать, что у нее есть преимущество. Она должна знать, что ты все контролируешь, Лука. Что в твоих руках власть над ее жизнью и смертью. Это единственный способ быть уверенным, что она подчинится.

— Она очень осведомлена, — твердо говорю я ему. Если бы только он знал, думаю я, заставляя себя не ерзать неловко на своем стуле. Если бы Росси знал, что Софии уже удалось поставить свои собственные условия...

Он бы подумал, что я повелся на киску. И, может быть, так оно и есть. Киску, которую я даже не попробую на вкус, не говоря уже о том, чтобы трахнуть. Одной мысли достаточно, чтобы мой член бунтуяще дернулся в штанах. Но я имел в виду то, что сказал Софии. Я никогда не принуждал женщин, я даже не думал об этом. Есть вещи, которые даже я не могу оправдать. Так что независимо от того, как сильно я хочу Софию, ее драгоценная девственность останется нетронутой. В этом нет сомнений. Все, что мне осталось, это придумать, как выкинуть ее из головы.

Но если я когда-нибудь узнаю, что кто-то, кроме меня, прикасался к ней...

Я убью его.

Девушка обрекла себя на безбрачие. И если играть монахиню когда-нибудь станет слишком тяжело, что ж, я буду рядом, чтобы облегчить это бремя. Конечно, только на одну ночь.

Но что это была бы за гребаная ночь.

Росси снова прочищает горло, и я понимаю, что слишком долго был погружен в свои мысли.

— Прости, — быстро говорю я. — Это была долгая ночь.

Франко на это хихикает, но Росси старательно игнорирует его, по его лицу пробегает слабое выражение раздражения.

— Я просто спросил, хочешь ли ты, чтобы кто-нибудь, кроме меня и Франко, пришел на следующее утро после вашей свадьбы, чтобы засвидетельствовать брачное ложе. Учитывая, что у Софии нет родителей, которые могли бы поручиться за нее...

— В этом нет необходимости, — спокойно говорю я. Я знал, что эта проблема возникнет после того, как София настояла на целомудренном браке, но я готов.

— Традиция настаивает...

— Я хорошо осведомлен о традициях.

— Тогда ты знаешь, что нам нужны доказательства завершения. Софии...

— София не девственница. — Я говорю неправду с абсолютной уверенностью, даже зная, чего это может мне стоить, если Дон Росси когда-нибудь обнаружит, что я солгал ему. Тема лжи даже не имела бы большого значения, только сам факт ее совершения.

Даже когда я говорю это, я знаю, что, должно быть, действительно сошел с ума. Почему я готов так многим рисковать ради этой девушки? Она не должна ничего значить для меня. Наш надвигающийся брак порожден ничем иным, как отчаянной мольбой отца за свою дочь и слабостью моего отца перед лицом дружбы. Это было не мое обещание. Со мной никогда не советовались ни по одному из этих вопросов. И все же я не только согласился жениться на девушке, но и только что солгал самому могущественному человеку не только на североамериканском континенте, но и на половине Европы. Человеку, который торгует жизнью и смертью так, словно это копеечные акции, который почти ни перед чем не брезгует в своем стремлении сохранить созданную им династию. Если бы его единственным ребенком был сын, я бы никогда не поднялся выше уровня младшего босса. Хуже того, меня могли понизить в должности в пользу собственного выбора этого вымышленного наследника в качестве его правой руки. Отправили бы быть капо в Филадельфии или кем-то столь же пресмыкающимся.

Вместо этого Росси выбрал меня своим наследником, и я только что сказал ему откровенную ложь. И почему? Я мог бы настоять, чтобы София легла со мной в постель в нашу первую брачную ночь. Я могу сказать себе, что уступил из-за страха, что она откажется от брака и умрет, но я ни на секунду по-настоящему не верю, что София не обменяла бы свою девственность на свою жизнь.

Правда, в которой я не хочу признаваться самому себе, заключается в том, что я сдался, потому что с того момента, как я поймал ее, пытающуюся выбежать из квартиры, я знал, что не хочу брать ее против воли. Я не хотел трахать ее, пока она лежала там холодная и уступчивая, выполняя свой долг единственный раз. Нет, если я когда-нибудь возьму Софию Ферретти в постель, я хочу чертовку, которую я прижал к своей входной двери. Я хочу женщину, которая страстно заявила мне, что я никогда не увижу ее обнаженной, мокрой подо мной, пока она умоляет о моем члене. Я хочу, чтобы она жаждала этого, была в отчаянии, готова принять меня в свое тело любым способом, который я ей дам. Я хочу, чтобы она умоляла меня позволить ей кончить.

Я хочу выжать из ее совершенного тела каждую каплю удовольствия, на которую способен, пока она не привыкнет к тому, что я могу с ней сделать. И тогда я хочу отомстить за то, что она заставляла меня чувствовать последние двадцать четыре часа и, без сомнения, будет продолжать заставлять меня чувствовать, пока я не смогу выставить ее к черту из

моего пентхауса, и никогда больше к ней не прикасаться.

Неважно, как сильно она меня будет умолять.

От одной мысли об этом я снова становлюсь твердым, как скала.

— Мне, конечно, нелегко удержать тебя сегодня здесь, Лука, — сухо говорит Росси. —

Неужели мысль об отсутствии невинности у твоей невесты настолько отвлекает?

Я сажусь прямее, желая избавиться от своей упрямой эрекции. К счастью, я сажусь, и это не слишком заметно, но все же...

— Для меня это не важно, — говорю я категорично. Еще одна ложь.

Росси выглядит неубежденным.

— И она рассказала тебе об этом? Ты ей доверяешь?

Я фыркаю.

— Конечно, нет. — По крайней мере, это правда. — Я попросил доктора Кареллу прийти и осмотреть ее после того, как я забрал ее из гостиничного номера. Врач подтвердил мне, что не было никаких признаков того, что она была нетронута.

Еще одна ложь. Я должен буду убедиться, что доктор Карелла полностью осведомлена о том, каким должен быть ее ответ, если дону Росси когда-нибудь придет в голову уточнить у нее состояние девственности Софии, когда я привел ее в свою квартиру.

Росси выглядит задумчивым.

— Это были русские? — Спросил он.

Я вижу, как крутятся колесики в его голове, и я точно знаю, о чем он думает. Я многим обязан Росси: своим положением, своим богатством, своей властью, но впервые он вызывает у меня настоящее отвращение. Он ни в малейшей степени не беспокоится за Софию или о том, что могло с ней случиться. Но если бы какая-нибудь Братва надругалась над дочерью Джованни, это стало бы поводом стереть их пятно с лица континента. Росси, на первый взгляд, пытается избежать войны. Но в глубине души я знаю, что он был бы рад предложению прорезать кровавую полосу через них всех.

— Нет. — Мой тон резок и тверд. — Она не пострадала физически, за исключением нескольких поверхностных синяков на лице и запястьях. Были некоторые затяжные эффекты от наркотиков, но больше ее не трогали.

Росси выглядит слегка разочарованным, и у меня возникает внезапное, неистовое желание броситься вперед и ударом кулака стереть это выражение с его лица. Эта мысль поражает меня. Я часто был жестоким человеком, но никогда импульсивным. Это часть того, что сделало меня таким ценным сотрудником семьи Росси. Я буду делать то, что нужно, но всегда с холодной головой и без эмоций за этим. Тот факт, что мое нутро сжимается от отвращения при мысли о том, что Росси с радостью воспользовался бы потенциальным насилием Софии, является еще одним доказательством того, что мне нужно установить некоторую дистанцию между мной и ней. Я всегда знал, что он был готов приказывать убить ее, если понадобится, так почему же это меня удивляет?

— Позор, — весело говорит Франко. — Прошло много времени с тех пор, как ты стал первым, кто вошел, а?

Я свирепо смотрю на него.

— Я оставляю это тебе, — резко говорю я ему, игнорируя выражение лица Дона Росси при упоминании его дочери. — Доказательство завершения не потребуется, — продолжаю я, поворачиваясь лицом к Росси.

Он хмурится.

— Этот брак должен быть законным, — предостерегает Росси. — Не может быть никаких сомнений в том, что София Ферретти, твоя жена во всех отношениях.

Я вежливо улыбаюсь ему.

— Конечно, — просто говорю я, мое выражение лица ничего не выдает. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы я не затащил женщину в постель, если у меня есть возможность затащить ее туда?

СОФИЯ

Я жду Луку, когда он вернется в пентхаус. Его удивленный взгляд почти удовлетворяется, когда он видит меня, стоящую у окна в гостиной, одетую в красное платье без рукавов длиной до колен и туфли-лодочки от Louboutin телесного цвета, с парой бриллиантовых сережек из желтого золота в тон кольцу на пальце и бриллиантовой манжетой на запястье. У меня здесь нет косметики или чего-нибудь еще, чем можно было бы уложить волосы, но я нашла расческу в одном из ящиков, и в ней осталось достаточно средства со вчерашнего вечера, чтобы волосы все еще ложились легкими волнами вокруг моего лица.

— Я все еще блондинка, — говорю я, позволяя нотке извинения прорваться в своем голосе, когда убираю локон со щеки и смотрю на него через комнату. — Но я уверена, что стилист, которого ты пришлешь, позаботится об этом в ближайшие несколько дней.

Невероятно приятно видеть, как Лука теряет дар речи, даже если это длится всего несколько секунд. Затем я вижу, как выражение его лица становится тщательно отсутствующим, и он входит в комнату, небрежно засунув руки в карманы. Это напоминает мне о том, как он стоял напротив меня в своей спальне прошлой ночью, и небольшая дрожь пробегает у меня по спине.

— Я вижу, тебе понравился поход по магазинам.

— Это все еще считается поход по магазинам, если я не выходила из дома?

— Мне бы не хотелось знать, чего бы это стоило в противном случае.

Мы с Лукой смотрим друг на друга по разные стороны окна, а под нами простирается огромный город. Глядя на него в мягком свете, легко понять, почему так много женщин падают от него в обморок, и почему он ожидал, что я сделаю то же самое. Я никогда не видела более красивого мужчины. Все в нем... совершенство, от точеных линий его лица, стрижки и завитка его темных волос, до искусно сшитого костюма. Каждый дюйм его тела кричит о богатстве, власти и контроле, и это одновременно пугает меня и интригует. Больше всего я хочу знать, почему он идет на все, чтобы обезопасить меня. Может это просто возможность сломать меня? Удовлетвориться от обладания женой так же, как он владеет всем остальным? Может что-нибудь более темное? Я не могу поверить, что это все из-за обещания, которого он даже не давал.

— Зачем ты потрудились принарядиться для меня? — Голос Луки опасно мягок. Его глаза на мгновение задерживаются на моем лице, а затем смело скользят вниз по всему моему телу, напоминая мне, что даже если он не может прикоснуться, я не могу помешать ему смотреть на меня, как на жену, которую он купил сегодня.

И через пять дней я стану его женой в глазах человека и Бога, на словах, если не на деле.

— Кто сказал, что это для тебя? — Я смотрю на него, поднимая подбородок и встречаясь с ним взглядом. — Разве девушка не может надеть красивое платье для себя?

Лука пожимает плечами.

— Я не обращаю особого внимания на то, что женщины делают, чтобы развлечь себя.

— Нет, я полагаю, ты не обращаешь. Только на то, что они могут сделать, чтобы развлечь тебя.

Его взгляд темнеет, и он делает шаг ко мне.

— Ты планируешь развлечь меня сегодня вечером, София?

Я притворяюсь, что выгляжу шокированной.

— Мы еще даже не женаты, мистер Романо. Конечно же, вы не ожидали...

— Ты была бы удивлена, чего я ожидаю. — Его голос понижается на октаву, и он делает еще один шаг. Сейчас он слишком близко ко мне, ближе, чем я планировала ему позволить. Мое сердце трепещет в груди вопреки моему желанию, это было не то, что я планировала. — И зови меня Лука. Мистер Романо был моим отцом. Мужья и жены должны называть друг друга по именам.

— Этого не было в контракте. — Мой голос звучит тише, чем я хотела. Про себя я проклиная тот факт, что он, кажется, так действует на меня каждый раз, когда он рядом. Как я должна одержать верх в этой ситуации, когда от одного прикосновения к нему у меня начинают покалывать руки и потеть ладони, а желудок скручивается в узел только от запаха его одеколона?

От него пахнет солью и лимонами, но не дешевым цитрусовым ароматом чистящего средства. Одеколон Луки пахнет насыщенно и дорого, как морская вода, лимонные деревья и сахар, как десерт с нотками специй, как лимончелло на паруснике, когда морской бриз ерошит твои волосы. Я делаю глубокий вдох и понимаю, когда моя кожа вспыхивает от смущения, что я вдыхаю его. Я ничего не могу с этим поделать. Я никогда не была так близка с таким человеком, как Лука, никогда не проводила столько времени рядом с мужчиной, который похож на него, который командует другими так, как он, который искренне верит, что мир создан специально для его удовольствия. И через пять дней я должна выйти за него замуж.

— Откуда ты знаешь? — Его рот слегка подергивается, как будто он хочет рассмеяться. — Ты его не читала.

— Потому что ты сказал мне, что в нем было! — Мой голос повышается, и рот Луки тогда действительно приподнимается.

— И ты мне поверила? — Его голос глубокий и насыщенный, окутывающий меня, как дым. — Ты очень наивна, София.

Я тяжело сглатываю.

— Как, по-твоему, я оказалась в том клубе?

Взгляд Луки скользит по моему лицу.

— Слушала не тех людей.

— Я должна тебя слушать?

— Тебе было бы безопаснее, если бы ты это делала.

Я напрягаюсь, отступаю назад и снова глубоко вдыхаю. Еще несколько дюймов от него, и воздух снова мой, приятно пахнувший полиролью для мебели и древесным освежителем воздуха.

— Ана не хотела причинить никакого вреда, — защищаюсь я. — Она понятия не имела, что произойдет.

— Я уверен, — сухо говорит Лука. — Если бы я думал, что она хотела причинить тебе вред...

Он умолкает, и я чувствую, как мои глаза слегка расширяются.

— Что? Что бы ты сделал?

Лука игнорирует вопрос, переключая передачи плавно, как на Ferrari.

— Ты все еще не сказала мне, почему ты так нарядилась. Я видел счет за твои покупки, ты выбрала еще и повседневную одежду.

— Я заказала нам ужин.

Удивление снова появляется на его лице, но быстро исчезает.

— Я планировал поужинать в своем офисе. У меня полно работы, которую нужно сделать...

— Мы женимся через пять дней, Лука.

Он смотрит на меня с любопытством. Я не уверена, было ли это моим признанием вслух, что я собираюсь выйти за него замуж, или моим использованием его имени, но на этот раз Лука не выглядит так, как будто он уже подумал о том, что скажет дальше.

— Нам нужно поговорить, — просто говорю я. — Я знаю, что ты хочешь, чтобы мы избегали друг друга, насколько это возможно, и поверь мне, меня это устраивает. Но мы должны время от времени появляться на публике, как ты сказал. И эта публика будет ожидать, что мы будем вести себя как счастливая супружеская пара.

— И? — Я вижу раздражение на лице Луки. — Если ты что-то хочешь сказать, София, поторопись и сделай это.

— Счастливые супружеские пары кое-что знают друг о друге. Их любимые блюда. Любимые цвета. Чем они любят заниматься по выходным.

Лука хмурится.

— Я равнодушен к равиоли с лесными грибами под сливочным соусом и хорошему красному цвету к нему, у меня нет любимого цвета, и... — Он наклоняется ближе ко мне, как будто хочет рассказать секрет. — По выходным мне нравится выходить на улицу, находить самую красивую женщину, какую я могу, вести ее домой, а затем трахать ее, пока она не выкрикнет мое имя.

Я знаю, что он пытается шокировать меня, заставить отступить. Вместо этого я смотрю на него, сохраняя свое лицо спокойным и ничего не выражающим.

— Неужели у тебя нет ничего более креативного, чем это?

Лука поджимает губы.

— Ты права, — наконец говорит он. — Иногда я привожу домой двоих. Если выходные выдаются исключительно хорошими, может быть, даже троих.

— Никто не может удовлетворить трех женщин одновременно.

— Ты права и в этом тоже. — Улыбка расплывается по лицу Луки. — Но две из них могут развлекать друг друга, пока я трахаюсь с другой. А затем я перехожу к следующей. — Он все еще слишком близко, нависает надо мной в свете из окна. — Ты можешь себе это представить, София? Три красивые женщины в постели со мной, все мы голые, прижатые друг к другу. Ты когда-нибудь слышала, чтобы две женщины кончали одновременно? Это как музыка. И аромат... — Он вдыхает, закрывая глаза, а затем выпрямляется, улыбаясь мне сверху вниз, как будто рассказывает шутку, которую, как он знает, я не понимаю. — Нет,

конечно, ты не можешь себе этого представить, — холодно говорит он. — И если ты продолжишь цепляться за свою невинность, София, ты никогда этого не узнаешь.

— У меня нет никакого интереса делить твою постель с другими женщинами, — огрызаюсь я, прежде чем успеваю обдумать это предложение до конца. Но Лука тут же хватается за это, его улыбка теперь почти насмешливая.

— Значит, у тебя есть интерес к моей постели.

— Нет, я... — Я пытаюсь быстро вернуться назад. — У меня вообще нет никакого интереса к тому, что там происходит.

Я никогда не говорила такой неприкрытой лжи. Одна мысль о Луке, обнаженном и запутавшемся в простынях этой огромной кровати, заставляет мое сердце учащенно биться. При мысли о том, как могло бы выглядеть его тело под этим тщательно сшитым костюмом, у меня по спине пробегает дрожь, и на мгновение я не могу говорить. Я никогда не думала, что кто-то может заставить меня почувствовать, что-то подобное, такое захватывающее дух желание, которое я видела в фильмах или читала в книгах. Я никогда не думала, что это реально. Но прямо сейчас я думаю, что, если бы он попытался прикоснуться ко мне, я, возможно, не смогла бы сказать ему нет, а я пробыла здесь всего один день. Как я собираюсь жить, пока он не подарит мне мою собственную квартиру?

Вспомни, зачем ты здесь. Что он сделал с тобой. Чего он хочет от тебя.

Лука ясно дал понять, что ни в коем случае не планирует быть мне настоящим мужем. Чего он хочет, так это трахнуть меня один раз и отбросить в сторону, как любую другую свою женщину, и я отказываюсь, чтобы со мной обращались так бессердечно. Но ни о чем другом не может быть и речи. Он не собирается любить меня. И я не должна этого хотеть. Я никогда не чувствовала себя такой сбитой с толку.

— Мы здесь закончили? — Лука смотрит на меня сверху вниз, его лицо снова ничего не выражает. — Или у тебя есть еще какие-нибудь бессмысленные вопросы, чтобы задать мне? Может быть, как мне нравится мой стейк? Кем был мой учитель истории в восьмом классе? Какие-нибудь другие мелочи, которые, я полагаю, женатые пары знают друг о друге, в каком бы мире ты ни жила?

— Я выросла в том же мире, что и ты, — защищаюсь я, скрещивая руки на груди. — Пока мой отец не умер...

Лицо Луки становится жестче, и он делает шаг назад.

— Нет, — холодно говорит он. — Ты этого не делала. Твой отец защитил тебя от худшего из того, что он сделал. Твой отец сделал все, что мог, чтобы убедиться, что ты никогда не будешь частью всего этого. Но я был сыном младшего босса Росси, старшего сына Романо, и моя жизнь никогда не была похожа на твою, София. — В его взгляде снова появляется та стальная острота, когда он смотрит на меня сверху вниз, и я вспоминаю, как он вел себя в столовой ранее, когда я подписывала бумаги.

Это должно приводить меня в ужас. Все в этом мужчине должно приводить, но чувство в животе, когда я вспоминаю его руки по обе стороны от моего стула и его рот, нависающий над моим, не имеет ничего общего со страхом.

— Когда дело доходит до моего мира, София, — говорит он ледяным голосом, — ты всего лишь ребенок. Не совершай ошибку, думая, что мы одинаковые. Мы не такие.

И затем, прежде чем я успеваю сказать еще хоть слово, он разворачивается на каблуках и выходит из комнаты.

* * *

Я возвращаюсь в свою комнату, прежде чем вспоминаю о заказанном ужине. Вероятно, он все еще на обеденном столе, остывает с каждой минутой, но я не могу заставить себя вернуться, особенно учитывая вероятность того, что я могу столкнуться с Лукой. Несмотря на то, что спальня мне незнакома, я хотела бы просто спрятаться здесь до свадьбы. О чем я думала, пытаясь узнать его получше, как будто он кто угодно, а не бессердечный преступник, который берет то, что хочет, и ничего не дает взамен? Я подумала, что, если бы я могла извлечь из него хоть какую-то человечность, получить некоторое представление о том, кто он такой, возможно, мы смогли бы прийти к какому-то взаимопониманию. Но вместо этого я просто снова почувствовала себя подавленной, маленькой и беспомощной перед лицом его богатства, власти и необузданной мужественности.

Но я не беспомощна. Если мне придется устраивать шоу каждый раз, когда я должна появляться на публике под руку со своим мужем, если мне придется давать расплывчатые ответы, чтобы скрыть, как мало я на самом деле знаю о нем, прекрасно. Как только я поселюсь в своей собственной квартире, я смогу сделать все возможное, чтобы забыть о нем, как он и сказал. Мы можем забыть друг о друге. Нелепая ревность, которую я испытываю, то, как мои колени подкашиваются, а кровь разогревается каждый раз, когда он рядом со мной... все это исчезнет.

Я просто не смогу притворяться, что во мне есть что-то особенное, что то, как он, кажется, сосредотачивается на попытке соблазнить меня каждый раз, когда мы рядом друг с другом, отличается от того, что он делает с каждой другой женщиной. Разница в том, что меня это не обманет.

Стук в дверь вырывает меня из моих мыслей, и я застываю в нерешительности. Если это Лука, последнее, чего я хочу, это снова с ним разговаривать. Но все, что я слышу, это металлический звон, а затем звук удаляющихся шагов по коридору. После минутного спора с самой собой я встаю, подхожу к двери и осторожно открываю ее. К моему удивлению, я вижу снаружи на полу накрытый серебряный поднос, похожий на тот, что в отеле оставляют для обслуживания номеров, и снаружи никто не ждет.

Я быстро беру его и снова закрываю дверь. Когда я ставлю его на кровать и снимаю покрывало, я вижу свою порцию заказанного блюда: баранью отбивную и картофель с чесноком на белом фарфоровом блюде с гравировкой, салат в хрустальной миске и миниатюрный серебряный кувшинчик, наполненный винегретом.

Мгновение я просто смотрю на это. Лука принес это для меня? Мысль о том, что Лука пошел в столовую, разделил мою порцию ужина и подал его таким смехотворно элегантно, хотя и совершенно по его, способом, кажется совершенно неуместной. Должно быть, это был кто-то из персонала, который у него почти наверняка есть, вот только я не видела на самом деле “семнадцати сотрудников”. Ни экономки, ни повара, ни горничной. Вероятно, они просто очень хорошо умеют оставаться вне поля зрения. Невозможно, чтобы Лука сделал это ради меня. Это не вяжется ни с чем, что я видела от него. Это означало бы, что он действительно заботится, что у него есть сердце, а он уже приложил немало усилий, чтобы показать мне, что это неправда.

Когда я принимаюсь за еду, мой аппетит полностью пропал, я не могу не задаться вопросом, есть ли другая сторона у этого мужчины, за которого я собираюсь выйти замуж, которого я едва ли даже знаю.

СОФИЯ

На следующее утро я просыпаюсь, переполненная печалью, моя грудь ноет, и я на грани слез. Мне снилось, что я вернулась в свою старую квартиру, сидела в гостиной с Анастасией и смотрела дрянное реалити-ШОУ, пока мы пили вино и ели попкорн. Вместо этого, когда я открываю глаза, я нахожусь в этой новой, незнакомой кровати, в этой огромной и безличной комнате, и я так сильно заскучала по своему старому дому и прежней жизни, что все, что я хочу сделать, это свернуться калачиком и заплакать. Вместо этого я решительно встаю и подхожу к комоду, чтобы достать пару джинсов и один из легких топов без рукавов, которые я выбрала. Надевая туфли на плоской подошве из мягкой, как масло, кожи, я бросаю взгляд на ряд бархатных коробочек на прикроватной тумбочке, в каждой из которых лежат мои новые украшения.

Должна ли я надеть серьги с бриллиантами, чтобы спуститься к завтраку? Все в этой жизни, которой живет Лука, мне так незнакомо. Я подхожу к окну и раздвигаю занавески те, что в гостевой комнате, обычные шторы на окне более нормального размера, хотя и все еще большом, и поднимаю левую руку к свету. Огромный бриллиант сверкает на солнце, и я хмурюсь, понимая, что не подумала снять его прошлой ночью, перед тем как лечь спать.

Я не хочу рассматривать его слишком пристально. Я говорю себе, что это была просто оплошность, что я была слишком смущена появлением ужина в моей комнате, чтобы думать об этом, или что я не хотела оступиться и забыть надеть его обратно сегодня утром. Все, что угодно, кроме возможности того, что я, возможно, уже начинаю привыкать к его весу на моей руке, что мне, возможно, действительно нравится его носить, и я могла бы подумать, что это прекрасно.

Отворачиваясь от окна, я беру пару серебряных обручей, которые выбрала вчера, и собираю волосы в пучок на макушке. Я не сомневаюсь, что стилист, о котором упоминал Лука, вероятно, появится сегодня, так что нет смысла пытаться делать с этим что-то еще. Я спускаюсь по лестнице, стараясь не думать о том, как всего две ночи назад я пыталась вырваться на свободу по этим ступенькам, как это закончилось тем, что Лука прижал меня к своей входной двери, заставляя меня чувствовать то, чего я никогда не чувствовала за всю свою жизнь. Если бы это был фильм, я точно знаю, чем бы это закончилось. Это закончилось бы тем, что это глупо короткое платье задралось бы вокруг моих бедер, и Лука потребовал бы свой приз как первый мужчина, который когда-либо был внутри меня, в то время как я задыхалась, стонала и умоляла о большем, полностью отдаваясь ему. Но это не фильм. Это не какая-либо история, это моя жизнь. Жизнь, которая была, без моего ведома, обещана и обменена много лет назад. И если я уступлю Луке, я потеряю последнее, над чем у меня есть власть.

Это правда, что ночь с ним была бы чем-то за пределами всего, о чем я когда-либо мечтала, что это было бы совсем не так, как я всегда ожидала, что мой первый раз будет неуклюжим, возможно, немного болезненным и почти наверняка не соответствующим шумихе. Даже Ана, как только выяснила, что я никогда ни с кем не спала, предупредила меня, чтобы я не ожидала слишком многого от первого раза. — *Позже становится*

лучше, — были ее точные слова, если я правильно помню. Но с Лукой это не было бы неуклюжим. Возможно, это даже не было бы болезненным. И это определенно превзошло бы все, о чем я слышала, относительно первого раза или, возможно, любого другого. Это также было бы только один раз. Без любви. Страсть без содержания. Удовольствие без всякого смысла.

Если бы у меня раньше было много случайного секса, если бы я не была такой наивной и невинной, когда дело доходило до того, что происходило между двумя людьми в спальне, возможно, я смогла бы насладиться тем, что Лука мог мне предложить, а затем списать это на опыт. Взяла бы у него столько же, сколько он взял бы у меня, а затем отключилась. Но это не так, и теперь этого никогда не будет. Лука взял бы у меня что-то, чего он не может дать мне равноценно эквиваленту взамен. Удовольствия недостаточно, чтобы компенсировать то, что я подпустила его так близко ко мне, позволила ему взять то, что, даже если раньше в этом не было никакого глубокого значения для меня, внезапно кажется последней моей вещью, которой мне позволено обладать.

Я так глубоко задумалась, что сначала, войдя на кухню, не замечаю, что Лука сидит за столом. Он сидит за газетой, и как только он слышит мои шаги, он откладывает ее, его красивое лицо выглядит более умиротворенным в свете раннего утра. На самом деле он выглядит почти... нормально. Во всяком случае, настолько нормально, насколько это возможно для мужчины, который сидит за своим смехотворно дорогим кухонным столом в костюме. Но он держит газету, и перед ним стоит чашка кофе, черного, как его душа, конечно, а перед ним тарелка с яйцами и сосисками, к которым он пока не притронулся.

— Сосиски вредны для сердца, — говорю я ему, направляясь к холодильнику, пытаюсь казаться как можно более равнодушной, обнаружив его на кухне. В конце концов, это не настоящий дом, я не могу представить, чтобы это место когда-нибудь стало для меня домом. Но я не думала, что он будет здесь в десять часов утра, фактически, я была почти уверена, что его нога, вероятно, вообще никогда не ступала в эту конкретную комнату.

— Тогда хорошо, что у тебя их нет, — ухмыляясь, говорит Лука.

Он просто пошутил. Мой холодный, расчетливый заместитель главы итальянской мафии, жених, только что пошутил. За завтраком. Среди бела дня. Как будто наша встреча здесь была обычным делом.

Я чувствую себя так, как будто меня бьют хлыстом.

Мне удастся скрыть выражение своего лица, я открываю холодильник и нахожу йогурт и свежесжатый сок. Йогурт в стеклянной банке, а сок выглядит как один из тех сортов по семь долларов за бутылку, которые можно найти в Whole Foods. То, на что Ана всегда жаловалась, что не может себе этого позволить, но этим питаются богатые балерины из Джульярдской школы, чтобы оставаться худыми и постоянно голодными. Но я выхожу замуж через пять дней, и, хотя маленькая, ничтожная часть меня хочет выглядеть наихудшим образом, я не совсем лишена тщеславия. У меня будет только один день свадьбы, и я хотела бы чувствовать себя красивой, даже если я не могу выносить вида моего жениха. Проблема, однако, не в том, что я не могу выносить его вида, даже несмотря на то, что он бессердечный монстр, и я не должна хотеть его ни в каком возможном качестве.

Стиснув зубы, я подхожу к столу, плюхаюсь на один из стульев с решимостью вести себя как можно более нормально. Если Лука не хочет завтракать со мной, он может уйти. Лука снова просматривает свою статью и морщит нос.

— Что ж, полагаю, я должен быть рад, что ты хотя бы заботишься о своей

фигуре. Дизайнеры обычно не любят одевать девушек больше четвертого размера.

— Ну, тогда я на пределе своих возможностей, — вежливо говорю я, зачерпывая ложкой черничный йогурт. — Может быть, мне все-таки стоило съесть немного сосисок.

Он не заглывает наживку.

— Стилист будет здесь через час, — говорит он, глядя на часы. — Очевидно, что работа с твоими ужасными волосами займет некоторое время, поэтому твоя встреча по выбору свадебного платья отложена до позднего вечера. Но я ожидаю, что все это будет сделано к концу дня, поскольку завтра у тебя встреча с отцом Донахью. — Лука откладывает газету, накалывая вилкой одну из сосисок. — В пятницу вечером состоится репетиция, и к вечеру субботы все это дело будет улажено и закончено. — Он отправляет кусочек в рот и задумчиво жует, наблюдая за мной с другого конца стола. — Кармен отправит тебе по электронной почте маршрут на неделю со всеми твоими встречами на случай, если ты забудешь.

У меня вертится на кончике языка указать, что у меня больше нет телефона или какого-либо доступа к компьютеру, но вместо этого я пользуюсь моментом, чтобы выпалить то, что было у меня на уме со вчерашнего вечера, хотя я знаю, что мне следовало придумать план, как спросить его, какой-нибудь способ заставить Луку сказать "да". Но на данный момент я настолько опустошена, что не могу ничего сделать, кроме как позволить вопросу выплеснуться наружу, пока Лука смотрит на меня с другого конца стола.

— Я хочу, чтобы Ана пошла со мной сегодня, чтобы помочь мне выбрать платье, — говорю я, слова спотыкаются друг о друга. — И я также хочу, чтобы она была на свадьбе.

Лука смотрит на меня так, как будто я сошла с ума.

— Я уже говорил тебе, по поводу твоей русской подружки, — говорит он категорично.

— Она моя...

— Да. Я знаю. Единственная подруга. У нее также есть старые связи с Братвой, и...

— Ты согласился, что я могу с ней видеться! — Слова срываются с моих губ, раздражительные и злые, как у ребенка, которым он и назвал меня прошлой ночью, но я ничего не могу с собой поделать. Он уже отнял у меня так много, и я в ужасе от того, что он заберет это последнее, и единственный человек, которого я могу любить в мире и который любит меня, уйдет навсегда.

Челюсть Луки напрягается, и я вижу, что он снова на грани срыва. Он откладывает вилку, осторожно кладя ладони на стол.

— Я согласился на это после того, как угроза будет сдержана...

— Ты заставляешь меня выходить замуж. Ты вынуждаешь меня делать это в полном одиночестве...

— Никто тебя ни к чему не принуждает. — Лука холодно смотрит на меня. — Ты можешь отменить свадьбу.

— И умереть?! — Я проглатываю каждое слово, моя ненависть к нему со вчерашнего дня возвращается в полную силу. Я не могу поверить, что я начала испытывать к нему теплые чувства только из-за кольца и того, что он, возможно, оставил мне ужин. Я стискиваю челюсти, уставившись на него со всей злостью, на какую только способна. Пошел он к черту, даже если бы он действительно приготовил этот ужин своими собственными руками. Я не собака, чтобы любить своего нового хозяина только потому, что он, возможно, накормил меня.

Лука пожимает плечами.

— Это все еще выбор.

— Может быть, в твоём мире.

Его лицо темнеет.

— Да. В моём мире. Частью которого ты теперь являешься, София, нравится тебе это или нет.

— Ну, мне это не нравится! — Я слышу, как мой голос повышается на октаву, но я не могу остановиться. — Моя семья мертва, Лука. Мой отец мертв. Моя мать мертва. Я знаю, я говорила это раньше, но она мой единственный друг! Я знаю, тебе насрать на то, чего я хочу, или на то, что я чувствую, но неужели ты не можешь хоть на секунду вытащить свою голову из собственной задницы и понять, что я, возможно, хочу, чтобы кто-нибудь, кого я люблю, помог мне выбрать мое гребаное свадебное платье? Быть рядом, когда я выйду замуж? Всего один человек, который будет рядом со мной? Я что так много прошу?

К тому времени, как я заканчиваю, у меня перехватывает дыхание, и я слишком поздно понимаю, что я кричу, что я только что буквально проклинала и кричала на человека, который имеет надо мной власть над моей жизнью и смертью. Я ни на секунду не верю, что документ, который я подписала вчера, черт возьми, что даже мое гребаное свидетельство о браке спасет меня, если Луке надоест иметь со мной дело. Этот человек и все, подобные ему и вокруг него, выше закона.

Если он спасает меня, то это потому, что он сам так решил. Что снова напрашивается на вопрос...почему?

Я ожидаю, что он снова потеряет контроль, будет кричать в ответ, угрожать мне. Но вместо этого он делает глубокий вдох, мышцы его челюсти напрягаются, когда он смотрит на меня с тем же жестким выражением на лице.

— Я разрешу твоей подруге прийти и помочь тебе выбрать платье сегодня, — наконец говорит он. — И она сможет присутствовать на свадьбе.

У меня отвисает челюсть. Даже с явным гневом на его лице, это не то, чего я ожидала.

— Но. — Лука поднимает руку, показывая, что я не должна говорить, пока он не закончит. Это не имеет значения, я все равно не смогла бы. Я слишком шокирована. — Катерина тоже пойдет с тобой сегодня, так что это будете не только ты и Анастасия. И Анастасия не пойдет на прием. Там слишком много людей, которые могли бы обидеться на это, и я думаю, ей было бы... неудобно.

Я определенно не думаю, что его волнуют чувства Аны. Но я слишком ошарашена тем, что он действительно сдался, чтобы спорить об этом. Тот факт, что он собирается позволить ей прийти сегодня в пентхаус и что она будет на церемонии, это гораздо больше, чем я ожидала, что он вообще пойдет на уступки.

— Спасибо, — шепчу я. Я все еще должна была бы злиться на него из-за стольких вещей, и я злюсь, но в данный конкретный момент я благодарна больше, чем за что-либо другое.

— Не путай это ни с чем, кроме того, что у меня есть дела поважнее, чем спорить с тобой каждый раз, когда я вижу тебя, София, — предупреждающе говорит Лука. — И я уже сказал тебе, что я думаю о твоём рте. Та женщина, на которой я женюсь, не будет так ругаться, или кричать на своего мужа через стол за завтраком.

— Ты еще не мой муж, — хочется мне возразить, но я сдерживаюсь. Я не хочу рисковать тем, что он снова согласится позволить Ане прийти сегодня. Вместо этого я просто киваю. — Прости, — говорю я с раскаянием, но по выражению лица Луки вижу, что

он не совсем купился на это. На самом деле, он не выглядит полностью довольным тем, что я извинилась.

— Кто такая Катерина? — Быстро спрашиваю я, пытаюсь сменить тему.

Лицо Луки мгновенно разглаживается.

— Дочь дона Росси, — говорит он, откусывая еще кусочек от своего завтрака так спокойно, как будто у нас только что не было перебранки через стол. — Недавно она была помолвлена с моим самым близким другом, Франко Бьянки, который станет моим заместителем, когда я займу место Росси. — Он делает паузу, глядя на меня снизу вверх. — Постарайся не судить о ней, основываясь на своих чувствах к ее отцу. На самом деле она довольно милая девушка. Возможно, у нее найдется для тебя хороший совет, как со всем этим справиться.

Это редкое признание от него, что все это может быть трудным для меня, и я чувствую, что снова смягчаюсь по отношению к нему, совсем немного. Может быть, именно поэтому он это делает. Чтобы я доверяла ему. Чтобы я не была настороже.

Независимо от его власти, богатства или статуса, когда доходит до дела, Лука Романо... преступник. Человек, который готов причинять боль или убивать других для достижения своих целей. Что я знаю о нем на самом деле? Что я знаю о том, что он может сделать? Я не могу позволить себе потерять бдительность. Ни на минуту. Что бы он ни делал для меня.

— Я буду иметь это в виду, — натянуто говорю я. — Спасибо, что позволили Ане прийти.

Лука ничего не говорит, когда я встаю из-за стола, сжимая нераспечатанную бутылку сока. Но когда я выхожу из кухни, намереваясь вернуться в свою комнату и позвонить Ане, я чувствую на себе его взгляд.

Мне нужно быть очень, очень осторожной.

СОФИЯ

У меня нет никакого способа позвонить Ане, мой телефон и все остальное, что было в той маленькой сумочке, которую я взяла с собой в ночь похищения, давно пропало, но я предполагаю, что Лука передаст кому-нибудь конкретную задачу сообщить ей о разговоре. Вероятно, кем бы ни была Кармен, я предполагаю, что это его секретарша.

Ана появляется в середине моей записи на прическу. Стилист, высокая блондинка по имени Бриджит, бросила один взгляд на мои волосы и скорчила гримасу, которая говорила мне, что мы будем бороться с ними долгое время, по ее словам, их, по-видимому, “трудно спасти”, благодаря всем наборам для обесцвечивания и красителям, которыми я пользовалась на протяжении многих лет. Я не утруждала себя стрижкой, наверное, месяцев восемь или девять, так что теперь несколько дюймов прядей лежат на полу, оставляя их чуть ниже плеч. На первый взгляд они уже светлее, но я почти час сижу с какой-то смесью на волосах, предназначенной для удаления старой краски, и мне это совершенно надоело. Единственная, кто мог бы меня подбодрить, это моя лучшая подруга, входящая в дверь, что именно и происходит в данный момент.

— София! — Ана улыбается мне, осторожно обнимая, несмотря на свирепый взгляд

Бриджит. — Я не могу поверить, что Лука согласился позволить мне прийти.

— Я тоже, — признаю я, неловко ерзая на своем стуле. Я открываю рот, чтобы сказать что-то еще, но тут в дверь спальни входит кто-то еще, высокая брюнетка, о которой я могу только догадываться, должно быть, Катерина Росси.

Она великолепна, высокая, со стройной фигурой "песочные часы", длинными каштановыми волнистыми волосами и темными глазами на ее идеальной форме лице с оливковой кожей. С высокими скулами, пушистыми ресницами, которые почти наверняка были наращены, и полными пухлыми губами она могла бы стать моделью. Неудивительно, что друг Луки согласился жениться на ней, сухо думаю я. Я не могу не задаться вопросом, что она думает об этом браке, такой ли ее жених красивый, как Лука, и такой же ли мудакоманипулятор.

— Привет, — приветливо говорит она, протягивая руку, как только оказывается достаточно близко. — Я Катерина. Лука попросил меня прийти и составить тебе компанию.

Нет, он попросил тебя приглядеть за мной и убедиться, что я ничего не замышляю со своей подругой. Я заставляю ее улыбнуться, вяло пожимая ей руку.

— София.

— Приятно познакомиться. — К ее чести, она действительно выглядит так, как будто пытается быть дружелюбной. — Я много слышала о тебе.

— Серьезно? — Я моргаю, глядя на нее. Я не могу представить, чтобы Лука выкроил время из своего рабочего дня, чтобы посплетничать с этой женщиной о своей предстоящей женитьбе. И тогда я вспоминаю, конечно, она же дочь дона Росси, того самого человека, который хотел, чтобы меня убили.

— Мой отец упоминал о тебе, — говорит Катерина, изящно присаживаясь на край ванны. — И Франко сказал мне, что ты согласилась выйти замуж за Луку.

Я не могу не задаться вопросом, как много она знает. Мой взгляд опускается на ее левую руку, там лежит бриллиант, который выглядит почти вдвое больше моего, окруженный ореолом, на ободке, инкрустированном так, что кажется, будто его окунули в алмазную пыль. Она носит это так небрежно, как будто это ничего не значит, но опять же, для нее это, вероятно, так и есть. Она, вероятно, ничего другого и не ожидала от своего жениха. Все в ней такое же утонченное и культурное, как и у Луки, от идеально уложенных волос и слегка накрашенного лица до дизайнерских узких джинсов и стильной светло-голубой блузки. В ушах у нее бриллиантовые заклепки, а на ногах лабутены, и я внезапно вспоминаю сегодняшнее утро, когда я подумала, не надеть ли мне свои бриллиантовые украшения, чтобы взять завтрак из холодильника.

Лука, наверное, подумал, что я выгляжу как ребенок, который не знает, как одеваться. Меня все еще раздражает, что он назвал меня ребенком прошлой ночью. И я не собираюсь менять все в себе ради жениха, который планирует аккуратно спрятать меня подальше и забыть обо мне, как о старой футболке, как только сможет. Я никогда не была тем человеком, который надевает бриллианты к завтраку, и я не собираюсь начинать.

— После этого мы уходим выбирать мое свадебное платье, — говорю я нейтрально, когда Бриджит запрокидывает мою голову назад, смывая смесь, которой она намазала ее ранее. Сочетание теплой воды и ее пальцев на моей коже головы приятно, но я не могу расслабиться. Я слишком нервничаю из-за присутствия Катерины и осознания того, что все, что я скажу не так, может вернуться к Луке или, что еще хуже, к Дону Росси.

Ана протягивает руку и сжимает мою.

— Ты будешь самой прекрасной невестой.

— Выбор твоего платья — лучшая часть. — Катерина лучезарно улыбается мне, но я вижу под этим намек на дискомфорт, как будто она знает, что на самом деле она здесь никому не нужна. — Я не могу дождаться, когда пойду за покупками своего. Моя мама...

Она замолкает, как будто осознав, что сказала. Она пристально смотрит на нее, и она быстро облизывает губы, сцепляя руки на коленях.

— Мне жаль, София, — тихо говорит она. — Я знаю, что обоих твоих родителей больше нет. Это, должно быть, тяжело... не видеть здесь твою мать.

— Могу я поговорить с тобой снаружи? — Она встает, и я вижу напряжение в ее плечах. — Дай Софии минутку.

Катерина выглядит расстроенной, но встает, бросает на меня взгляд, прежде чем последовать за Анной в спальню.

Я наклоняюсь вперед, когда Бриджит начинает наносить краску на мои волосы, пытаюсь расслышать, о чем они говорят. Уходя, Анна закрыла дверь, но я все еще слышу шепот.

— Ты не знаешь Софию, — я слышу, как холодно говорит Анна. — Тебя вообще не должно здесь быть.

— Я просто пытаюсь помочь. — В голосе Катерины слышится защитная нотка. — Лука попросил меня быть здесь...

— Софию принуждают к этому браку он и твой отец. Ты действительно думаешь, что она хочет этого напоминания? Серьезно, сегодня, когда ее готовят, как куклу Барби?

— Мне тоже не удалось выбрать себе мужа, — тихо говорит Катерина. — Я могу предложить ей некоторое представление о том, на что это похоже...

— Твоя жизнь не была бы в опасности, если бы ты сказала нет.

— В любом случае, у меня все равно не было выбора. — Теперь в голосе Катерины появились стальные нотки, которые напоминают мне Луку, но, как ни странно, из-за этого она нравится мне еще больше. По крайней мере, она держит себя в руках, а с Анной нелегко спорить, когда она сердита.

— Тебе здесь не место.

— Тебе тоже, маленькая балерина, — тихо говорит Катерина, так тихо, что я едва могу разобрать слова. — Ты тоже обязана Луке своей жизнью, как и София.

В спальне повисает долгая тишина. Мое сердце колотится в груди, болезненно сжимаясь. Я понятия не имела ни о чем из этого, и я напрягаюсь, чтобы услышать как можно больше.

— Что ты имеешь в виду? — Я слышу, как Анна шепчет сдавленным голосом. — Ты не можешь сказать мне, что знаешь, что происходит в твоей ужасной семье. Никто в мафии ничего не говорит женщинам, не имеет значения, какого рода. Итальянец, русский, ирландец, все они обращаются с женщинами как с игрушками.

— Я проигнорирую оскорбление в адрес моей семьи, — спокойно отвечает Катерина, ее голос тоже приглушен. — Но я научилась слушать, Анастейша. Я слышу разные вещи. И я знаю, что мой отец был недоволен тем, что девушка со связями в Братве, какими бы далекими они ни были сейчас, переехала к Софии Ферретти.

— Ну и что? Он собирался приказать меня убить?

— Возможно. — Голос Катерины ровный. — Обычно это его решение, насколько я могу судить из того, что я подслушала. Лука был тем, кто настаивал на том, что ты не хочешь причинить вреда, что твой отец давно мертв и что ты больше не представляешь никакого

интереса для Братвы.

Мне требуются все мои усилия, чтобы не реагировать. Я не удивлена, что Росси хотел избавиться от Аны, хотя это заставляет меня ненавидеть его больше, чем когда-либо. Но Лука спас ее? Лука не согласился со своим боссом из-за русской девушки, которую он едва знает? Это, как и тарелка, оставленная у моей двери прошлой ночью, не соответствует холодному и бессердечному человеку, которым он себя выставил.

— У нас, женщин, в этом мире нет выбора. — Голос Катерины снова доносится из-за двери, твердый и прохладный. — Мы должны найти способы извлечь из этого максимум пользы. Я всегда знала, что мне не удастся выбрать себе мужа. Я знала, что мне не удастся выбрать, с кем я пересплю в первый раз. Для меня выбрали, и я рада, что это кто-то молодой и красивый, а не какой-нибудь старый капо, которого мой отец хотел возвысить. Франко будет думать, что последнее слово в нашей семье за ним, но я найду способ оставаться собой и способ убедиться, что моя жизнь хотя бы в чем-то похожа на то, какой я хочу ее видеть. И я могу помочь Софии научиться делать то же самое, но так, как ты не сможешь. — Она делает паузу, и когда она снова заговаривает, я слышу сочувствие в ее голосе. — Ты ее лучшая подруга, Ана. Я не пытаюсь занять твое место. Но Лука тебе не доверяет. Чем ближе я буду к Софии, тем легче тебе будет быть такой же. Я действительно хочу помочь.

— Почему я должна в это верить?

— Потому что, Анастейша, никто из нас, женщин, не находится в безопасности в этом мире. Даже я не в безопасности. Мой отец, Лука, и Франко, это все, что стоит между мной и русскими или ирландцами. Это все, что стоит перед Софией. Они могут защитить и тебя, если ты та, кому они могут доверять. Ты сможешь помочь Софии лучше, впусив меня, чем когда-либо, сражаясь со мной.

— София не заслуживает ничего из этого...

— Никто из нас этого не заслуживает. Но когда моего отца не станет, я стану женой второго по влиятельности человека в семье, а София станет женой первого. Разве ты не видишь, какая в этом сила? Франко влюблен в меня. Я могу заставить его поверить, что некоторые вещи, которые я хочу, это его собственные идеи, если буду осторожна и научусь играть с ним. София может сделать то же самое с Лукой.

— Я не верю, что кто-то может сделать это с Лукой.

Наступает еще одна долгая пауза.

— Может быть, и нет, — признает Катерина. — Но это лучше, чем альтернатива.

Дверь ванной открывается, и я откидываюсь на спинку стула, стараясь не выглядеть так, будто я подслушивала. Лицо Катерины очень гладкое, оно ничего не выдает, и я вижу, что Ана изо всех сил старается выглядеть счастливой, а не так, как если бы они просто спорили на улице.

Бриджит выходит, оставляя меня с волосами, намазанными краской на макушке, а Катерина снова осторожно садится на край ванны.

— Я знаю, ты, вероятно, не хочешь, чтобы я была здесь, София, — тихо говорит она. — Я знаю, что ты меня не приглашала. И я знаю, что это очень тяжело. Я не знаю всего о ситуации, но я знаю, что ты ничего из этого не выбираешь. — Она делает паузу, нервно поглядывая на Ану, и я могу сказать, что она чувствует себя не в своей тарелке. — Я тоже не выбирала Франко. Но я планирую убедиться, что я нечто большее, чем просто очередная жена мафиози. И я могу помочь тебе, София.

— Я ценю это. — Я не могу спокойно смотреть ей в глаза. — Но я не хочу, чтобы мне

помогали быть чем-то большим. Я не хочу быть кем-то в этой семье. Я просто хочу покончить с этим, а затем исчезнуть, пока Луке не понадобится вытащить меня, чтобы показать на каком-нибудь благотворительном мероприятии или что-то в этом роде.

— Тебе придется...

— Все в порядке, София, — быстро говорит Ана, обрывая Катерину резким взглядом. — Лука может заставить тебя выйти за него замуж, но он не может заставить тебя играть роль, которую ты не хочешь.

Ее слова предназначены для того, чтобы успокоить меня, но, когда я смотрю на Катерину, я могу сказать по ее лицу, что ни одно слово из этого не является правдой. Лука может заставить меня делать очень много вещей. Возможно, я не хотела бы учиться играть в эту игру, но я быстро понимаю, что у меня нет другого выбора.

* * *

Проходит еще два неловких часа, прежде чем мои волосы заканчивают окрашиваться, мелироваться, завиваться и укладываться. Но я должна признать, когда я поворачиваюсь и смотрю на свое отражение в зеркале в ванной после того, как Бриджит все убрала, что это подходит мне в миллион раз лучше, чем когда-либо блондинке. Она покрасила мой базовый цвет настолько близко к моим естественным корням, насколько смогла, в темно-шоколадно-коричневый, который выглядит даже насыщеннее, чем мой настоящий цвет. Его подчеркивают мягкие, тонкие кусочки, окрашенные по всей поверхности в оттенки меда и карамели, настолько тонкие, что они заметны только при попадании на них света. Мои волосы завиты чуть ниже плеч, и они выглядят здоровее, чем когда-либо за долгое время, подчеркивая мои скулы и заставляя мою кожу сиять даже без макияжа.

Мне неприятно признавать, что это выглядит намного лучше, и я действительно думаю, что выгляжу симпатично, но это так.

Раздается звонок в дверь, заставляя меня вздрогнуть, и Катарина грациозно встает со своего места на краю ванны.

— Вероятно, это водитель, сообщающий нам, что он здесь. — Она одаривает меня быстрой, неуверенной улыбкой. — Я дам ему знать, что мы спустимся через несколько минут.

Она выходит, оставляя меня наедине с Аной, и мой желудок сжимается от нервов.

— Я не знаю, смогу ли я это сделать, — шепчу я, поворачиваясь к ней. — Как мне выбрать платье для свадьбы, которую я даже не хочу?

— Я знаю, — говорит Ана, протягивая руку, чтобы сжать мою. — Но я буду с тобой всю дорогу. И Катерина, я полагаю, тоже. — Она закатывает глаза, и я сдерживаю смех.

— Я думаю, у нее добрые намерения. — Я хмурюсь, глядя в ту сторону, куда она ушла. — Я не знаю. Я не думаю, что должна доверять ей, верно? Она одна из них.

Ана пожимает плечами.

— Я бы сказала, что ты не должна никому доверять. Ни один из них не принимает близко к сердцу твои интересы, София. Конечно, не Лука и я бы не подумала, что дочь Дона тоже. Это не твой мир, независимо от того, чем занимался твой отец. Будь осторожна. — Ее пальцы переплетаются с моими, и я больше, чем когда-либо, благодарна за то, что она сегодня здесь, со мной. — Я буду здесь для тебя так долго, как смогу, дольше, насколько это возможно, если я смогу найти способ справиться с этим.

Мой желудок снова переворачивается от этого. Лука может помешать мне видеться с ней в любое время, изолировать меня от единственного человека, который у меня

остался. Мысль о том, как это было бы одиноко, вызывает у меня тошноту.

— Давай, — мягко говорит Ана. — Это тяжело, но это не самое худшее, я обещаю. Я знаю, ты не так представляла себе выбор своего свадебного платья, но мы постараемся сделать это как можно веселее.

— В том-то и дело, — говорю я ей, когда мы выходим. — Я никогда по-настоящему не представлял себе этого. Я никогда не представляла себе, что выйду замуж. И все же... я здесь.

Выходить из квартиры как-то странно. Всего две ночи назад я пыталась сбежать, и вот я здесь, выхожу из парадной двери и направляюсь к лифту, как будто я вольна делать то, что мне нравится. Конечно, я не такая. Водитель ждет с Катериной у лифта и набирает код, чтобы спуститься вниз, еще одно напоминание о том, что я не смогла бы уехать сама, даже если бы захотела. Катерина бросает на меня сочувственный взгляд, когда мы входим, но я избегаю встречаться с ней взглядом.

В гараже нас ждет элегантная черная машина, и водитель открывает дверь, пропуская меня внутрь первой. Ана садится рядом со мной, а Катерина выбирает место напротив нас. Машина едва движется, когда она раздвигает панель, открывая, к моему полному удивлению, бутылку шампанского и бокалы.

— Как ты узнала, что это будет там? — Выпаливаю я, уставившись на нее. В ту минуту, когда слова слетают с моих губ, я жалею, что не могу взять их обратно, последнее, чего я хочу, это выглядеть глупо перед этой элегантно одетой, безусловно воспитанной женщиной.

Я ожидаю, что она скажет что-нибудь резкое или насмешливое, как, вероятно, сказал бы Лука, но вместо этого она просто улыбается.

— Это просто одно из преимуществ, — говорит Катерина, тихо смеясь, когда открывает пробку и начинает наливать по бокалу каждой из нас. — В этих машинах всегда есть какой-нибудь алкоголь. И шейкеры тоже, хочешь немного апельсинового сока в свой?

Секунду все, что я могу делать, это продолжать пялиться, ошеломленная всем этим.

— Конечно, — выдавливаю я, пытаюсь восстановить самообладание. Это смешно. Все это. Как я могу просить мимозу в машине по дороге в свадебный салон, в котором раньше никогда в жизни не могла позволить себе делать покупки?

За исключением того, что я могу себе это позволить. Независимо от того, как сильно я хочу попытаться забыть о деньгах, которые появлялись на моем счете каждый месяц в течение последних трех лет, я не могу. Неважно, как сильно я хочу притвориться, что я просто еще один студент, испытывающий трудности, и я сама прокладываю свой путь в мире после окончания учебы, это ложь. Мне никогда не приходилось бороться, и я никогда бы этого не сделала, даже если бы Братва не пришла за мной. Мой отец позаботился о том, чтобы я была обеспечена, и Лука выполнил это обещание, продолжал выполнять его в точности. Как бы сильно я ни хотела изобразить его злодеем и сказать, что я ни в чем этом не участвую... я участвую.

Я была в этом с самого рождения. Я просто жила одной ногой туда-сюда, даже не осознавая этого. Но когда дело доходит до денег и привилегий, неважно, как сильно я хочу это отрицать, у меня с Катериной больше общего, чем со своей лучшей подругой. Я просто убегала от этого все это время.

Шампанское сухое и сладкое на моем языке, но я не могу избавиться от горького привкуса, который оставляют после себя мои мысли.

— Я не хочу быть частью этой семьи, — отчаянно шепчу я Ане достаточно тихо, чтобы

Катерина не могла услышать. — Я хотела сбежать. Это все, чего я когда-либо хотела. И это то, чего мой отец хотел для меня тоже, я знаю, что это так.

— Ты не такая, как они, — так же тихо отвечает Ана. — Ты никогда не будешь такой. Не беспокойся об этом, Соф. Ты не потеряешь себя.

Звучание детского, знакомого прозвища и то, как она сразу проникла в суть моих страхов, успокаивает меня, совсем немного. Я в ужасе от того, что, если я позволю себе насладиться хотя бы малой толикой того, что дается мне при подготовке к этой свадьбе, будь то новая одежда, роскошная ванна или мои недавно уложенные волосы, это будет означать, что я сдалась. Даже мысль о том, что я хочу этого повергает в шок. Что если я стану просто еще одной пешкой в этом ужасном мире мафии?

Машина замедляет ход, и за тонированным стеклом я вижу вывеску магазина Kleinfeld.

— Мы приехали, — говорит Катерина, и я снова вижу сочувствие в ее глазах. Я не хочу ее жалости, но логическая часть меня, та часть, которая знает, что я не могу бороться с этим вечно, говорит, что мне лучше, если она будет моим другом, чем врагом.

Дверь открывается, и я делаю глубокий вдох. Ты можешь это сделать, говорю я себе.

И я выхожу из машины на солнечный свет.

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks)

Переводчик_Sinelnikova

ЛУКА

Сегодня днем у меня назначена встреча с отцом Донахью, и я с ужасом жду этого. Я уже знаю, что он собирается отчитать меня за то, как я справляюсь с ситуацией и он, вероятно, единственный человек во всем Нью-Йорке, черт возьми, единственный в гребаном мире, которому могло сойти с рук отчитывание любого из нас. Но более того, я знаю, что мои чувства к Софии далеки от чистоты. Настолько далеки, что я буду удивлен, если не загорюсь в ту же минуту, как войду в церковь.

Когда я вхожу, неф церкви пуст, за исключением лысеющего священника в черной рясе, сидящего на передней скамье. Отец Донахью встает, когда я вхожу, и приподнимает одну бровь, когда видит, что я иду к нему.

— Неважно, сколько раз я вижу тебя, Лука, всегда поразительно не видеть маленького мальчика, которого я помню. — Он сжимает мою руку, когда я протягиваю ее, накрывая наши сцепленные руки своей другой, когда он смотрит на меня. С годами он согнулся, в тех волосах, что у него остались, осталась седина, но его темные глаза по-прежнему остры и пронизательны, как всегда.

— Я больше не ребенок, — коротко говорю я, занимая место рядом с ним на скамье. — И меня не интересует сегодняшняя лекция, отец.

— Я уверен, что это не так, — криво усмехается он, снова осторожно садясь. — Но ты знаешь, что я думаю обо всем этом.

— На самом деле, я не знаю. Но я уверен, что ты вот-вот мне расскажешь.

— Я был тем, кто был свидетелем клятвы между Джованни Ферретти и твоим отцом

много лет назад, Лука. Я не хуже тебя знаю, чего хотел Джованни для своей дочери. Но он добился этого обещания, потому что не видел другого способа обеспечить ее безопасность.

— И я женюсь на ней, потому что нет другого способа обеспечить ее безопасность. — Мой голос ровный, совершенно без эмоций. — Я не уверен, что именно, по-твоему, я должен делать.

— Другого выхода нет? — Отец Донахью наклоняет голову, глядя на меня своими острыми, пронизательными глазами. — Нет места, куда ты мог бы ее отправить, нет способа обеспечить ее безопасность в той крепости, в которой ты живешь, кроме как сделать ее своей невестой? Силой затащить ее в твою постель?

Последняя часть щиплет.

— Может, я и не веду жизнь безбрачия, как ты, отец, но я никогда не принуждал женщину, и я не собираюсь начинать со своей жены.

— Значит, София согласна?

— София и я пришли к соглашению. — Это все, что я могу сказать, не раскрывая того, что я пошел на уступки своей будущей жене, из-за которых Росси потерял бы голову. Предполагается, что священнику можно доверять секреты, но у Росси есть способы получать секреты от людей, которые могли бы дать ему ядерные коды, если бы он их захотел.

Отец Донахью выглядит неубежденным.

— Я не могу представить, что София довольна какой-либо частью ваших договоренностей. И эта свадьба состоится быстрее, чем я могу себе представить. Даже подтверждение Софии...

— Иначе я не смогу обеспечить ее безопасность, — резко говорю я, обрывая его. — Я знаю, ты думаешь, что я должен быть в состоянии найти способ, но его нет, отец. Решение Росси состоит в том, чтобы ее убить. Легко, аккуратно, без суеты. Тогда Братва не смогла бы наложить на нее свои руки, и мне не пришлось бы бороться с невестой поневоле. Одного человека, борющегося со мной по этому поводу, достаточно, отец, мне не нужно, чтобы ты тоже вставал у меня на пути.

— Я уже согласился совершить венчание, исходя из моей дружбы как с твоим отцом, так и с ее отцом, и не из чего другого, — тихо говорит отец Донахью. — Я был верен семье Росси на протяжении многих десятилетий, Лука с тех пор, как меня пощадили во время ирландской чистки, и итальянцы снова захватили город. Я остался наедине со своей церковью, своей верой и своим местом здесь, и я не забыл этого. Но есть некоторые грехи, которые я не могу отпустить, Лука. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Ты много лет не покидал тисповедальню с отпущением грехов.

— Я знаю. — Слова выходят жесткими и язвительными. — Это жизнь, которую я веду, отец. У меня никогда не было выбора в этом вопросе. Ты это знаешь.

Отец Донахью пожимает плечами.

— Выбор есть всегда. — Он делает паузу, задумчиво глядя на меня. — Интересно, если бы Джованни знал, каким мужчиной ты вырастешь, пообещал бы он тебе свою дочь?

Эти слова неожиданно жалют.

— Я старался делать все, что в моих силах, в рамках той жизни, в которой я родился, — натянуто говорю я. — Я никогда не причинял боли мужчине сверх того, что было необходимо, чтобы выяснить то, что мне нужно было знать. Я никогда не убивал кого-то из гнева на самом деле, я никогда ни на кого не поднимал руку, ни на мужчину, ни на

женщину, ни по какой другой причине, кроме необходимости.

— Да. Бизнес. — Отец Донахью качает головой. — Ты ведешь трудную жизнь, Лука. Так много способов оправдать кровь на своих руках, так много кодексов и правил, чтобы быть уверенным, что ты можешь спать по ночам.

— Я сплю просто отлично, — натянуто говорю я. — Часто с женщинами по обе стороны от меня. Но ты ничего об этом не знаешь, не так ли, отец?

Священник улыбается.

— Нет. Но я бы не поменял свою жизнь на твою и на все удовольствия и всю роскошь в мире, сын мой. Я думаю, однажды ты поймешь почему. — Он делает глубокий вдох, глядя через неф на алтарь, распятие и незажженный фонарь за ним. Его пристальный взгляд возвращается к моему, и он удерживает его долгое мгновение, пока мне не хочется неловко поерзать на своем стуле. Я не знаю, но я не могу избавиться от ощущения, что он заглядывает в самую мою душу, что он может увидеть там что-то, чего не вижу даже я.

— Ради Софии Ферретти, — мягко говорит он, — я надеюсь, что ты это сделаешь.

Он стоит, глядя на меня сверху вниз, и что-то в его лице заставляет мою грудь сжаться. Я никогда ничего не боялся, но в выражении его лица есть какое-то знание, почти предзнаменование, которое вызывает во мне дрожь от того, что я представляю как страх.

— Я благословлю вашу свадьбу и совершу ее для Джованни, — говорит отец Донахью тем же тихим голосом. — И я отвернусь от всего, что делаешь ты и семья Росси, как я делал десятилетиями. Но если когда-нибудь настанет день, когда ты захочешь по-настоящему искупить свою вину, Лука Романо, ты знаешь, где я.

Затем он поворачивается, чтобы пройти мимо скамей, исчезая в темных, похожих на пещеры сводах нефа. И я сижу там долгое время, вес всего, что я когда-либо делал, внезапно тяжело ложится на мои плечи, весь сразу.

* * *

После этого я возвращаюсь в пентхаус вместо своего офиса. Я точно не знаю почему, за исключением того, что я знаю, что Софии там не будет, и я хочу покоя, который он предлагает, пока он пуст.

Но когда я переступаю порог, тишина кажется почти гнетущей.

Почти как одиночество.

У меня нет причин скучать по ней. У меня нет причин интересоваться, как проходит ее встреча, из-за потрясающего платья, и из-за всего прочего, с какой стати мне об этом беспокоиться, увижу ли я ее, когда она вернется, или она просто запрется в своей комнате после того, как состоялся разговор прошлой ночью. У меня нет причин сожалеть о том, что я не воспользовался ее предложением поужинать вчера вечером. Я никогда не жалел ни о чем, что делал. В моей жизни для этого нет места. Есть слишком много вещей, которых я мог бы избежать, если бы позволил этому, слишком много крови, слишком много смертей. Если бы я позволил себе хотя бы каплю сожаления, хотя бы секунду, это могло бы поглотить меня целиком. Парализовать меня, сделать меня неспособным к действию, не подвергнув сначала сомнению мои решения.

В этой жизни это смертный приговор.

Я поднимаюсь по лестнице, но вместо того, чтобы идти в направлении своей комнаты, я ловлю себя на том, что сворачиваю в коридор, прохожу мимо гостевых комнат, вплоть до той, которую я выделил для Софии. Не случайно, что это самая дальняя от моей комната. Я не хотел, чтобы она была рядом, не хотел поддаваться искушению, зная, что она была всего в

одной или двух дверях от меня. Я хотел, чтобы у меня было как можно больше времени, чтобы отговорить себя от этого, если я когда-нибудь обнаружу, что направляюсь к ее спальне. Тот факт, что она каким-то образом имеет надо мной такую власть, что мне даже пришлось бы защищаться от нее, выбивает из колеи больше, чем все, что я когда-либо видел или делал в своей жизни. Ни одна женщина никогда не заставляла меня чувствовать, что я могу потерять контроль, что я не смогу остановить себя от переполняющего желания. Я всегда, всегда одерживаю верх, когда дело касается женщин. Даже в постели, даже на самом пике страсти, я всегда знаю, что делаю. Всегда есть намерение. Я никогда не терял себя в удовольствии.

На первый взгляд, в комнате почти ничего не изменилось. Кровать аккуратно застелена, вокруг нет разбросанных личных вещей, все вещи Софии по-прежнему в ее квартире. Здесь все чисто и опрятно, но, когда я стою посреди комнаты, что-то в этом ощущается по-другому. Когда я вдыхаю, я чувствую аромат шампуня, моющего средства и чистящих средств, слабый намек на то, что стилист использовал для ее волос, все еще сохраняется, но там есть и что-то еще. Я чувствую ее запах в воздухе, ту мягкую пудровую сладость ее кожи, которую я вдыхал, когда прижимал ее к своей входной двери, и внезапно у меня снова встает и все тело напрягается.

Болезненный, пульсирующий, твердый как скала, стоящий посреди спальни моей невесты. Я чувствую себя гребаным извращенцем.

Дверца шкафа открыта, и я подхожу к ней, замечая что-то лежащее на полу. Когда я беру это в руки, я понимаю, что это крошечное черное платье, которое было на ней в ту ночь, когда я спас ее от русских. Один только вид этого возвращает воспоминание о том, как я видел ее лежащей в моей постели, чувствовал, как ее мягкие изгибы прижимаются ко мне, когда я прижимал ее к своей двери. Это возвращает воспоминание о ее губах на моих, об одном-единственном обжигающем поцелуе, который по какой-то необъяснимой причине подсказал мне, что, когда дело касается Софии Ферретти...

Я единственный, кто хорошо и по-настоящему облажался.

Я сжимаю кулак, комкая платье в руке, и, не задумываясь, подношу его к носу. Он пахнет ею, как сладкие цветочные духи, которыми она пользовалась, как этот мягкий пудровый аромат ее кожи. Мой член сердито пульсирует, воспоминание о том, как я вдыхал этот аромат, когда я зажимал ее запястья над головой, захлестывает меня, и я на мгновение чувствую себя потерянным.

Все вышло из-под контроля. Я переполненный похотью, какой я никогда раньше не испытывал.

Прежде чем я осознаю, что делаю, моя рука оказывается внутри брюк от костюма, обхватывает ноющую длину моего члена и вытаскивает его наружу, лихорадочно поглаживая, пока я вдыхаю аромат Софии. Все, о чем я могу думать, это о том, что еще могло бы произойти той ночью, если бы она сдалась, если бы она не укусила меня, если бы она не остановила меня. Я могу представить, как беру ее на руки, задираю это крошечное черное платье вверх по ее бедрам и оттягиваю трусики в сторону, погружаю в нее пальцы, чтобы почувствовать, какой влажной она, должно быть, была, прежде чем войти в нее так глубоко, как только могу, позволяя ей впервые почувствовать, каково это, чувствовать мужчину внутри себя.

Мои фантазии выходят из-под контроля, когда моя рука ускоряется, лихорадочно поглаживая себя, когда я представляю, как несущую ее наверх, перегибаю ее через свое колено в

этом платье, задранном над ее дерзкой маленькой попкой, опускаю на нее ладонь снова и снова, пока она извивается у меня на коленях, прижимаясь к моему твердеющему члену, пока она не усвоит урок не убегать, не отказывать мне. Я представляю, как опускаю ее на колени между моих ног, смотрю, как она раскрывает эти полные губы для моего члена. Я чувствую, как напрягается мой пах, когда я представляю, как толкаюсь в ее рот, ощущаю теплое, горячее давление, когда я учу ее, как мне нравится, когда меня сосут, смотрю, как этот мягкий розовый язычок скользит по всей длине меня, пока мне не надоест, пока я не буду готов наклонить ее над кроватью и наконец-то войти в нее, глядя на ее покрасневшие ягодицы, все еще покалывающие от моей ладони, напоминание о том, что она моя, моя... моя.

— Черт! — Я громко стону, чувствуя, как мой член пульсирует в моем кулаке, мои бедра толкаются вперед, когда я сжимаю его головку в ладони, чувствуя, как горячая волна извергается мне в руку, когда я стою там, в дверях шкафа, дрожа, мои мышцы напряглись от интенсивного удовольствия от внезапного, неистового оргазма.

И затем, когда последние горячие капли проливаются на мою ладонь, реальность возвращается, как пощечина.

Какого хуя? Что, черт возьми, со мной не так?

Даже при такой активной сексуальной жизни, как у меня, я дробил себе множество раз. Иногда просто появляется настроение и нет времени на секс по вызову, иногда мне просто нужна четкость хорошего, быстрого штриха. Но никогда, с того дня, как я обнаружил, на что способен мой член, я никогда не стоял в женском шкафу и не доводил себя до оргазма, вдыхая аромат ее духов, исходящий от ее гребаного платья. Я полагаю, это шаг вперед по сравнению с ее трусиками, но все же.

Какого хрена она со мной делает?

Я не подросток, чтобы вожделеть идею трахнуть девушку, любую девушку. Все, что для этого требуется, это телефонный звонок, и любое количество моих любовниц на одну ночь растоптали бы друг друга, чтобы оказаться первой в моей постели, если бы я чувствовал себя возбужденным воскресным днем. И, черт возьми, я только что пришел из церкви. У меня нет причин, ни единой, стоять, сжимая в руке свой увядающий член, липкий от моей собственной спермы, фантазируя, как одинокий семнадцатилетний подросток, об одной девушке, которая мне отказала. Она мне отказала.

Кто сказал мне, что мне не разрешалось прикасаться к ней.

Я.

— Блядь. — Я снова бормочу это слово вслух, на этот раз с совершенно другой интонацией, сбрасываю платье Софии обратно на пол и так быстро, как только могу, направляюсь в ванную, чтобы помыться.

Я не знаю, как София попала в мою голову. Хуже того, я не знаю, как ее оттуда вытащить. Но мне придется придумать способ, и быстро.

Потому что это зашло слишком далеко.

СОФИЯ

Магазин Kleinfeld's пуст, когда мы заходим внутрь.

Хорошо, не пусто, но все же, тут много персонала, продавцов и их помощников, не говоря уже об Ане и Катерине, и, по-видимому, армии охраны, которую прислали вместе с нами. Когда я садилась в машину, я понятия не имела, что, как только я выйду, со мной поедет не менее дюжины вооруженных телохранителей. Сейчас они разбросаны по главному торговому залу, выглядят высокими, мускулистыми и угрожающими в своих черных костюмах и наушниках, и я чувствую себя нелепо. Все это безумие.

Включая тот факт, что Kleinfeld's, по-видимому, будет закрыт для публики, пока я здесь.

— Мы действительно единственные, кто будет в магазине? — Я шиплю на Катерину, которая, похоже, скорее всего, знает, что, черт возьми, происходит. — Зачем и почему?

— Безопасность, — просто говорит она. — Если бы ты спросила Луку напрямую, он, вероятно, дал бы тебе какой-нибудь банальный ответ о том, как он хочет, чтобы у тебя был бесперебойный шоппинг, или еще какую-нибудь выдуманную отговорку в этом роде. Но правда в том, что если здесь больше никому не разрешено находиться, то есть кто-то кто не должен здесь быть. И в случае, если этот кто-то попытается причинить тебе вред, общественность не будет в опасности.

Я пристально смотрю на нее.

— Это вообще нормально? — Я еле сдерживаю гнев. — Лука собирается освобождать магазин каждый раз, когда я захочу пройтись по магазинам?

— Как только угроза Братвы будет устранена. — Катерина пожимает плечами. — Вероятно, перестанет. Но кто знает?

— Они делали это и для тебя? — Я обвожу рукой пустой салон.

— Я еще не ходила по магазинам за своим платьем. Но когда я это сделаю, нет. У меня будет частная встреча с тем дизайнером, которого я выберу, но магазин не будет закрыт.

— Почему нет? — Я смотрю на нее с любопытством. — Ты дочь России.

Губы Катерины подергиваются вверх в легкой ухмылке.

— Моей жизни ничего не угрожает, — говорит она. — Никто не пытается убить или похитить меня. Я полагаю, что у этого есть определенные преимущества.

Невольно у меня вырывается слабый писк смеха. Катерина смотрит на меня, встречаясь со мной взглядом, и я вижу в ее глазах юмор. Впервые я чувствую, что она начинает мне нравиться, совсем чуть-чуть.

— Не устраивай из-за меня истерику, — говорит она с легкой усмешкой. — Твоя встреча вот-вот начнется.

Женщина, которая подходит к нам, аккуратно одета в черный юбочный костюм, ее слегка седеющие волосы собраны на затылке.

— Добрый день, мисс Ферретти, — приветствует она меня официальным и вежливым тоном. — Я Дженнифер. Нам позвонили из офиса мистера Романо, чтобы сообщить, что вы придете. Нам сказали, что у нас не ограниченный бюджет, поэтому, я полагаю, мы просто начнем с того, в каком платье вы могли бы себя видеть?

Не ограниченный бюджет. Конечно. Лука явно не жалеет средств на весь этот фарс, и я не могу не задаться вопросом, что бы он сделал для женщины, которую действительно любил. Неужели все это просто для соблюдения приличий, демонстрация богатства, которое не имеет ко мне никакого отношения? Или он, на каком-то уровне, пытается компенсировать все это, позволяя мне потратить столько денег, сколько я бы хотела, на оформление свадьбы мечты?

Не то чтобы кто-то консультировался со мной по поводу самой свадьбы. Но все же...

Им виднее. Все это делается только для того, чтобы показать русским, какой властью они обладают, сколько денег можно потратить, показать, что они могут выбросить их на свадьбу с женщиной, которую Лука даже не хочет. Я не могу позволить этому прийти мне в голову, каким бы ослепительным это ни было.

— Мисс Ферретти?

Женщина все еще ждет, когда я дам ей ответ о стиле одежды, и я, откровенно говоря, не имею ни малейшего представления, что ей сказать. Я знаю, что этот салон знаменит, но я никогда не смотрела шоу о нем, я никогда не гуглила дизайнеров свадебных платьев и не листала их страницы на своем телефоне, мечтая о том, что я выберу однажды. Я никогда не делал свадебную доску Pinterest. Честно говоря, я никогда не задумывалась о своей теоретической свадьбе. С другой стороны, моя поездка после окончания учебы в Париж...

— Почему бы нам не начать с нескольких разных стилей, — быстро говорит Катерина, делая шаг вперед. — Может быть, по одному для каждого силуэта?

Ана бросает на нее неприязненный взгляд, но я чувствую облегчение.

— Спасибо, — тихо говорю я, когда Дженнифер отходит, оставляя нас наедине с шампанским, которое приносит нам другая высокая и элегантная продавщица, и Катерина слегка улыбается мне.

— Я говорила тебе, что хочу помочь, — тихо говорит она, а затем отступает, давая мне немного пространства с Анной.

— Я не знаю, что выбрать, — нервно шепчу я Ане. — Я понятия не имею, что я должна выбрать, и что мне нравится? Что понравилось бы Луке? Что понравится его боссу?

— Ну, ты венчаешься в соборе, так что мы можем начать с этого, — спокойно говорит Ана. — Ничего с плеча, ничего просвечивающего, ничего сверхнизкого. И с этого... — она пожимает плечами. — Если ты не сможешь найти то, что тебе нравится, потому что все это кажется слишком ужасным и странным, тогда выбери то, что, по твоему мнению, понравилось бы Луке. Или, не дай бог, спроси Катерину, что одобрил бы дон Росси, — добавляет Ана, притворно вздрагивая. — Если ты найдешь что-то, что тебе понравится, — продолжает она, — тогда выбирай это. И к черту то, что хочет Лука.

Я чувствую, как легкая улыбка растягивает уголки моего рта, несмотря на мои нервы.

— К черту то, чего хочет Лука, — соглашаюсь я, и мы обе начинаем хихикать.

На мгновение я снова чувствую себя хорошо, почти свободной. Несмотря на устрашающе пустой салон, огромное количество охранников и надвигающуюся необходимость выбрать платье для моей фиктивной свадьбы, присутствие Аны здесь, со мной, заставляющее меня хихикать над тем, что кажется крошечным, но необходимым бунтом, впервые за несколько дней заставляет меня снова чувствовать себя почти цельной.

Дженнифер появляется снова мгновение спустя, жестом предлагая мне следовать за ней обратно в раздевалку, и я бросаю нервный взгляд в сторону Аны.

— Все в порядке, — успокаивающе говорит она. — Я подожду здесь с Катериной и обещаю, что буду милой.

Я снова чувствую, как нервы трепещут во мне, скручивая мой желудок в узлы, пока я не чувствую, что меня может стошнить, но я все равно следую за Дженнифер обратно, вплоть до просторной гардеробной, которая уже наполовину заполнена кружевами, шелком и пышными юбками.

— Я выхожу замуж в церкви Святого Патрика, — быстро говорю я ей, вспоминая, что

сказала Ана. — Так что это должно быть подходящим для этого.

— Ах. — Дженнифер быстро считает два платья. — Тогда это не подойдет. Я сейчас вернусь.

Я смотрю на себя в зеркало, пока жду ее. Я почти не узнаю себя. Дело не только в дизайнерской одежде или новой прическе и цвете, но и в чем-то другом. Мое лицо выглядит осунувшимся и бледным, все мое тело как-то более хрупким, как будто стресс от всего этого уже изматывает меня. Я выгляжу как испуганный ребенок, и я ненавижу это. Я не хочу быть съезживающейся фиалкой. Но я также не хочу быть частью этого мира, в который меня загнали.

Есть ли что-то среднее? Как мне играть в эту игру, не теряясь в ней?

Дверь открывается, и Дженнифер возвращается с двумя новыми платьями.

— Хорошо, давай наденем на тебя первое, — весело говорит она, снимая с вешалки пышное платье.

Я чувствую себя более уязвимой, чем когда-либо, когда снимаю джинсы и топ, аккуратно кладу их на стул и остаюсь только в лифчике и трусиках, которые были частью того, что я выбрала из гор одежды, привезенной вчера в пентхаус. Как и дизайнерский наряд, который я надела сегодня, мое нижнее белье разительно отличается от обычных хлопчатобумажных бюстгалтера и трусиков, которые я обычно ношу, в тех вариантах, которые мне предоставили, не было ничего подобного. Вместо этого на мне светло-розовое кружево, и эффект поражает, когда я смотрюсь в зеркало. Я достаточно подтянутая, стройная, как мне кажется, с приятными изгибами, но я никогда не обращала на них особого внимания. В позолоченном зеркале гардеробной, освещенная и закутанная в кружева, я выгляжу... сексуально.

Интересно, что бы подумал Лука, если бы увидел меня в таком виде. Эта мысль приводит меня в ужас. Я не должна даже думать об этом, не должна задаваться вопросом даже на секунду, что мужчина, который практически является моим тюремщиком, подумает обо мне в кружевном нижнем белье. Но любопытство не покидает меня, когда я надеваю первое платье, как бы сильно я ни старалась отогнать его. Дженнифер застегивает молнию на спине, ловко застегивая первые несколько имитаций пуговиц, когда пришивает их сзади, чтобы оно было мне впору.

— Ты выглядишь прелестно, — заявляет она, но не так уверено.

Честно говоря, я выгляжу как кекс. Платье полностью кружевное от талии, под ним атласная подкладка, с длинными рукавами и вырезом в виде сердечка. На талии бантик из тесьмы в крупный рубчик, а оттуда юбка вздымается слоями тюля, пока я не становлюсь похожей ни на что иное, как на крышку музыкальной шкатулки.

— Я... не думаю, что это то, что нужно.

— Ну, по крайней мере, покажи другим, — с энтузиазмом говорит Дженнифер, и я морщусь.

— Хорошо, — слабо соглашаюсь я.

Лицо Аны подтверждает то, что я чувствую, когда выхожу, она выглядит так, как будто отчаянно пытается не рассмеяться. Выражение лица Катерины более скромное, но даже ее губы подергиваются, когда я поднимаюсь на платформу и поворачиваюсь к ним лицом.

— Ну, что ты думаешь?

— Я ненавижу это платье, — решительно заявляет Ана.

— Это... не так уж... — нерешительно добавляет Катерина. — Может быть,

попробовать следующий вариант?

— Да, — горячо соглашаюсь я.

Хотя следующее платье ненамного лучше, оно без бретелек, Дженнифер уверяет меня, что есть накидки и топы, которые могут прикрыть мои рукава, чтобы я не шокировала священника, а юбка напоминает мне платье для выпускного вечера, с многоярусными вставками и крошечными стразами. Даже Катерине приходится зажать рот рукой, чтобы скрыть свою реакцию, когда я выхожу, а Ана яростно трясет головой.

— Оно отвратительно, — говорит она, глядя на Дженнифер. — У вас есть что-нибудь, что не сделает ее похожей на куклу Барби?

— Может быть, что-нибудь классическое, — добавляет Катерина. — Элегантное.

Следующее платье лучше. Это простое белое платье из плотного атласа с широкими рукавами-колпачками и облегающим лифом, переходящим в юбку-трубу. Катерина сияет, когда я выхожу, и даже Ана неохотно признает, что это красиво.

— Это может быть немного лучше, — нерешительно говорю я, поворачиваясь то туда, то сюда перед зеркалом. Я чувствую себя виноватой, даже предполагая, что у меня может быть мнение о платье, которое я даже не должна хотеть носить, но, глядя на себя в этом, я чувствую первый проблеск того, каково это, быть невестой, и хотеть выглядеть красиво в день своей свадьбы.

— Может быть, что-нибудь с небольшим кружевом? — Предлагает Ана. — Ничего лишнего, но что-нибудь, чтобы сделать это немного интереснее.

Следующее платье Дженнифер достает кружевное, но это бальное платье с кружевным лифом с короткими рукавами и пышной атласной юбкой, достаточно большой, чтобы в ней мог спрятаться другой человек. Я на грани того, чтобы просто выбрать то, что мне подошло, когда она достает последнее платье.

Как и кольцо на моем пальце, мне неприятно признаваться, как сильно мне понравилось оно, когда оно оказалось на мне. Это бретельки-спагетти, с вырезом в виде сердечка, который немного глубже, чем у некоторых, но не настолько, чтобы быть драматичным. Но что мне нравится больше всего, так это ткань. Это мягкий, серовато-белый шифон с подкладкой, чтобы моя кожа не просвечивала сквозь кружево и аппликацию, но подкладка нежно-шампанского цвета, которая заставляет задуматься, совсем немного. Все платье украшено яркой аппликацией из листьев и цветов, полностью закрывающей бюст и переходящей от талии вниз в крупные листья, которые рассыпаются по свободной струящейся юбке.

Оно легкое, неземное и прекрасное, и я чувствую себя принцессой.

Я чувствую себя совершенной.

Катерина громко ахает, когда я выхожу. Глаза Аны округляются, и она встает рядом со мной, когда я поднимаюсь на маленькую платформу.

— Это потрясающе, — тихо говорит она. — Ты великолепно выглядишь, София.

— Мы можем добавить мягкие шифоновые рукава для церемонии, — добавляет Дженнифер, — и их можно снять для приема. — Она исчезает на мгновение, а затем возвращается, запуская в мои волосы расческу с прикрепленной к ней длинной, до пола, вуалью. — Ну вот. Теперь ты выглядишь как невеста.

Я чувствую, как сжимается мое горло, когда я смотрю в зеркало, дюжина эмоций переполняет меня одновременно. Я одновременно счастлива и опечалена тем, что моей матери здесь нет, счастлива, потому что она пришла бы в ужас от всей этой ситуации,

опечалена, потому что я бы все отдала за то, чтобы она смогла увидеть меня в том, что, я уверена, будет моим свадебным платьем. Я думаю о своем отце, который никогда не сможет отвести меня к алтарю, но, если бы он был здесь, я бы ни за что не пошла к алтарю. Он бы не отдал меня такому человеку, как Лука, если бы был жив.

Я стою здесь в этом красивом платье только потому, что мои родители мертвы. Потому что никто больше не сможет защитить меня, кроме бессердечного, непостоянного преступника, который готов управлять той же организацией, которая забрала у меня моих родителей. И когда я смотрю в зеркало, меня ужасает, что я вообще могу найти хоть какую-то радость в платье, которое я собираюсь надеть, чтобы выйти замуж за этого мужчину. И все же... я не могу не думать, что действительно выгляжу прекрасно, и что если бы я сама решила выйти замуж, то выбрала бы именно это платье.

Я оборачиваюсь и вижу, что Катерина наблюдает за мной, и, к моему удивлению, я могу сказать, что ее глаза немного затуманены. Почему? Я не могу не задаваться вопросом. Почему дочь Росси хоть сколько-нибудь заботится обо мне?

— Из тебя получится самая очаровательная невеста, — говорит она, улыбаясь мне. — Даже красивее, чем я.

— Я не знаю, — криво отвечаю я, снова глядя в зеркало. Я не могу представить, что когда-нибудь буду такой же изысканной или гламурной, как Катерина или Ана. Даже сейчас, стоя рядом со мной, Ана выглядит грациозной и румяной, бледно-розовой, как фарфоровая кукла, в обтягивающих джинсах и укороченной майке, которые на ней надеты, ее почти впалый живот выставлен напоказ, ее шелковистые волосы ниспадают каскадом повсюду. Она, идеальный образ балерины, элегантной в каждом своем движении, и я всегда чувствовала себя немного неуклюжей и некрасивой рядом с ней.

Но сейчас, в этом платье, я выгляжу как принцесса. Я выгляжу как девушка, которая могла бы выйти замуж за кого-то вроде Луки Романо. И я не знаю, почему от этого по моей коже пробегает дрожь возбуждения.

— Это то самое, — быстро говорю я Дженнифер, спускаясь с платформы.

— Очень хорошо, — говорит она, ее лицо сияет, и я уверена, что она уже подсчитывает свои комиссионные, исходя из той смехотворно заоблачной цены, которая стоит на этом платье.

Когда я благополучно выхожу из него, натягиваю джинсы обратно, глядя на то, как оно висит в прозрачном пакете для одежды, ожидая, когда его отнесут в отдел переделки для самой быстрой работы, которую они, вероятно, когда-либо делали, я снова чувствую этот комок в животе.

Четыре дня. Четыре дня до того, как я стану женой Луки Романо.

СОФИЯ

В среду, за два дня до репетиции, у меня встреча с отцом Донахью. Я одеваюсь настолько консервативно, насколько это возможно, набрасываю легкий весенний кардиган поверх футболки и прикасаюсь к кресту на шее, встречая водителя у лифта. Я не была в церкви с похорон моей матери, и меня почти трясет от нервов. Я не могу представить, каким

будет этот священник, предполагаемый человек Божий, который все еще выполняет приказы мафии.

Оказавшись в прохладной темноте машины, я откидываю голову на кожаную обивку, пытаюсь успокоиться. Последние несколько дней не были такими размытыми, как я ожидала, вместо этого они затянулись. Я не видела Луку, кажется, он взял за правило с того последнего утра, когда я видела его за завтраком, уходить, когда я проснусь, и не возвращаться домой, пока я не устроюсь в своей комнате на ночь. В результате мне пришлось бродить по пентхаусу в одиночестве, пытаюсь найти что-нибудь, что могло бы отвлечь меня от предстоящей свадьбы. Но это невозможно сделать. Не то чтобы мне нечем было заняться, в пентхаусе есть настоящий кинозал с экраном размером с настоящий кинотеатр, мягкими откидывающимися креслами и библиотекой всех фильмов или телешоу, которые я могла бы захотеть посмотреть, и всеми доступными потоковыми сервисами. В здании есть тренажерный зал, в который я не смогу попасть из-за лифта с кодовым замком, но, вероятно, могла бы попросить кого-нибудь сопроводить меня, если бы попросила, и бассейн на крыше, к которому я могу получить доступ. Думаю, Лука верит, что я не спрыгну с крыши или не утоплюсь.

Или, может быть, он просто надеется, что я сделаю это до свадьбы.

Именно там я провела большую часть последних двух дней, потягиваясь и тренируясь на одном из ковриков, который я нашла припрятанным в камерке с одной стороны крыши, вместе с полотенцами, солнцезащитным кремом и всем остальным, что могло мне понадобиться. Там даже есть бар самообслуживания, но я предпочитала лежать на одном из шезлонгов в своем новом бикини и плавать в бассейне трезвой. Последнее, что мне было нужно, это напиться и принять глупое решение, например, снова попытаться сбежать.

Я решила, что лучший способ действий, подыграть. Конечно, это было легко, когда я даже не видела Луку последние несколько дней. Без него, который нажимал на мои кнопки или разжигал странные чувства, которые, кажется, всегда захлестывают меня, когда он рядом, заставляя меня терять самообладание или здравый смысл, я смогла по-настоящему обдумать свою ситуацию. И я также увидела, какой будет моя жизнь в браке с ним, но без него где-либо рядом.

Это не так уж плохо. Конечно, я не думаю, что он собирается поселить меня в моем собственном пентхаусе, но я не сомневаюсь, что какую бы квартиру он мне ни предоставил, она будет глупо роскошной и дорогой. Это не та жизнь, которую я планировала для себя, даже близко, но это далеко не пытка. Это лучше, чем оглядываться через плечо каждый раз, когда я иду по улице, гадая, когда один из головорезов Росси затащит меня в переулок и прикончит, приставив глушитель к затылку. И было бы глупо утверждать обратное. Так что лучше всего мне стиснуть зубы, смириться с этим и вести себя так, как будто я смирилась со всем этим, пока не наступит день, когда Лука станет главным. И тогда, когда Росси жаждущий моей смерти, и интерес Луки исчезнут, я смогу спланировать свой побег.

И все это время, думаю я с толикой удовлетворения, я буду знать, что Лука, вероятно, в адской ярости из-за того, что я единственная женщина на Манхэттене, которая не ляжет к нему в постель.

Я никогда раньше не была внутри собора Святого Патрика. Я привычно перекрестилась, заходя внутрь, эта привычка сохранилась, несмотря на годы, проведенные вдали от церкви, и вот я вхожу в неф. От архитектуры у меня захватывает дух, когда я иду по центральному проходу, и я думаю о том, каково будет в субботу совершить такую же прогулку в том платье,

когда Лука будет ждать меня в конце. Я не могу не задаться вопросом, как он посмотрит на меня, будет ли выражение его лица холодным и жестким, к чему я уже привыкла, или он притворится вне себя от радости женихом. Я бы предпочла, чтобы он просто был честен, но я уверена, что он сыграет свою роль в совершенстве. И он будет ожидать того же от меня.

Высокий, лысеющий мужчина в черной одежде и белом воротничке, который, я могу только предположить, является отцом Донахью, выходит, когда я подхожу к передней части церкви, и улыбается мне. Выражение его лица приветливое, и я чувствую, что немного расслабляюсь, когда делаю шаг вперед, чтобы пожать ему руку.

— Мисс Ферретти. — Он делает паузу. — Могу я называть вас Софией?

На мгновение я застигнута врасплох его теплым, дружелюбным тоном. Я ожидала кого-то более холодного, даже сурового, но он кажется добрым. Добрее, чем я могла ожидать, для кого-то в кармане Росси.

— Конечно, — отвечаю я.

— Я уверен, ты уже догадалась, что я отец Донахью. Я рад, что ты здесь, София. — Е его голосе все еще слышен ирландский акцент, не сильный, но все еще насыщенный по краям.

— Я думала, итальянцы ненавидят ирландцев, — выпаливаю я и тут же краснею. — Простите, я не знаю, почему я это сказала. Это было грубо.

— Нет, это справедливый вопрос. Садись, — инструктирует он, указывая на переднюю скамью. Я быстро подчиняюсь, мое лицо все еще горит.

— Я был здесь молодым священником, когда семья Росси навсегда изгнала ирландцев, — спокойно говорит отец Донахью. — На самом деле, я должен поблагодарить твоего отца за мое место. Он убедил Витторио Росси, что я не имею никакого отношения ни к одной из сторон, и что меня следует оставить здесь именно по этой причине. — *У хорошего священника нет преданности ни одной стороне или семье, только Богу*, я думаю, это были его точные слова. — Он улыбается мне, его глаза прищуриваются. — По-твоему, это похоже на твоего отца, София?

— Я не знаю, — признаюсь я. — Я ничего не знала об этой его стороне. Отец, которого я знала. — Я сильно прикусываю нижнюю губу, чувствуя, как мое горло сжимается от эмоций. — Он был добрым. Веселым. Смешным. Он обнимал меня каждый раз, когда переступал порог, приносил мне книги, всегда выслушивал меня. Я не могу согласовать это с человеком, которым, как мне говорят, он был. С тем, кто мог причинять боль и убивать людей, быть участником мафии. — К моему ужасу, я чувствую, как подступают слезы.

Я не буду плакать, яростно говорю я себе. Не перед этим человеком, этим священником, которого я даже не знаю. Но я чувствую, как подступают слезы, и я не знаю, как их остановить. Я так долго ни с кем не говорил о своем отце.

В глазах отца Донахью появляется сочувствие, когда он смотрит на меня.

— Твой отец был хорошим человеком, София, — тихо говорит он. — Иногда хорошие люди совершают неправильные поступки, но по сути своей они все еще хороши.

— Насколько хорошо вы его знали?

— Очень хорошо. Он был в замешательстве, София. Он видел свое место рядом с Росси как способ умерить яростные порывы властолюбивого человека, держать Росси в узде. Росси очень доверял твоему отцу, единственным человеком, которому он доверял больше, был отец Луки, Марко. А твой отец и Марко были близки, как братья.

— Я немного помню отца Луки, — тихо говорю я. — Он приходил к нам домой по

крайней мере один раз.

— Твой отец старался, насколько мог, разделять две свои жизни... свою семью и свою работу. Но для человека, стоящего по левую руку от Дона, это трудно. И он женился на русской женщине. Это заставило очень многих людей из окружения Росси усомниться в нем. Я не уверен, что Росси когда-либо полностью простил его за то, что он поставил его в щекотливую ситуацию, защищая его и его брак.

— Он любил мою мать, — говорю я, защищаясь, обхватывая себя руками.

— Конечно. Я венчал их, я знал, как сильно они любят друг друга. — Отец Донахью улыбается. — Но любовь... это гибель очень многих людей, София. В конце концов, именно любовь Марко к твоему отцу и их дружба привели к его смерти. И любовь твоего отца к тебе, вот почему ты сидишь здесь, сейчас, передо мной. Вместо того, чтобы продолжать учебу, как тебе следовало бы.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

— Откуда ты так много обо мне знаешь?

— Твой отец часто говорил о тебе на исповеди. Он рассказал мне о твоей любви к чтению, к скрипке, о том, какая ты талантливая. Какие мечты он питал о тебе. Его самым большим страхом было то, что жизнь, которую он выбрал задолго до того, как ты стала даже мыслью, каким-то образом вернется и причинит тебе вред. Он любил тебя и твою мать больше всего на свете, София. Он сделал бы все, чтобы обезопасить тебя. И он это сделал.

— Ты знаешь об обещании?

— Конечно. — Отец Донахью смотрит на меня, его лицо непроницаемо. — Я был там, когда это было скреплено. Я был свидетелем этого. Джованни пришел ко мне посреди ночи, истекающий кровью и находящийся на грани смерти. Он попросил меня позвать Марко в церковь.

Я пристально смотрю на него.

— Что ты имеешь в виду? Он не поехал в больницу?

— Он знал, что умрет, — мягко говорит отец Донахью. Затем он протягивает руку, слегка касаясь моей руки. — Это тяжело слышать, София. Но ты должна знать правду о том, что произошло. Может быть, это, в некотором роде облегчит задачу.

Я сомневаюсь в этом, но все же я спокойно слушаю, ожидая услышать о той ночи, когда умер мой отец.

— Он и слышать не хотел о том, чтобы я вызывал скорую помощь. Он сказал, что знал, что рана убьет его, и он только хотел сделать последнее признание и получить последние обряды. Но он хотел чего-то большего, он хотел получить обещание от своего единственного настоящего друга. И он хотел, чтобы это было сделано на священной земле, в присутствии священника, который засвидетельствовал бы это. Он хотел, чтобы это было нерушимо.

— Обеспечение меня и моей матери, — тихо говорю я. — И этот брак.

— Да. — Отец Донахью делает паузу, и я вижу, как он обдумывает, что сказать дальше. — Но в обещании женитьбы есть нечто большее, чем Лука мог заставить тебя думать, София. Я не знаю, что его отец сказал ему о клятве или о его роли в ее соблюдении. Но Джованни ясно дал понять, что это должно было быть последним средством, если не будет других способов обеспечить твою безопасность, это должно оказаться браком, а не твоей смертью.

— Лука говорит, что это мой выбор. Что Росси убьет меня, зареет “свободный конец”, если я не выйду за него замуж.

— Я верю, что это правда, — осторожно говорит отец Донахью. — Я хорошо знаю Дона Росси, и он жестокий человек, без особых моральных устоев. Он предпочитает простые решения сложным.

— Так почему ты ему предан? — Выпаливаю я. — Зачем им помогать?

— Потому что Росси, один человек из сотни, — отвечает отец Донахью спокойным и ровным голосом. — Росси жаждет власти. Он требует абсолютного повиновения и абсолютной лояльности. Все его боятся. Если бы он заменил меня священником по своему выбору, в этих стенах больше не было бы морального компаса. Но когда его люди приходят ко мне на исповедь, я не даю им отпущения грехов без совета. Я не стираю их грехи в одно мгновение, чтобы смягчить прихоти Росси. Я говорю его людям быть осторожными. Учитывать приказы, которым они следуют. Думать об их бессмертных душах, прежде чем они будут пытаться, калечить и убивать, прежде чем они начнут войну за власть и жадность другого человека. — Он пожимает плечами. — Я не хочу становиться жертвой гордыни, но мне хотелось бы думать, что за время, проведенное здесь, я что-то изменил.

— И что? Ты думаешь, я тоже должна попытаться что-то изменить? — Я прищуриваюсь, глядя на него, чувствуя, как поднимается желание быть злой и воинственной. Это легче, чем горе, которое я испытываю, думая о том, как мой отец истекает кровью в нескольких дюймах от того места, где я сейчас сижу, прося за своего лучшего друга, отказываясь от любого шанса выжить из-за ран, чтобы получить обещание на святой земле. Нерушимую клятву.

Как ту, которую я должна приготовить в субботу. Клятву, которая должна длиться всю жизнь, человеку, ради спасения которого я сделала бы почти все, что угодно.

— Нет, — тихо говорит отец Донахью. — Я думаю, ты должна сделать все возможное, чтобы выжить, София, как этого хотел твой отец. Ты должна делать то, что должна.

— А что, если я не хочу этого? — Я чувствую, как комок в моем горле поднимается. — Что, если это невыносимо?

— Лука не тот человек, которым я надеялся, что он вырастет, — признается отец Донахью. — Он жесткий человек, и гордый, и временами высокомерный, и холодный. Но мир, в котором он находится, сформировал его таким, и я не думаю, что он действительно злой человек. Я думаю, что в нем есть что-то хорошее, просто не было никого, кому он мог бы это показать.

— И я должна стать этим человеком? — Требую я, снова прищутив глаза. — Я не хочу быть его психотерапевтом, отец. Я не хочу его исправлять. Я ненавижу его. — Последние слова звучат по-детски и раздражительно, но мне все равно. — Я не собираюсь жертвовать своей самооценкой на алтарь исправления мужчины.

В уголках глаз отца Донахью появляются морщинки, а его рот растягивается в настоящей улыбке.

— Я вижу в тебе так много от Джованни, — говорит он со смехом. — Ты дочь своего отца до мозга костей, и он гордился бы тобой. Нет, София, — продолжает он. — Ты не несешь ответственности за поведение Луки. Ты никогда не должна брать это на себя. Я только говорю, что то, что кажется жестокостью, может быть его защитой, защитой от окружающего мира, от того, что он воспринимает как слабость, от тебя. Я не думаю, что он хочет быть жестоким, если это так. И у меня все еще есть какая-то маленькая вера в него.

— И это все? — Я беспомощно смотрю на него и в этот момент понимаю, что надеялась на выход. Какой-нибудь способ избежать моего надвигающегося брака. — Я просто выхожу

замуж за Луку в субботу, и отказываюсь от всего, чего я когда-либо хотела?

— На данный момент, да. — Отец Донахью колеблется, а затем полностью поворачивается ко мне лицом, беря меня за руки. Они прохладные и сухие, состаренные и морщинистые, но я чувствую в них силу. — Я согласился на эту свадьбу, потому что на данный момент это кажется лучшим способом сохранить клятву, которую твой отец попросил дать Марко Романо. Но... — он поднимает палец, его глаза сужаются. — Твой отец, прежде всего, хотел, чтобы ты была счастлива, София. И больше всего на свете он желал, чтобы ты сбежала от этой жизни и всего, что в ней есть. Поэтому, если настанет день, когда твоей жизни ничего не будет угрожать, а ты несчастлива в своем браке и захочешь расстаться с ним, я хочу, чтобы ты пришла ко мне, София. — Его голос понижается, когда он говорит, пока не становится едва слышным шепотом. — Я очень любил твоего отца и был многим ему обязан. Я тоже поклялся заботиться о тебе. И поэтому я повторяю эту клятву сейчас, София, в присутствии Господа и Святой Матери, в память о твоем отце, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя и оберегать в безопасности. Если настанет день, когда ты захочешь покинуть Луку, все, что тебе нужно сделать, это войти в эти двери, и я найду способ. — Он делает паузу, отпуская мои руки. — Но на данный момент это лучший путь вперед, который я вижу.

На мгновение я не могу дышать, надежда зарождается во мне впервые с тех пор, как я проснулась в комнате Луки. Крошечная лазейка, которую я обнаружила, теперь кажется больше, более возможной, и надвигающаяся угроза субботы немного ослабевает с этой новой информацией. Мне просто нужно подождать, пока Дон Росси не умрет. Тогда, когда непосредственная угроза моей жизни будет устранена, я могу побежать к отцу Донахью. Он поможет мне сбежать. И я смогу оставить все это позади.

Мой брак больше не является пожизненным заключением. Только временным.

Отец Донахью доброжелательно улыбается мне, медленно вставая.

— Пойдем, София, — говорит он глубоким и успокаивающим голосом. — Это не та церемония, которую мы обычно проводим, но пришло время для твоего подтверждения. И тогда ты сможешь уйти.

Он не говорит “вернулся домой”, и я знаю почему. Пентхаус Луки никогда не будет моим домом, как и любая квартира, которую Лука выберет для меня. Я не знаю, в конце концов, где будет мой дом. Но я полна надежды, что однажды у меня будет свой собственный.

Медленно вставая, я следую за отцом Донахью к алтарю, вдыхая аромат благовоний в огромной комнате. Через три дня я принесу свои брачные обеты. Я совершу немыслимое, встану перед Лукой, в этой церкви, и совру.

Потому что я не собираюсь их сохранять.

ЛУКА

Я не думал, что может быть что-то, чего я хотел бы меньше, чем пойти на одну из официальных вечеринок, которые время от времени устраивает семья Росси, например, вечеринку в честь годовщины Дона или помолвки Катерины.

Но теперь я нашел новое, чего стоит опасаться. Мою собственную репетицию свадьбы.

Мне удавалось полностью избегать Софию с того дня, как я обнаружил, что дрочу, стоя в ее шкафу, сжимая ее платье, как ненормальный, влюбленный мальчишка. Это был тревожный звонок, который дал мне понять, что мне нужно создать серьезное пространство между нами двумя, и я приступил к выполнению именно этого.

Осталась только одна проблема.

Я никого не трахал неделю.

В ту же ночь я отправился в свой любимый виски-бар и занял свое обычное место у окна, ожидая найти идеальную женщину, которую я мог бы привести домой и использовать, чтобы выкинуть из головы все мысли о Софии.

Я ждал. И ждал. И ждал еще немного.

И впервые с тех пор, как я стал достаточно взрослым, чтобы пойти в бар, черт возьми с тех пор, как по закону полагалось пить в барах, удивительно, что позволяет тебе делать богатство в восемнадцать лет, я пошел домой один.

Я, Лука Романо, легендарный манхэттенский плейбой, пошел домой один. И снова дрочил в душе, думая о горячей воде и моем дорогом мыле, стекающем с сочных сисек Софии Ферретти.

Ладно, прекрасно, сказал я себе, просыпаясь на следующее утро. Я только что застал ту редкую ночь, единственную ночь, в которой не было ни одной женщины в моем вкусе. Неважно, что моему типу от восемнадцати до тридцати, я просто не нашел никого, кто вызвал бы мой интерес.

В этом нет ничего плохого. У всех бывает выходной.

Но и в ту следующую ночь я никого не привел домой.

Этим утром начинается почти неделя подряд, в течение которой я ублажал себя каждый божий день, по несколько раз в большинстве дней, не в состоянии найти женщину, которая заставит меня захотеть включить мое фирменное обаяние и затащить ее в свою постель. Вместо этого я пришел домой и фантазировал обо всех мерзких, непристойных, безумно приятных вещах, которые я хочу сделать с Софией и ее драгоценной невинностью. Как я хочу сорвать ее с нее, как то, глупое короткое черное платье, и заставить ее умолять меня, пока она не задохнется от этого. Как я хочу научить ее, каково это, когда к каждому дюйму ее тела прикасаются, целуют и гладят, каково это кончать снова и снова, пока я не потеряю весь контроль и не покрою ее своей спермой, отметив ее как свою раз и навсегда...

И вот так я блядь тверд как скала на заднем сиденье машины, в миле от церкви, где я собираюсь венчаться. С такой скоростью для меня будет невозможно не возбудиться во время церемонии от одного ее вида.

Я не могу этого понять. Неделю назад я бы смеялся до упаду при мысли о том, что где-то во всем мире может найтись женщина, которая могла бы заставить меня соблюдать целибат. Кого-то, кто мог бы удержать меня от того, чтобы трахать всех и вся, кого мне заблагорассудится. И все же, с тех пор как я вынес Софию из того гостиничного номера, я не видел ни одной женщины, которая могла бы заставить меня забыть о ней.

Ни одной женщины, которая заставила бы меня хотеть ее...кроме Софии.

Я хочу Софию. Я хочу ее всеми способами, которыми мужчина может хотеть женщину, и, по-видимому, я хочу ее так отчаянно, что у меня не может возникнуть эрекции ни к кому другому. Одна из причин, по которой я никого не приводил домой, заключается в том, что я

не смог бы вынести унижения, если бы у меня не встал.

Я должен хотеть трахнуть с кем-то другим. Я должен хотеть затащить в постель другую женщину и трахнуть ее так крепко, чтобы София слышала стоны по коридору и понимала, насколько глупо прятаться от меня. Я должен нагнуть другую женщину перед чертовой дверью Софии и позволить ей услышать звук, с которым я вгоняю яйца глубоко буквально в любую, кто не является ею.

Но походу у меня нет яиц, и на данный момент я начинаю думать, что так и есть.

Так что, черт возьми, я собираюсь делать? Хранить целибат пожизненно? Мы с Софией находимся в тупике, и как только я вышвырну ее в ее собственную квартиру, я не могу представить, что ситуация улучшится. Может быть, то, что я уберу ее с глаз долой, поможет мне успешно выкинуть ее из головы, но я больше не уверен, что могу на это ставить. Я ни в чем не уверен. И я мог бы задушить ее за то, что она так основательно нарушила мое душевное равновесие.

Я собираюсь увидеть ее меньше, чем через двадцать минут, и я не могу быть менее готовым.

На репетиции всего несколько человек: Дон Росси и его жена Джулия, Франко и Катерина и, конечно, отец Донахью. Репетиционный ужин будет совсем другим делом, на нем будут присутствовать несколько высокопоставленных членов семьи.

Я иду по проходу к алтарю, чувствуя, как будто мой галстук душит меня. Я хочу выбраться отсюда больше, чем я хочу дышать, я хочу сбежать из этой церкви, сесть на первый самолет в Амстердам и погрузиться в самый грязный гребаный секс, который только можно вообразить. Может быть, пересечение океана означало бы достаточное расстояние между Софией и мной, чтобы я мог перестать думать о ней.

Скорее всего, нет.

Какого хрена она хочет? Я думаю, стоя у алтаря рядом с Франко, о Доне Росси и его жене, сидящих на первой скамье, и о Катерине, идущей по проходу, чтобы встретить Софию и привести ее. Хочет ли она любви? Верности? Это просто способ наказать меня за то, что я принудил ее к этому?

Конечно, она не хочет, чтобы я был для нее настоящим мужем: верным, любящим и все такое прочее дерьмо. Даже если бы я был способен на это, я не знаю, какая у нее была бы причина хотеть этого. В ее глазах я просто мужчина, за которого ее заставляют выйти замуж. Не мужчина, который спас ее, мужчина, который спас ее от продажи или чего похуже, а просто ее тюремщик. Ее нежеланный муж. Но в те моменты, когда мы были наедине, я чувствовал, что часть ее хочет меня физически. Я почувствовал это в тот краткий миг, когда она ответила на мой поцелуй, в том, как она реагирует каждый раз, когда мы ссоримся, в том, как я вижу, как краснеет ее кожа и вздымается грудь. Она тоже борется с желанием.

Так почему бы просто не сдаться?

Я должен перестать думать об этом, или я никогда не переживу сегодняшний вечер.

Двери открываются, и зазвучала музыка. Канон на Ди, традиционная свадебная музыка, и я встаю немного прямее.

— А вот и невеста, — со смехом говорит Франко, игриво подталкивая меня локтем. — Жаль, что ты не будешь первым, но будь я проклят, если тебе не повезло заполучить горячий кусок задницы.

Я чувствую напряжение, и впервые мне хочется ударить своего лучшего друга. Хороший

правый хук в челюсть должен научить его не говорить о моей невесте таким образом, думаю я, стиснув зубы. Но мы блядь всю нашу жизнь говорили именно так о женщинах. Черт возьми, он рассказал мне мельчайшие подробности минета, который Катерина сделала ему на заднем сиденье лимузина после того, как он надел кольцо ей на палец, вплоть до того, что он был уверен, что она делала это раньше, потому что она пропускала его до конца в горло и знала, что нужно глотать. Мне следовало просто пихнуть его локтем в ответ и сделать замечание о том, что именно я планирую сделать с этой задницей завтра вечером.

Вместо этого я хочу врезать ему за то, что он вообще упомянул, что он смотрит на Софию.

Когда музыка наполняет комнату, в дверях появляется Катерина, медленно идущая по проходу точно так же, как она будет идти завтра. Я искоса бросаю взгляд на Франко и вижу, что его глаза прикованы к его собственной невесте, на его лице столько похоти, что я удивляюсь, как ему еще не удалось ее трахнуть.

— Я не могу дождаться, чтобы вспахать это девственное поле, — с тоской говорит он себе под нос, его глаза жадно раздевают ее, когда она идет к нам. — Дочь Дона. Боже мой, Лука, ты чертовски хороший друг.

— Ты заслужил это, — тихо говорю я ему. И я не шучу. Он заслужил все, что получил, и даже больше за эти годы, непоколебимо стоя рядом со мной во всем, что мы делали. Я не мог и мечтать о лучшем друге.

Но прямо сейчас, наблюдая, как он трахает глазами свою будущую невесту, зная, что он собирается затащить ее в постель в их первую брачную ночь, я никогда так не ревновал.

Как, черт возьми, я вляпался в это?

Не в первый раз я жалею, что не сказал Софии, что ее условия могут полететь напрямик к черту. Но я согласился на них, пообещал соблюдать это соглашение, и я не могу сейчас отступить от него. Как бы отчаянно я ни хотел этого. На данный момент я бы почти согласился взять ее, даже если бы это означало, что она будет лежать там, как холодная рыба. Черт возьми, может быть, так было бы лучше. Это могло бы излечить меня от моего безумного желания к ней, если бы она оказалась ужасной в постели.

— Вот она, — шипит Франко, и я смотрю в сторону дверей, чувствуя внезапное стеснение в груди, которое мне совершенно незнакомо.

София входит в двери, и это чувство только усиливается. Она выглядит прекрасно, одетая в светло-розовое кружевное платье с ленточным поясом и короткими рукавами. Оно облегает ее изгибы, не будучи слишком сексуальным для собора, и я чувствую, как у меня пересыхает во рту, когда я смотрю на ее длинные ноги на высоких каблуках, которые она носит, несомненно, те, которые она купила на мои деньги во время своего небольшого похода по магазинам.

Все, чего я хочу в мире в этот момент, это чтобы эти ноги обвилились вокруг меня. Я бы потратил любую сумму денег, горячо думаю я, наблюдая, как она идет ко мне, изо всех сил стараясь держать свое желание под контролем и не опозориться посреди церкви. Я бы купил ей все, что угодно. Пообещал ей все, что угодно. Просто чтобы проникнуть в нее один раз.

Хуже всего то, что я не могу понять, как, черт возьми, этой неопытной девственнице удалось так полностью меня сломить. Она, вероятно, даже не знает, что делать. Мне пришлось бы научить ее всему. Но меня это даже не волнует. С тех пор как я прижал ее к той двери, мысль о том, что я буду первым мужчиной, который заставит Софию Ферретти хныкать, стонать и умолять, буду первым мужчиной внутри нее, довела меня до этого.

Я стал мужчиной, который полностью заиклен на одной женщине. Таким мужчиной, которым я поклялся, что никогда не буду. Чем скорее я покончу с этим, тем скорее смогу начать забывать о ней. Проблема в том, что я не уверен, что хочу этого.

София останавливается у подножия ступеней, ведущих к алтарю.

— Тебя кто-нибудь поведет к алтарю? — спрашивает отец Донахью, и я временно отвлекаюсь от своих неуместных, похотливых размышлений о Софии.

На самом деле это ненадолго охлаждает мое желание. Горе, которое наполняет ее глаза, острое и немедленное, понятное любому, кто действительно смотрит. В этот момент она выглядит на много лет моложе, как будто перенеслась в тот день, когда была двенадцатилетней девочкой, только что потерявшей отца, и ее снова поражает, что он никогда не поведет ее к алтарю. Если бы он был здесь, чтобы повести ее к алтарю, она бы не вышла за меня замуж. И от этого всем нам было бы лучше.

— Я могу вести ее завтра, — говорит Дон Росси, наклоняясь вперед.

— Нет. — раздается голос Софии, на удивление сильный. Я чувствую, как Франко напрягается рядом со мной, и мы оба смотрим на Дона, гадая, как он воспримет отказ, особенно учитывая его отношение к Софии. Я вижу, как его лицо слегка краснеет, и чувствую, как ускоряется мой пульс. В этот момент я понимаю, что готов защищать ее от его гнева, еще одна реакция, которую я не понимаю.

— Спасибо, — вежливо продолжает София, ее лицо абсолютно нейтрально. — Но мой отец, кажется, уже однажды отдал меня. Так что завтра я сама приду к алтарю. — Ее взгляд перемещается на меня, и я вижу в нем намек на сталь.

Моя маленькая невеста обрела свой стержень. Это не должно меня заводить. Но, как и все остальное в ней, это, к сожалению, так и есть.

— Все, что ты пожелаешь. — Дон Росси откидывается на спинку скамьи, выражение его лица все еще раздраженное, но он, кажется, готов отпустить ее дерзость. Я выдыхаю, хотя и не осознавал, что задерживал дыхание, и бросаю взгляд на отца Донахью, который выглядит слегка смущенным.

— Очень хорошо, — говорит он, указывая на Софию. — Тогда подойди сюда и возьми Луку за руки. Лука, в тот день ее вуаль будет опущена до тех пор, пока тебе не придет время поцеловать ее после обетов.

Я наполовину ожидаю, что она будет спорить. Но вместо этого она протягивает свои руки в мои, и я чувствую, как дрожь пробегает по моей спине. Ее руки маленькие, мягкие и теплые, идеально ложатся в мои широкие ладони, и мне приходится бороться с желанием притянуть ее к себе, заключить в объятия и поцеловать так тщательно, как я умею. Завтра она станет моей женой. Я должен иметь возможность целовать ее, когда захочу.

Вместо этого завтра будет следующий и единственный раз.

Я лишь наполовину слышу обеты, которые отец Донахью говорит нам, что мы будем повторять. Я не могу оторвать глаз от лица Софии. На ней очень мало косметики, достаточно, чтобы я мог видеть проглядывающий сквозь нее розовый румянец на ее коже и несколько мягких веснушек на щеках. Мой взгляд скользит вниз к ее полным губам, и все, о чем я могу думать, это о том, что завтра я снова смогу ее поцеловать. Впервые с той ночи, когда я прижал ее к двери, я прижму ее губы к своим.

— Тебе лучше не кусать меня завтра, — бормочу я себе под нос, глядя на нее, пока отец Донахью заканчивает рассказывать нам о наших клятвах.

София лучезарно улыбается ради него, но я вижу вызов в ее глазах.

— Даже и не мечтала об этом, — мило говорит она, сжимая мои руки. — Жениха? В день моей свадьбы? Я бы никогда.

Отец Донахью делает паузу, подозрительно глядя на нас.

— Здесь ты поцелуешь свою невесту, Лука... завтра, — многозначительно добавляет он.

Улыбка Софии все еще приклеена к ее лицу. Пока отец Донахью продолжает говорить, она смотрит мне в глаза и говорит сквозь стиснутые зубы, ее взгляд прикован к моему.

— Сделай так, чтобы завтра все было хорошо, — говорит она низким голосом, полным негодования, которое, я знаю, она должна испытывать ко мне, до глубины души. — Потому что после того поцелуя, — сладко продолжает она, ее взгляд все еще широко раскрыт и удерживает мой. — Ты никогда больше не прикоснешься ко мне.

СОФИЯ

Если я думала, что репетицию будет почти невозможно пережить, то ужин после нее еще хуже. Ресторан, который был арендован по этому случаю, прекрасен, элегантное пятизвездочное итальянское заведение, принадлежащее другу семьи Росси, но я совершенно ошеломлена. Банкетный зал, который мы используем, полон Росси, их расширенной семьи, оставшихся членов семьи Луки и их друзей, и вообще никого, кто знал бы меня. Я чувствую, что выделяюсь, девушка, которая появилась из ниоткуда, чтобы выйти замуж за коронованного принца, и как будто все знают, что что-то не так.

Вопросы ничуть не облегчают задачу: “где вы ее прятали?” и “почему мы не встречали ее раньше?” Я просто мило улыбаюсь, пока Лука придумывает мягкие ответы на вопрос, почему никто даже не слышал намека на то, что он с кем-то встречался до этого, и я пытаюсь запомнить имена. Но я не могу. Я чувствую, как у меня учащается пульс в горле, когда меня знакомят с каждым человеком, и я внезапно понимаю, что если на прощальном ужине так много людей, то на самой свадьбе и на приеме будет намного больше.

Я чувствую, что у меня начинается приступ паники. У меня перехватывает горло, когда Лука представляет меня чьему-то двоюродному дедушке, едва удосужившись взглянуть на меня, и у меня есть секунда, чтобы выдавить сносное “приятно познакомиться”, прежде чем я поспешно извиняюсь. Лука, вероятно, подумает, что я веду себя грубо, и, вероятно, разозлится на меня, но я могу только представить, насколько грубее было бы, если бы я просто упала в обморок посреди нашего репетиционного ужина.

Это тоже не ложь. Я чувствую головокружение и пот, и я убегая в дамскую комнату так быстро, как только могу, брызгаю холодной водой на лицо, прежде чем отступить в одну из кабинок и надеяться, что никто не придет искать меня в ближайшее время. Но когда я выхожу, я вижу Катерину, прислонившуюся к раковине и играющую губной помадой с сочувственным выражением лица. Я напрягаюсь, ожидая комментария о том, как по мне там скучают, или о том, что мне не следует прятаться в ванной во время моей собственной репетиции ужина. Но вместо этого она просто одаривает меня сочувственной, мягкой улыбкой.

— Ты в порядке?

Как мне вообще ответить на это? Очевидный ответ, конечно, нет. Абсолютно нет.

— Это нормально, испытывать нервозность — продолжает она, наблюдая за тем, как я подправляю свой макияж в зеркале. — Я родилась в этой семье, и иногда это все еще пугает меня. Их много, и они такие громкие. — Она пожимает плечами. — Они моя семья, но я не всегда люблю в них все.

Я молчу, это все, что я могу сделать, чтобы не наброситься на нее. Есть много вещей, которые я могла бы придумать, чтобы сказать: мне не нужна твоя жалость, мне плевать, что ты чувствуешь, или, по крайней мере, тебя не принуждают к браку с мужчиной, которого ты активно презираешь. Конечно, последнее быстро становится примером того, что я слишком сильно протестую. Просто того, что руки Луки обхватили мои на репетиции, было достаточно, чтобы моя кожа горела, а сердце учащенно билось, и мысль о том, что он поцелует меня завтра, заставила меня столкнуться лицом к лицу с неприятной правдой о том, что часть меня, очень маленькая часть, на самом деле с нетерпением ждет поцелуя. Потому что я должна поцеловать его завтра. Поцеловать его завтра, это не значит признать, что в глубине души мне любопытно, или что в глубине души меня к нему влечет, или что в глубине души часть меня хочет сдаться и сказать: *"К черту мои условия, затащи меня в постель"*. У меня нет выбора, и эта очень маленькая часть меня рада этому. Рада, что мне не нужно ломать голову над тем, позволить ему это или нет.

Вместо того, чтобы сказать что-либо из этого, я поворачиваюсь к ней, засовывая свою помаду обратно в клатч.

— Ты сказала, что не выбирала брак с Франко, — сказала я натянуто, пытаюсь держать свои эмоции под контролем. — Что ты могла бы понять, что я чувствую.

— Я не выбирала выходить за него замуж, — спокойно говорит Катерина. — Мне сообщили, что я собираюсь выйти за него замуж, в связи с тем фактом, что он будет младшим боссом Луки, когда Лука займет место моего отца.

— Однако я вижу, как ты смотришь на него. Ты не испытываешь к нему ненависти.

— Нет, не испытываю. — Катерина делает паузу, кладет клатч и поворачивается ко мне лицом. — Мне повезло, я знаю. Он красивый и молодой, и мы ладим. Я бы не сказала, что мы лучшие друзья, но нам нравится проводить время вместе. Я не буду возражать лечь с ним в постель в нашу первую брачную ночь, и я не буду возражать быть его женой. Могло быть намного хуже.

Я просто тупо смотрю на нее. У меня в голове не укладывается, как она может относиться к этому так спокойно, как она может вести себя так, будто все это чертовски нормально.

— Как ты можешь все это говорить... вот так? Ты говоришь о браке по договоренности? Как ты можешь так спокойно относиться к этому, как ты можешь говорить, что это похоже на то, через что я прохожу, когда ты явно не против этого?

Между нами повисает долгая пауза, моя вспышка гнева повисает в воздухе. Катерина делает глубокий вдох, на мгновение поджимая губы, прежде чем заговорить.

— Меня это не устраивает, — тихо говорит она. — В глубине души это не так. У меня были вещи, о которых я мечтала, вещи, которые не имели ничего общего с тем, чтобы быть женой мафиози. Но это та жизнь, в которой я родилась, и я всегда знала, что так будет. Я никогда не смогла бы сама выбрать себе мужа, никогда не была бы никем, кроме жены и матери для высокопоставленного мужчины в семье. Все, что я могу сделать, это извлечь из этого максимум пользы. Возможно, я люблю Франко, возможно, нет. Но это будет достойный брак. — Она останавливается, глядя на меня с тем же сочувствующим

выражением. — У тебя могло бы быть то же самое, если бы ты позволила.

На мгновение я чувствую себя совершенно неспособной сформировать законченную мысль. Мне хочется накричать на нее, швырнуть чем-нибудь, но в глубине души я знаю, что она права. Я тоже родилась в этой жизни, мне просто дали короткий промежуток времени, когда я не понимала, какой будет моя судьба. Единственная реальная разница между мной и Катериной в том, что я настаиваю на борьбе с этим. И впервые я вижу, что она тоже в ловушке, в большей степени, чем я предполагала. Возможно, она больше принимает это, чем я, но это не значит, что она тоже не пленница в этом мире.

— Что ты хотела делать? — Мне удастся спросить, когда я чувствую, что снова могу дышать. Я не могу представить, кем она скажет, что мечтала быть, эта безупречная женщина передо мной, абсолютное воплощение идеальной жены мафиози. Все, что я знаю, Лука хочет, чтобы я была такой.

Катерина просто смотрит на меня, и я понимаю, что ей интересно, не издеваюсь ли я над ней. Она выглядит почти обиженной.

— Я действительно хочу знать, — тихо говорю я.

Она ничего не говорит, и я уже собираюсь сдаться, просто выйти и найти дорогу обратно в зал, когда она заговаривает. Ее голос мягкий, нежный и тихий, и я слышу в нем нотку грусти. Тоска по тому, что могло бы быть.

— Я всегда любила искусство и детей, — просто говорит она. — Я хотела быть учительницей начальной школы. Где-нибудь, где я могла бы что-то изменить. Но этого никогда не должно было случиться.

Эта грусть написана на ее лице, когда она говорит.

— Знаешь, я ради этого ходила в колледж, — говорит она с коротким смешком. — Я всегда знала, что это бессмысленно, что мой отец просто потакал моей матери, позволяя мне вообще получить степень. Мне не разрешали съезжать, и у меня был строгий комендантский час. Конечно, мою девственность нужно было защищать, я слишком ценный актив.

В ее голосе слышится оттенок горечи, который шокирует меня. Я никогда не видела в ней ничего внешне бунтарского, и впервые я вижу намек на бунт в ее глазах. Я не могу не восхищаться ею, она получила степень в том, что, как она знала, никогда не будет использовать, просто чтобы доказать, что она может.

— Мне нужно идти, — тихо говорю я.

— Да. — Катерина берет свой клатч. — Они скоро хватятся нас. Не волнуйся, я выйду через несколько минут.

Когда я выхожу из дамской комнаты, у меня почти такое чувство, как будто у меня здесь может появиться друг или, по крайней мере, начало такового. И я знаю, что мне понадобятся все друзья, которых я смогу завести. И все же я не могу заставить себя полностью доверять ей. Она все еще Росси, дочь Дона... и одна из них.

Я должна вернуться на вечеринку. Но когда я выхожу в коридор, я не могу заставить себя продолжать идти обратно в банкетный зал, где все собрались. Я не могу заставить себя встретиться с Лукой лицом к лицу или смириться с тем, что меня знакомят с большим количеством людей, имен которых я не знаю, мне нужно побыть одной, отдышаться, уйти от всего этого...

Вопреки здравому смыслу, я обнаруживаю, что ухожу с вечеринки, с каждым шагом ускоряя шаг. Я не убегаю, говорю я себе. Просто выйду подышать свежим воздухом. Просто выйду на улицу. Я спешу к стеклянным дверям в передней части ресторана, слабая болтовня

из задней комнаты, где вечеринка затихает еще больше, когда я толкаю двери и вырываюсь на прохладный весенний воздух.

Я вдыхаю, делая огромные глотки, осознавая, насколько на грани панической атаки я действительно была. Это обрушивается на меня сейчас в полную силу, завтра я выхожу замуж и мне хочется кричать. Я собираюсь быть юридически связана с человеком, которого я едва знаю и который мне даже не нравится, с человеком, который был одновременно жесток и добр ко мне по очереди, и хотя у меня есть небольшая надежда найти выход, в конце концов нет никакой гарантии.

Это может стать моим навсегда. И это знание внезапно начинает удушить. Я не собираюсь уходить из ресторана. Мои ноги просто несут меня несколько шагов, и еще несколько, пока я не оказываюсь в дальнем конце бара чуть дальше по улице, прислоняясь к кирпичной стене с закрытыми глазами и учащенным дыханием, когда я пытаюсь успокоиться.

Все будет хорошо, говорю я себе, мысленно повторяя слова Катерины, сказанные ранее. Это будет не так уж плохо. Могло быть хуже, ты могла быть мертва. Почему-то это не заставляет меня чувствовать себя намного лучше, зная, что мои единственные варианты: выйти замуж за Луку или умереть. Он принц итальянской мафии, наследник трона, и я не могу сказать, что он не очарователен. Но Прекрасный ли он принц? Он кто угодно, только не такой.

У всех сказок есть темная сторона.

У меня перехватывает горло, когда я вспоминаю, как мой отец вручал мне книгу сказок Братьев Гримм, говоря мне именно эти слова. Он, должно быть, каким-то образом знал, что тьма в конце концов придет за мной. Что мне придется сделать невозможный выбор.

Я должна вернуться, пока кто-нибудь не пошел меня искать. Пока Лука или кто-нибудь еще, кто увидит меня здесь, не заподозрит неладное. Но я не могу заставить себя пошевелиться. Прохладный воздух, проезжающие мимо машины, ароматы и звуки города, все это помогает мне успокоиться, заставляет меня чувствовать себя немного менее напуганной. Этот город был моим домом всю мою жизнь, но я никогда не чувствовала себя более потерянной, чем на прошлой неделе.

По тротуару проходят люди, но одна пара шагов приближается, становится громче, пока не останавливается совсем рядом со мной.

— София.

Это голос Луки. Он холодный и злой, и мое сердце проваливается в живот при этом звуке.

Черт.

— Разве я не говорил тебе, что произойдет, если ты попытаешься сбежать?

Мои глаза распахиваются.

— Нет, — быстро говорю я, поворачиваясь к нему лицом. — Я не... мне просто нужно было подышать свежим воздухом. Я никуда не собиралась...

— Тогда почему ты в полутора кварталах от "Витто", как будто кого-то ждешь? Может быть, ты ждешь, что Ана придет за тобой и увезет тебя прочь? Или поймает такси? — Его лицо как гранит, твердое и покрытое холодными морщинами, от которых я чувствую, что меня вот-вот вырвет. Он выглядит разъяренным. — Я говорил тебе, что произойдет, если ты попытаешься уйти.

— Я не... клянусь...

— Пошли. — Рука Луки протягивается, хватая меня за локоть. — Мы уходим, сейчас же. Я уже извинился перед всеми остальными.

— Подожди, куда мы идем? — Я упираюсь пятками, когда он начинает тащить меня прочь от здания. — Куда ты меня ведешь? — У меня внезапно возникают видения кровавленных подвалов и холодных складов в доках, где бы он и подобные ему люди ни творили те ужасные вещи, которые они совершают. Он действительно собирается убить меня из-за того, что я вышла на короткую прогулку?

Лука поворачивается ко мне, его лицо вырисовывается в свете уличных фонарей. Даже его глаза выглядят темными, злыми и полными кипящего разочарования.

— Мы едем домой, — холодно говорит он. А затем он тянет меня вперед, к обочине, где ждет его водитель.

ЛУКА

Я не могу вспомнить, когда в последний раз я был так зол на кого-либо. София, похоже, не понимает, на какой хрупкой ниточке висит ее жизнь, что я единственный, кто сохраняет эту тему нетронутой, и как сильно Дон Росси хотел бы получить повод прекратить всю эту дорогостоящую возню и просто убить ее.

Пуля дешевле обручального кольца. А развод будет стоить ей жизни.

Это было последнее, что он сказал мне на той встрече, когда я солгал ему о девственности Софии. И теперь мне блядь все надоело. Я провел последнюю неделю, спасая ее, защищая ее, лгал ради нее и шел на брак, которого я для себя не хочу, а теперь она так запутала меня, что я даже не могу нормально потрахаться, чтобы развеяться. Мои яйца и мой мозг кипят от разочарования, и сейчас мне приходится иметь дело с ее исчезновением посреди нашего гребаного предсвадебного ужина, на котором присутствуют все члены моей семьи и семьи Дона Росси, члены самого высокого ранга, что приводит к вопросам о том, куда подевалась моя прекрасная будущая жена, которая ставит меня в неловкое положение перед всеми.

Терпение лопнуло. Сегодня вечером она собирается научиться, как себя вести, понять наконец, как настоящая жена мафиози ведет себя на публике, и в какой опасности она на самом деле находится.

София не произносит ни слова за всю обратную дорогу до моей квартиры. Она остается в дальнем конце лимузина, обхватив себя руками, и, честно говоря, мне все равно. Я пытался дать ей пространство, я пытался максимально потакать ее эмоциям, и теперь ей нужно понять, раз и навсегда, что всему, что она знала раньше, пришел конец. От этого зависит ее жизнь. И я не могу допустить, чтобы Дон поверил, что я не могу контролировать свою жену.

— Вон. — Холодно говорю я, как только машина заезжает на парковку. Я даже не жду, пока мой водитель обойдет машину и откроет дверь. Я открываю ее сам, ожидая, пока София посмотрит на меня снизу вверх с намеком на вызов в ее прекрасных темных глазах.

— Лука я...

— Вон отсюда! — Я чувствую, как нить моего контроля начинает ослабевать.

Она выбирается из машины, слегка побледнев, пока ждет, когда я направлюсь к лифту.

Вопреки тому, во что, я уверен, она верит, мне не нравится повышать голос. Мне не нравится мысль о том, что моя жена боится меня. Честно говоря, я не уверен, какие эмоции я хотел бы, чтобы она испытывала по отношению ко мне, возможно, двойственное повиновение. Если бы мы могли добраться до этого к концу вечера, у меня было бы искушение начать петь припев "аллилуйя".

Подъем на лифте тоже проходит в тишине. София не произносит ни единого слова, пока мы не заходим в пентхаус и в гостиной мягко не зажигается свет.

— Ты обещал, — обвиняющим тоном говорит она.

Я скрещиваю руки на груди, глядя на нее с остатками своего терпения.

— Что именно обещал, София?

— Ты обещал больше не поднимать на меня руку! — Она прикусывает нижнюю губу, ее глаза расширяются. — Ты солгал мне.

— Ты обещала не пытаться убежать. Не уходить. Повиноваться мне...

— Я никогда не обещала повиновение!

— Что ж, ты собираешься сделать это сегодня вечером. Ты узнаешь, София, что здесь все под контролем у меня. Не у тебя.

Она смотрит на меня, в ее глазах все еще горит тот огонь, который я начинаю так хорошо узнавать. Это заводит меня больше, чем я хочу признать.

— Ты собираешься дойти до спальни пешком сама или мне придется нести тебя на руках?

Ее глаза становятся еще шире на ее нежном лице.

— Ты обещал... — выпаливает она, и я холодно улыбаюсь ей.

— Ты уже нарушила часть своего соглашения, София. И не утруждай себя повторением того, что ты не убегала. Возможно, ты этого не планировала, и, возможно, ты даже не хотела, но какая-то часть тебя все же пыталась убежать.

— Я была напугана, и...

— Мне все равно. — Мой голос звучит настолько ровно и бесцветно, насколько я могу. — И я задал тебе вопрос.

Последнее, чего я хочу, это чтобы она увидела, как она влияет на меня. Как сильно я хочу ее прямо сейчас, как нелепо, глупо возбуждает ее неповиновение. Последняя гребаная вещь в мире, которая мне сейчас нужна, это чтобы София знала, что у нее есть такое преимущество.

— Я не пойду в твою спальню. — Она проглатывает каждое слово, как будто это отдельное предложение, пристально глядя на меня, несмотря на ее очевидную неуверенность в том, что произойдет дальше.

Я холодно улыбаюсь ей.

— Не волнуйся. Тебе не придется.

Она моргает, глядя на меня, как будто не совсем уверена, что я имею в виду, и прежде чем она успевает открыть рот, чтобы выпалить в мой адрес какое-то другое утверждение, я пересекаю пространство между нами, отбрасывая всякую сдержанность на ветер. Я тянусь к моей прекрасной, упрямой, безрассудной, приводящей в бешенство невесте, хватаю ее за плечи, притягиваю к себе и целую со всей силой и страстью, которые я не смогу вложить в завтрашний поцелуй у алтаря.

И Боже, это так чертовски приятно.

Ее тело прижимается к моему всего на мгновение, прежде чем у ее мыслей появляется

шанс наверстать упущенное, и ее губы такие мягкие. Они погружаются в мои, полные и теплые, и в тот момент, когда я прижимаю ее к себе, мой член становится чертовски твердым, моя эрекция бушует в пределах моего костюма, пока я борюсь с желанием взять ее прямо здесь и сейчас.

Моя рука скользит вверх по ее волосам, выдергивая шпильки, которые удерживают их наверху, и ее теперь уже темные локоны рассыпаются вокруг ее лица в виде копны мягких надушенных волос, которые заставляют меня застонать у ее рта, когда я чувствую, как они выскальзывают у меня из пальцев. Я провожу языком по ее губам, приоткрывая ее рот, когда хватаюсь за ее затылок, желая попробовать ее на вкус, почувствовать тепло ее языка напротив моего, вдохнуть ее...

— Блядь! — Я дергаюсь назад, когда чувствую острую боль от того, что ее зубы снова впиваются в мою губу, и я смотрю на нее сверху вниз, кипя от сдерживаемого гнева и возбуждения.

По крайней мере, она больше не дает мне пощечин. Но она смотрит на меня своими вызывающими глазами, почему-то более красивая, чем когда-либо, с губами, слегка припухшими и розовыми от моего поцелуя, с мягкими каштановыми волосами, разметавшимися по лицу, и в этот момент я не могу вспомнить, чтобы когда-либо хотел обладать чем-то большим.

София моя. Моя жена. Моя невеста. Она блядь вся моя. Моя.

Моя рука обнимает ее за талию, все еще прижимая ее к себе. Она не борется, но я чувствую, как она напряжена; от страха, или гнева, или желания, или, возможно, от всего вместе.

— Ты обещал, — снова шипит она, и я смотрю на нее сверху вниз, мой рот кривится от удовольствия.

— Я не собираюсь трахать тебя сегодня вечером, София. Твоя драгоценная девственность в безопасности. В конце концов, даже если бы я планировал воспользоваться этим, я бы не отказал себе в удовольствии сделать это в нашу первую брачную ночь. Я даже не собираюсь доставлять себе удовольствие раздевать тебя догола, чтобы до завтра посмотреть, что я купил.

— Ты меня не купил! — Она извивается в моих руках, пытаясь ударить меня в грудь, но она слишком близко ко мне, чтобы это было эффективно. Ее кулаки едва ли делают больше, чем подпрыгивают на моих твердых, мускулистых грудных клетках, и я хихикаю глубоко в горле, наблюдая, как она извивается в моих объятиях.

— О, но у меня это есть, София. И я не имею в виду это смехотворно дорогое кольцо на твоём пальце, или новую одежду стоимостью в тысячи долларов, висящую в твоей комнате, или шикарную вечеринку, которую устраивают завтра вечером в честь свадьбы, которой никто из нас на самом деле не хочет. Я подарил тебе твою жизнь. И все же у тебя есть абсолютная наглость поставить меня в неловкое положение перед всеми сегодня вечером!

— Я не хотела... — Ее губы приоткрываются, и я ничего так не хочу, как снова поцеловать их.

— Ты должна иметь в виду все, что делаешь в этой жизни, София. Здесь нет места ошибкам, нет места для того, чтобы просто не подумать.

— Я ни о чем из этого не просила!

— Я тоже. — Я смотрю на нее сверху вниз, моя собственная грудь вздымается от разочарования. Я наклоняюсь, моя рука скользит по ее талии и вниз по бедру, запутываясь

там в кружевах ее платья. — Ты можешь сколько угодно доказывать, что ты мне не принадлежишь, София, но все, что для этого потребуется, это один телефонный звонок, и ты будешь мертва, даже если сбежишь. Ты проведешь свои последние несколько дней, оглядываясь через плечо, пока, наконец, не прилетит пуля. Ты закончишь свою жизнь в холодном мокром переулке, или у себя на кухне, или, может быть, в этой самой гостиной, если дон Росси не будет терпелив.

Моя рука проскальзывает под ткань ее платья, и впервые я чувствую теплую гладкость ее бедра, упругую шелковистость ее кожи. Она тихо ахает, и я чувствую, как мой член пульсирует от потребности даже при этом крошечном намеке на желание.

— Какая-то часть тебя знает это, София. Твое тело знает это, даже если ты продолжаешь это отрицать.

Я провожу кончиками пальцев по внутренней стороне ее бедра, подавляя стон от жара, который я чувствую там, разливающегося по моей руке.

— И к концу сегодняшнего вечера сомнений не останется.

— Что ты имеешь в виду?

Ее голос, едва слышный шепот, вьющийся в воздухе между нами, как дым.

— Я имею в виду вот что, София. — Моя рука скользит вверх по внутренней стороне ее бедра, ощущая его мягкий изгиб, который уместается в моей ладони. Ее тело прижимается ко мне, когда мои пальцы касаются шелка ее трусиков, и моя рука сжимается вокруг них. Я чувствую, какая она влажная даже через ткань. — Ты хочешь меня. Ты говоришь мне, что ты мне не принадлежишь, что ты ничего этого не хочешь, но это говорит о другой истории. Что я найду, если просуну сюда пальцы, хм? — Я провожу кончиками пальцев по промежутку между ее бедрами, и, к моему восторгу, она издает тихий звук, который почти похож на хныканье.

Я такой чертовски твердый, что это причиняет боль. Но сегодня дело не в том, что мне нужно кончить, или в том, как сильно я хочу погрузиться в тепло, которое прямо сейчас обжигает мои пальцы. Дело также не в том, чтобы доставить Софии удовольствие. Речь идет о том, чтобы заставить ее понять свою новую реальность и свое место в ней.

— Ничего, — шепчет она, извиваясь в моих объятиях. — Лука, пожалуйста...

— Пожалуйста, что? — Я улыбаюсь ей сверху вниз. Я чувствую биение ее сердца у своей груди, трепещущее, как птица в клетке. Я немного повышаю голос, подражая ее хриплому тону. — Пожалуйста, Лука, засунь свои пальцы мне в трусики? Пожалуйста, Лука, я такая мокрая, мне нужно кончить?

— Нет! — Ее лицо заливается ярким румянцем, но мои пальцы уже у края, проскальзывая под шелк. — Это не то, что я имею в виду, Лука, пожалуйста, я... — Она задыхается, когда я провожу по складке ее внутренней стороны бедра, приближаясь к этой мягкой, влажной плоти, к которой я жажду прикоснуться. — Никто никогда...

— Я знаю, — бормочу я, мой голос понижается на октаву, хриплый от желания. — Я знаю, насколько ты неопытна, София. Как я буду первым, кто прикоснется к тебе во всех отношениях. Это только усиливает мое желание обладать тобой еще больше, показать тебе, как всецело ты будешь принадлежать мне, как только сдашься.

— Я не буду...

— Нет? — Мои пальцы скользят по мягким внешним складочкам ее киски, и я чувствую, как она дрожит в моих объятиях. — Ты такая влажная, что я чувствую это и здесь тоже. И здесь...

София вскрикивает от шока и удивления, когда я просовываю пальцы между ее складочек, и мне приходится стиснуть зубы от шока вожделения, который пробегает по моему телу при ощущении ее влажного тепла, когда мой член напрягается под моими штанами. Я не могу удержаться от того, чтобы прижать его к ее бедру, волна удовлетворения наполняет меня, когда я вижу, как ее глаза расширяются, когда она ощущает его толстый выступ.

— Однажды ты будешь умолять меня об этом, — рычу я на нее сверху вниз, мои пальцы скользят вверх по скользкому теплу между ее ног, пока я не нахожу ее маленький, пульсирующий клитор. — Ты будешь умолять о моем члене, а не о моих пальцах. Но сегодня ты будешь умолять меня о чем-то другом.

— Что? Я...

Я отдергиваю от нее пальцы, разворачивая ее. Одним быстрым движением я толкаю ее вперед через край кожаного дивана, ее руки вытягиваются, чтобы удержаться, когда я перегибаю ее через подлокотник. Она сразу начинает извиваться, но я держу руку на ее поясице, удерживая ее на месте, пока задираю юбку ее платья.

— Ты сказал, что не собираешься ... — Ее пальцы царапают кожу, пытаюсь приподняться, но я прижимаю ее.

— Я сказал, что не собираюсь трахать тебя, и я это имел в виду. Мне требуется всего секунда, чтобы спустить ее трусики с бедер, и вида Софии, склонившейся над моим диваном, шелковой ткани, обернутой вокруг ее бедер, когда ее голая задница и мягкие пухлые губки ее киски впервые обнажаются передо мной, достаточно, чтобы я почувствовал, что могу вообще потерять контроль.

— Лука!

— Лежи спокойно, или я тебя свяжу, — предупреждаю я ее. Я протягиваю правую руку, левой все еще прижимая ее к себе юбкой ее платья, зажатой в кулаке, и провожу пальцем по складке между ее бедер, влажно поблескивающей от возбуждения. — Есть так много вещей, которые я мог бы сделать с тобой, которые не связаны с моим членом, София. Вместо этого здесь мог бы быть мой язык, пробующий тебя на вкус, облизывающий тебя, пока ты не будешь извиваться, умолять и стонать, дразнящий тебя, пока ты не отчаешься кончить. Ты знаешь, сколько раз я могу довести женщину до оргазма своим языком, София?

Она молча качает головой, отказываясь поворачиваться и смотреть на меня.

— Я сбился со счета. — Я провожу пальцем вниз. — Однако я мог бы заставить тебя кончать, София, снова и снова. Я мог бы оставить тебя бездыханной и измученной еще до того, как мой член окажется внутри тебя. И к тому времени, когда я был бы готов трахнуть тебя, ты бы умоляла об этом.

— Никогда, — шепчет она. — Я никогда ни о чем не буду тебя умолять.

— Нет? — Я встаю между ее ног, раздвигаю их коленом и прижимаю кончик пальца к ее клитору. Я немедленно вознагражден ее тихим вздохом и поскуливанием, и я чувствую, как она пульсирует под моим пальцем. — Ты когда-нибудь была такой влажной раньше? Может быть, ты прикасалась к себе и чувствовала это?

— Я никогда этого не делала, я...

— Не лги мне. — Я немедленно убираю палец. — Это еще одно правило, София. Ты не можешь убежать, и ты не можешь лгать. Я буду знать, если ты это сделаешь.

Она никогда за миллион лет не призналась бы в этом, но я вижу, как выгибается ее спина, когда я убираю руку, ее бедра немного раздвигаются, когда она чувствует потерю

моего прикосновения.

— Все мастурбируют, София, — бормочу я, возвращая руку к ее влажной, набухшей киске. Я на мгновение обхватываю ее ладонью, позволяя своему среднему пальцу погрузиться между ее складочек, и снова прижимаю кончик к ее клитору. — Я знаю, что ты трогала себя здесь. Я знаю, ты заставляла себя кончить. Может быть, ты даже фантазировала о чем-то подобном, о мужчине, который заставил бы тебя уступить всем желаниям, в которых ты боишься признаться. Все то, о чем ты задавалась вопросом, но слишком боялась узнать сама.

— Я никогда, я не хотела... — Она снова извивается под давлением моей руки на своей спине, но я чувствую, как она откликается на мои прикосновения, желая большего.

— Но ты хочешь сейчас. — Я просовываю руку ей под платье, поглаживая поясницу, когда начинаю потирать ее клитор медленными круговыми движениями, наслаждаясь ощущением, как он пульсирует под моими прикосновениями. — Доказательства этого по всей моей руке, София. Оно стекает по твоим бедрам, ты так сильно этого хочешь. Ты хочешь, чтобы я заставил тебя кончить моими пальцами, моим языком, даже моим членом, хотя ты думаешь, что никогда не одобришь этого. Но сегодня вечером мы начнем с пальцев.

Ее голова наклоняется вперед, ее дыхание вырывается маленькими хриплыми вздохами, когда я увеличиваю скорость, моя ладонь прижимается к жару ее кожи. Я осторожно убираю левую руку с ее спины на мгновение, готовый снова схватить ее, если она попытается пошевелиться, но я вижу, что она уже теряется в удовольствии от моих пальцев. Я расстегиваю молнию, громко вздыхая от облегчения, когда мой ноющий член высвобождается, и я вижу, как София напрягается от этого звука, выгибаясь назад, как будто она собирается снова попытаться сбежать.

— Не смей, — шиплю я, мои пальцы неподвижно касаются ее клитора, когда я снова прижимаю ее к себе рукой. — Я говорил тебе не лгать мне, и я не буду лгать тебе, София. Я не собираюсь тебя трахать. Но я покажу тебе, что ты принадлежишь мне. Вся ты, от твоего милого личика до этой идеальной киски.

Она хнычет от этого, падая вперед на диване, когда мои пальцы снова начинают двигаться, и ее ноги раздвигаются вопреки ее желанию.

— Лука, — выдыхает она, но звук моего имени на ее губах теперь другой, умоляющий, а не обвиняющий.

— Ты собираешься умолять, София? — Я наклоняюсь вперед, головка моего члена задевает внутреннюю поверхность ее бедра. Я стискиваю зубы от ощущения, которое стало намного сильнее за неделю без какого-либо удовольствия, кроме моей руки, и я чувствую, как мои яйца напрягаются, когда я поглаживаю ее клитор быстрее, двигая пальцем маленькими быстрыми кругами, когда София начинает стонать.

— Нет! — Выдавливает она, задыхаясь. — Я не буду... умолять... тебя... ни о чем, я...

— Даже так? — Я нежно тереблю ее клитор двумя пальцами, замедляя свои движения. — Даже ради оргазма? Я могу заставить тебя кончить так сильно, София. Только от этого. Ты даже представить себе не можете, что я мог бы сделать своим ртом, своим...

— Боже, Лука! — Ее голос становится выше, когда она выгибается назад, ее задница прижимается ко мне и вынуждает мою руку снова потереться о нее. Мой член внезапно оказывается зажатым между ее бедер, скользя по мягкой влажной плоти, когда она прижимается бедрами к моей ладони. Я чувствую, как она близко, ее киска набухла от этого, ее возбуждение пропитывает мою руку, а ее клитор пульсирует под моими кончиками

пальцев.

Я позволяю себе насладиться этим всего на мгновение, ее покорностью моим прикосновениям даже без слов, ощущением моего твердого, ноющего члена, трущегося о ее шелковистые бедра, и ощущением ее горячей, влажной плоти, податливой моим пальцам. Я так близко, и я просто жду, когда она окажется на острие ножа кульминации, так близко, что она не сможет удержаться от опрокидывания.

— Ты хочешь кончить со мной, София, — шепчу я, наклоняясь к ней. — Ты знаешь, что хочешь. Ты можешь сколько угодно говорить мне, что ты не моя, но ты лжешь. А ты знаешь, что происходит с девушками, которые лгут?

— Нет, — хнычет София. Теперь ее бедра прижимаются ко мне, и я чувствую, как дрожит внутренняя поверхность ее бедер, ее желание струится по моей ладони, когда я сильно тру ее клитор. — Нет, Лука...

Она на грани того, чтобы сказать "пожалуйста". Если бы она это сделала, я думаю, я мог бы позволить ей кончить. Есть искушение увидеть, как моя прекрасная почти жена падает с обрыва, услышать ее стоны и увидеть, как она выгибается и извивается на моей руке. Но вместо этого она сжимает губы и качает головой, даже когда ее тело напрягается напротив меня.

— Девушки, которые лгут, не могут кончить.

Я отдергиваю руку как раз в тот момент, когда она достигает края, ее великолепная задница выгибается вверх, бедра раздвинуты так, что я могу видеть влажные розовые складки сладкой, тугой киски, в которую я так отчаянно хочу погрузить свой член. Но вместо этого я сжимаю ноющую длину в своей руке, поглаживая один, два и третий раз так сильно и быстро, как только могу, ноги раздвинуты и напряжены, а мои бедра толкаются вперед с глубокой, дрожащей потребностью, когда я чувствую, как мой давно назревший оргазм вскипает в моих набухших яйцах.

— Блядь. — Я громко стону, мой голос хрипит, когда мой член пульсирует в моей руке, и я вижу первые брызги моей спермы на ее идеальной заднице. София немедленно напрягается, жар этого пугает ее. — Не двигайся, блядь, — рычу я, все мое тело содрогается, когда я поглаживаю себя сильнее, вид моей спермы, стекающей жемчужинами по ее коже, почти вызывает головокружение. Это самая горячая вещь, которую я, блядь, когда-либо видел, и я, не задумываясь, прижимаю головку своего члена к мягкой щечке ее задницы, постанывая и все еще дрожа от чистого удовольствия от этого. Когда последняя капля капает жемчугом на ее кремовую кожу, я вытираю головку своего члена о ее задницу, шлепая ею по ее коже, достаточно одного раза, чтобы заставить ее немного подпрыгнуть, прежде чем я отступаю, глядя на нее сверху вниз.

Мгновение никто из нас не двигается, и я получаю удовольствие от более продолжительного взгляда на Софию Ферретти, развалившуюся на моем диване, с задранной до талии юбкой и моей спермой, украшающей ее кожу.

— Ты моя, — бормочу я, мой голос хриплый и глубокий. — И теперь ты этого не забудешь.

СОФИЯ

Его голос обволакивает меня, как дым, темный, густой и головокружительный. Мне так стыдно, что я не могу смотреть на него, не могу пошевелиться, не могу даже заставить себя попытаться встать несмотря на то, что он больше не удерживает меня.

Я жду, когда он вытрет меня, поправит платье, протянет ко мне руку, но секунду спустя я слышу звук его удаляющихся шагов, хотя я и жду еще несколько минут, он не возвращается. Вот тогда-то меня и накрыло.

Он впервые прикоснулся ко мне там, где никто, кроме меня, никогда не касался, приблизил меня так близко к оргазму, что я была почти на грани того, чтобы умолять его об этом, а затем кончил мне на задницу... и оставил меня здесь ни с чем. Как выброшенную надувную куклу. Игрушку. Что-то, чем можно воспользоваться и забыть.

Я чувствую, как меня бросает в жар от стыда, ярости и унижения. Я бы ограничилась мольбами о том, чтобы он продолжал, заставил меня кончить, черт, на минуту я даже пофантазировала о том, на что может быть похож его язык, или даже...

Нет, я никогда не позволю ему этого. Я никогда не впускаю его в себя. Если я добьюсь своего, он больше никогда так ко мне не прикоснется, но даже когда я встаю, одергиваю платье и осторожно направляюсь в свою комнату, я не могу перестать думать о том, как его пальцы касались меня. Он играл на мне так же умело, как на инструменте, проводя пальцами по моей плоти, как я провожу смычком по скрипке, доводя меня до самого крещендо удовольствия, прежде чем лишит его. А затем просто выплескивает на меня свое собственное.

Я чувствую, как мои глаза наполняются горячими, смущенными слезами. Я все еще чувствую его на себе, его липкость и прохладу, когда снимаю платье в своей комнате, даже не включая свет, бросаю его в корзину для белья и спешу в ванную. Сейчас я чувствую себя грязной, униженной, но в тот момент я этого не чувствовала. Когда он встал надо мной сразу после того, как убрал руку, я была переполнена удовольствием, меня бросило в жар, и мысль о том, как он ласкает себя надо мной, возбудила меня еще больше, я подумала, что все равно смогу кончить, даже без его прикосновений. Я была на грани того, чтобы закончить это сама, но что-то подсказало мне, что это только разозлит его еще больше. Я сама отказалась устроить ему шоу. Никогда за миллион лет я не смогу представить, что трогаю себя для его удовольствия, пока он смотрит. Одна только мысль заставляет меня снова покраснеть ото лба до кончиков пальцев ног.

Но ты хотела этого, шепчет тоненький голосок в моей голове, когда я вхожу под воду. Ты хотела, чтобы он заставил тебя кончить. Тебе понравилось, как это ощущалось.

— Нет, — шепчу я, стиснув зубы. Я не хочу признаваться в этом самой себе, не вслух и даже не в своей голове. Я не хочу признавать, что его пальцы ощущались в тысячу раз лучше, чем мои когда-либо, что то, как он это делал, медленно и дразняще, бормоча грязные вещи надо мной, когда он прижимал меня к своему дивану, было настолько эротично, что я возбудилась больше, чем когда-либо за всю свою жизнь. Я не хочу признавать, что мне нравилось быть придавленной, неспособной спорить, вынужденной уступать желанию, которое кипело во мне с тех пор, как он прижал меня к своей входной двери.

Я не хочу признавать, что всего на мгновение, в разгар всего этого, я задумалась, каково это, позволить ему лишит меня девственности. По-настоящему сделать меня своей так, как никогда не смогли бы сделать его пальцы на мне или его сперма на моей коже, поэтому прямо сейчас, смывая его с себя в душе, я чувствую себя чертовски обделенной. И крошечной

части меня, той, которую я не хочу рассматривать слишком пристально, это нравится.

Каково это, быть по-настоящему желанной и любимой, по-настоящему принадлежать такому мужчине, как Лука? Мне больше никогда не пришлось бы бояться. Я бы никогда не беспокоилась, что он устанет от моего бунтарства, моего упрямого отказа сдаваться, что он решит, что со мной больше работы, чем я того стою. Я могла бы перестать убегать, и если быть честной, я занималась этим всю свою жизнь. Планирование отъезда из Манхэттена после окончания учебы было просто другим видом побега. Побег от своего прошлого, своих воспоминаний, всего того, что я не до конца понимала о своем детстве и о том, кем на самом деле был мой отец. Ответы на эти вопросы здесь. Безопасность тоже здесь, если я позволю себе принять это. Но я не просто хочу терпения от Луки. Я не хочу отдаваться ему только для того, чтобы он спрятал меня в другой квартире, как выброшенный свитер, игрушку, в которую он уже играл, историю, конец которой он уже знает.

На приеме был момент, короткий момент, тот момент, когда я мельком увидела, на что это было бы похоже, если бы мы были обычной парой, если бы мы поженились по любви, а не по обязательствам. Лука представил меня своему лучшему другу и жениху Катерины, красивому рыжеволосому зеленоглазому мужчине по имени Франко Бьянки, единственное имя, которое я запомнила, мужчине с бледной кожей и веснушчатым лицом, которое совсем не походило на других членов семьи, которых я встречала.

— Он ирландец? — Прошептала я, когда мы отошли, чтобы найти наше место за столом, и впервые с тех пор, как я встретила Луку, я увидела, как он изо всех сил пытается не расхохотаться.

Впервые я увидела в нем обычного человека. В тот момент я мельком увидела, на что это было бы похоже, если бы мы действительно нравились друг другу, даже заботились друг о друге. На что было бы похоже быть замужем за ним в какой-то другой реальности, где мы выбрали это сами, и он не был наследником трона мафии и всего, что я презирала, всего, что отняло у меня моих родителей. В эту мимолетную секунду я могла представить, каково это, быть на вечеринке с Лукой, шепча ему на ухо что-то неподобающее и наблюдая, как он пытается не смеяться.

Я увидела то же понимание в его глазах, когда он посмотрел на меня, осознание того, что я почти рассмешила его, что я была личностью, кем-то, кто ему мог бы действительно нравиться, если бы он нашел время узнать меня получше.

Однако момент прошел так же быстро, как и наступил.

— Никогда не говори так при нем, — резко ответил Лука, возможно, более резко, чем он сделал бы, если бы мы не разделили этот краткий момент. — Это спорный вопрос внутри семьи. Но нет, это не так.

И с этими словами тема была оставлена. Но в тот момент я кое-что поняла, то же самое, что я знаю сейчас, стоя под душем и пытаюсь стряхнуть с себя воспоминания о том, что только что произошло в его гостиной.

Если бы я позволила ему обладать мной, я бы хотела, чтобы он любил меня. И это самая унижительная вещь из всех. Потому что я не думаю, что Лука Романо может кого-то любить.

Когда я смываю последние следы его присутствия с моей кожи, мокрые волосы прилипают к плечам, я выхожу и, обернув вокруг себя полотенце, выхожу из ванной с тяжелым сердцем. Если бы завтра была обычная свадьба, я бы провела эту ночь вдали от нашей общей квартиры, в каком-нибудь шикарном гостиничном номере со своими подружками невесты. Мы с Анной смеялись бы над чем-нибудь, возможно, над тем, что она

настаивала бы на шутках и поддразнивании меня по поводу предстоящей брачной ночи. Я была бы счастлива, предвкушая один из лучших дней в моей жизни.

Вместо этого я вернулась в спальню, которая совсем не похожа на мою, с женихом, который почти не разговаривал со мной за неделю, за исключением сегодняшней репетиции, а потом вечером шептал мне на ухо непристойности, пока не кончил на мою голую задницу. Я проведу ночь одна в своей новой странной спальне и не увижу Ану до завтра, когда она придет помочь мне одеться. Я даже не знаю, не затащит ли Лука меня в фальшивый медовый месяц, чтобы соблюсти приличия. Я предполагаю, что он этого не сделает, но кто знает? Это было бы в его духе, заставить нас провести неделю, избегая друг друга на Карибах, или сделать что-то безумное в этом роде.

Кто знает, что будет после сегодняшнего вечера?

Это не имеет значения, твердо говорю я себе, когда тянусь к свету. Послезавтра вся эта свадебная неразбериха закончится, и мы сможем вернуться к игнорированию друг друга. Ненавидя друг друга. Стараясь проводить как можно больше времени вдали друг от друга. Я могу забыть о том, что произошло сегодня вечером, и мы сможем двигаться дальше. Лука может продолжать трахать столько безымянных женщин, сколько захочет, а я могу притвориться, что никогда не была близка к тому, чтобы умолять его позволить мне кончить.

Но сейчас, когда это воспоминание все еще заполняет мою голову, я не могу не думать о том, что завтрашний вечер мог бы быть другим. Мне просто повезло, что он чертовски красив. Если бы он был старше, или уродлив, или лысел, было бы легко избежать секса с ним, но вместо этого я обручена с самым великолепным мужчиной, которого я когда-либо видела. Мужчина с линией подбородка, которая могла бы резать стекло, и пронзительными зелеными глазами, мужчина, который носит костюмы, которые сидят на нем как вторая кожа, мужчина, который целуется так, словно хочет есть, пить и дышать мной одновременно, как будто мой рот, единственное, что спасает его от смерти. Как будто он хочет сожрать меня полностью.

Слава Богу, мы венчаемся в церкви, мрачно думаю я. Если бы он поцеловал меня так завтра, я не уверена, что бы я сделала. Вероятно, забралась бы на него, как на дерево, у всех на виду, и будь прокляты последствия.

Я включаю свет, и мое сердце замирает в груди.

Комната больше не странная и незнакомая. Пока нас не было, она преобразилась. Серое стеганое одеяло на кровати заменено моим толстым в голубой цветочек, гладкие белые подушки в гостиничном стиле заменены моими из моей квартиры, а светло-розовое одеяло ручной вязки, под которым я любила сворачиваться калачиком в дождливые дни, перекинута через изножье кровати. У одной стены моя книжная полка, заставленная моими книгами, и когда я прохожу дальше по комнате, я вижу свою шкатулку для драгоценностей, стоящую на тумбочке. Рядом с ней находится плоская черная коробочка и бархатная коробочка поменьше, а также записка.

Однако я пока не собираюсь это читать. Мне кажется, что я не могу дышать, и я не могу остановить слезы, наворачивающиеся на глаза.

Здесь мои вещи. Не все, что у меня есть, но все, что важно для меня, или, по крайней мере, почти все...

А потом я обхожу кровать с другой стороны и вижу...

Мой футляр для скрипки, прислоненный к стене.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться ожерелья у себя на шее, мое сердце бешено колотится в груди. Я не знаю, кто сделал это для меня или почему, но я точно знаю, что это не могло произойти без одобрения Луки. Он, должно быть, разрешил это, если он сам прямо не попросил об этом.

Меня охватывает замешательство, когда я сажусь на край кровати, разглаживаю руками пуховое одеяло и смотрю на футляр для скрипки слезящимися, щиплющими глазами. Я не понимаю его, я думаю, во мне нарастает разочарование. Я не могу примирить человека, который холодно сказал мне выбирать между свадьбой и смертью, человека, который избегал меня последнюю неделю, человека, который даже не взглянул на меня по дороге домой сегодня вечером, человека, который прижал меня к дивану и использовал как игрушку для секса, с человеком, который оставил ужин за дверью моей комнаты, который защищал Ану, который сейчас сделал мне лучший свадебный подарок, о котором я никогда бы не подумала просить, создавая для меня чувство дома, в моей собственной комнате, в одну из самых трудных ночей в моей жизни. Как будто он знал, каким тяжелым будет для меня сегодняшний вечер, как я боюсь завтрашнего дня, и хотел как-то сделать это лучше.

Я медленно опускаюсь на пол, тянусь за футляром для скрипки. В течение восьми лет я хранила в нем последнее письмо, которое написал мне отец, потому что не могла вынести его прочтения. Но сейчас, накануне свадьбы с человеком, которому он обещал меня, с человеком, которому он доверил меня, я знаю, что пришло время. Может быть, это как-то поможет мне понять. Потому что я никогда не чувствовала себя более сбитой с толку, чем в этот момент.

Конверт все еще засунут за подкладку моего футляра для скрипки, жесткий и слегка пожелтевший от времени. Я осторожно открываю его, вытаскивая лист бумаги, подписанный паучьим курсивом моего отца, пересекающим его, последние слова, которые он когда-либо скажет мне.

Я чувствую, как слезы наворачиваются на глаза еще до того, как я начинаю.

Моя дорогая София,

Если ты читаешь это, то это потому, что меня здесь больше нет. Я знаю, что это избитый способ начать подобное письмо, но я не знаю никакого другого способа начать это. У меня разрывается сердце, когда я пишу это, потому что мне невыносима мысль о том, что я так скоро уйду от тебя, упишу так много из твоей жизни.

У тебя так много всего впереди, моя дорогая девочка, и я хочу, чтобы у тебя все это было. Я хочу, чтобы у тебя была жизнь, о которой ты мечтаешь, чтобы ты смело шла вперед и использовала каждый талант и дар, которые тебе были даны. Ты самая умная, самая красивая, самая талантливая дочь, о которой мы с твоей матерью могли только мечтать, и я никогда не жалел, что ты мой единственный ребенок, София, потому что это означает, что вся любовь, которую я могу отдать, принадлежит тебе. Ты — свет нашей жизни, и, если я о чем и сожалею, так это о том, что мой собственный выбор может подвергнуть тебя опасности.

И именно поэтому, София, я пишу это письмо. В будущем ты можешь узнать кое-что о твоём дорогом отце, кое-что, что может заставить тебя усомниться в том, кто я такой, и действительно ли я тот человек, которого, как ты думаешь, ты знаешь. С твоей стороны справедливо задавать вопросы об этих вещах, но, если и есть что-то, в чем ты никогда не сомневалась я надеюсь, что это моя любовь к тебе.

Если события произойдут так, как я думаю, и это письмо попадет в твои руки, знай,

что я приму меры, чтобы защитить тебя и маму от того, что может последовать. Знай, что я сделал все возможное, чтобы убедиться, что вы обеспечены. И знай, что я сделал выбор, тот, который ты, возможно, не поймешь, тот, который может даже вызвать у тебя неприязнь ко мне, но который, я чувствую, был единственным, который я мог бы сделать в данных обстоятельствах.

Марко Романо мой лучший и близким друг, и я надеюсь, что он воспитает своего сына таким, как он, человеком, который делает то, что должен, но которому не доставляет радости жестокость, человеком с честью, который сдержит клятву, которую я попрошу дать его отца. Я не могу сказать тебе здесь, в чем заключается это обещание, но, пожалуйста, знай, моя дорогая дочь, что я бы не сделал этого, если бы чувствовал, что у меня есть другой выбор.

Слезы текут слишком сильно и быстро, и я откладываю письмо, боясь намочить его. Все, о чем я могу думать, это о папе в своем кабинете, пишущим это письмо вместе со мной в моей комнате несколькими дверями дальше, зная, что смерть приближается к нему.

Его сердце разрывалось, а я никогда этого не знала. В нем было так много такого, чего я не знала, и я прикрываю рот рукой, когда горе снова охватывает меня, все мое тело сотрясается. Я никогда, никогда не узнаю вторую половину человека, которым был мой отец, ту его часть, которую он скрывал от нас. Все, что у меня есть, это письмо и знание того, что он доверил своему другу вырастить сына, достойного меня, если настанет день, когда мне придется выйти за него замуж.

Такой ли Лука человек? Или мой отец переоценил своего друга? Может его друг потерпел неудачу? Полчаса назад я бы сказала да. Но сейчас, сидя здесь, в окружении обстановки моей спальни, я не могу не задаться вопросом, не я ли та, кто недооценивает Луку. Может под его холодной, бессердечной внешностью скрывается что-то большее, как намекнул отец Донахью, это вполне может быть.

Я осторожно вытираю руку о юбку и снова тянусь за письмом.

Однако я говорю все это, чтобы сказать следующее — София, если у тебя есть шанс стать свободной, избежать этой жизни, я надеюсь всем сердцем, что ты ухватишься за шанс обеими руками. Единственное большое сожаление в моей жизни, это то, что я не забрал тебя и твою мать и не убежал от этого как можно дальше. Некоторые скажут, что из этой жизни не уйти, и они вполне могут быть правы. Но больше всего на свете я хотел бы, чтобы я не был слишком трусливым, чтобы попытаться. Если бы я был достаточно смел, возможно, я бы не писал тебе сейчас это письмо.

Будь свободной, моя дорогая дочь. Будь такой, какой тебе предназначено быть. Пой, играй, и создавай музыку, от которой мир будет плакать, услышав, и помни, прежде всего, последний подарок, который я тебе подарил. Помни, что я говорил тебе о сказках.

Но о чем я прошу больше всего, София, помни, что я люблю тебя.

*Твой отец,
Джовани*

Долгое время все, что я могла делать, это сидеть со слезами, текущими из моих глаз, завернувшись в полотенце на полу в моей спальне. А затем я складываю письмо обратно в конверт и убираю его обратно в футляр для скрипки, осторожно закрываю его и поднимаюсь на ноги.

Я возвращаюсь к своему прикроватному столику и стоящим там двум бархатным футлярам.

Сначала я беру плоский футляр, открываю его и вижу изящный золотой браслет, по сути, цепочку-петлю с сапфирами, вставленными в овалы. И когда я открываю бархатную коробочку поменьше, там оказывается подходящая пара сережек, сапфиры овальной огранки, такие насыщенно синие, что кажутся почти черными, окруженные бриллиантами и свисающие с золотых стержней. Они красивы, и выглядят очень дорого. Золото на браслете местами слегка отполировано, как будто кто-то часто носил его и прикасался к нему.

С колотящимся в груди сердцем я тянусь за следующей заметкой.

София,

Анастасия сказала мне, что для невесты обычно нужно что-то старое, новое, позаимствованное и голубое. Она также сказала мне, что ожерелье, которое ты носишь, которое ты никогда не снимаешь, очень старое, так что, я полагаю, это решено. Твое кольцо и платье новые, так что вот тебе кое-что голубое, браслет и серьги, принадлежавшие моей матери. Ты также можете считать их позаимствованными, если хочешь, хотя мне бы очень хотелось, чтобы ты сохранила их для себя, как моя жена, моя мама хотела бы, чтобы они были у тебя.

Лука

Я смотрю на записку и драгоценности, в моих мыслях царит смятение. Как может мужчина, который привез меня домой сегодня вечером, и мужчина, написавший это письмо, быть одним и тем же человеком? Как может иногда казаться, что он ненавидит меня, негодует на меня или не хочет ничего другого, кроме как подчинить меня своей воле, а затем преподнести мне свадебный подарок в виде драгоценностей своей матери?

Часть меня хочет отказаться надевать это завтра. Я могла бы, он не увидит меня, пока я не пойду к алтарю, и что он собирается с этим сделать тогда?

Но когда я смотрю на браслет и серьги, его записку, все еще зажатую в моей руке, я знаю, что не сделаю этого. Я чувствую себя хуже, чем когда-либо, беспокойство и растерянность бурлят у меня в животе, когда я осторожно закрываю коробки и ложусь обратно на кровать, зная, что впереди у меня бессонная ночь. Было легче просто ненавидеть его. Просто видеть в нем человека, держащего меня в плену, жестокого мужчину, которому я была отдана против моей воли. Злодея из сказки, дракона в башне. Было легче, когда все было черно-белым.

Сейчас мои эмоции, это запутанная смесь ненависти и страха, желания и любопытства, мне интересно, что принесет завтрашний день и как мы будем двигаться дальше. Мысль о нашей брачной ночи снова заставляет мой желудок сжаться, теперь, когда он прикоснулся ко мне, что будет дальше? Он сказал, что не будет принуждать меня, но что, если ему не придется? Что, если, в конце концов, он убедит меня позволить ему?

Сегодня вечером он что-то пробудил во мне, осознание удовольствия, которого я никогда раньше не испытывала. Мысль о том, чтобы потратить годы, если не всю оставшуюся жизнь, на то, чтобы ко мне больше никогда так не прикасались, причиняет мне боль, которую я не до конца понимаю, но мысль о том, чтобы полностью отдаться ему, кажется столь же невозможной. Больше всего на свете я хотела бы, чтобы ничего из этого не произошло. Тогда я не чувствовала бы себя такой потерянной, такой сбитой с толку.

Но это произошло. И завтра я стану женой Луки.

СОФИЯ

Меня будит рука Аны на моем плече, встряхивающая меня, когда солнечный свет проникает через занавески, которые она, должно быть, раздвинула, растянувшись на краю моей кровати.

— Просыпайся, соня, — говорит она с усмешкой. — Это день твоей свадьбы.

— Это не совсем те слова, под которые я хотела бы проснуться, — стону я, потирая лицо рукой.

— Я знаю. — Ана убирает волосы с моего лица, сочувственно глядя на меня сверху вниз. — Но, по крайней мере, я буду здесь. Я забрала твоё платье по дороге сюда.

Я вижу, как оно висит на дверце шкафа, завернутое в веселую бело-розовую сумку для одежды из магазина для новобрачных. Я принимаю сидячее положение, чувствуя усталость от напряжения, длившегося всю ночь. Бросая взгляд на Ану, я задаюсь вопросом, что бы она сказала, если бы я рассказала ей, что произошло прошлой ночью между Лукой и мной. Я ни за что не смогла бы, я чувствую, что краснею, просто думая об этом, но после стольких лет слушаний о ее сексуальных подвигах и ее поддразниваниях по поводу того, что у меня их нет, я не могу не задаться вопросом, какой была бы ее реакция.

Прежде чем она успевает заметить, что я краснею, я встаю с кровати и быстро подхожу к комоду, но когда я открываю верхний ящик, я вижу, что вместо в основном простого хлопчатобумажного и нескольких пар шелкового нижнего белья, которое я выбрала во время похода по магазинам, ящик также полон другого белья, которое я не покупала: атласного и шелкового с кружевами белого, розового, голубого, красного и черного цветов, пенящегося через край ящика, когда я его открываю. Только в одном этом маленьком местечке его должно быть на тысячи долларов.

— София? Что случилось? — спрашивает Ана, видя мое напряжение, но я не отвечаю шагая через комнату к шкафу. Когда я рывком открываю дверь, то, конечно же, вижу там новые бархатные вешалки с шелковыми и кружевными халатами и подходящими к ним шелковыми ночными рубашками и сорочками. Я смотрю на них, не уверенная, кричать мне, или плакать, или сорвать их с вешалок и сбросить с лестницы, чтобы Лука мог о них споткнуться.

Я слышу ее шаги, когда она подходит ко мне.

— О, — тихо говорит она, видя нижнее белье в шкафу, а остальное вываливается из ящика. — Ты не выбирала эти вещи, не так ли. — Это не вопрос, Ана очень хорошо знает мой выбор нижнего белья. Она достаточно часто видела, как я одеваюсь.

— Нет, — говорю я категорически. — И его здесь не было до того, как я вернулся прошлой ночью.

— Лука сказал мне, что хотел, чтобы твои вещи принесли сюда, — тихо говорит Ана. — Я подумала, что это было странно-мило с его стороны. Но он, должно быть, добавил и все это тоже. — Она делает паузу. — Ты собираешься переспать с ним сегодня вечером?

— Я заставила его пообещать, что мы не будем, — шепчу я. — Что это будет просто брак по расчету, ненастоящий в этом смысле... — Я смотрю на шелковистую белую ночную

рубашку передо мной, достаточно короткую, чтобы касаться верхней части моих бедер, отделанную кружевом и вырезами на талии. Это красиво, хрупко и дорого, такая вещь, которую любая невеста мечтала бы надеть в свою первую брачную ночь.

Когда я оборачиваюсь, Ана недоверчиво смотрит на меня.

— И он согласился на это?

— Первоначально, да, но...

— София. — Ее лицо очень серьезно. — Если ты не пересподишь с ним, ваш брак может быть аннулирован. Ты ведь знаешь это, верно? Если он изменит свое мнение о твоей безопасности, если Росси будет давить на него постфактум, он может разрушить ваш брак, просто признавшись в этом. Черт возьми, если Братва снова наложит на тебя лапы, ты более ценна, если тебя все еще не трогают... — Она выглядит слегка бледной. — Соф, просто переспи с ним один раз. Ты будешь в гораздо большей безопасности.

— Я не могу, — шепчу я, закрывая дверцу шкафа, чтобы мне не пришлось видеть платье. — Я просто не могу.

— Ты не находишь его привлекательным? — Ана склоняет голову набок. — Разве ты не хочешь его?

— Я... — Воспоминание о прошлой ночи снова прокладывает себе путь в мой мозг, воспоминание о его пальцах, вторгающихся туда, куда никогда не проникал никто другой, о том, как он гладил меня, пока я не задрожала, не задрожала, отчаянно желая большего. Ощущение его члена, зажатого между моих бедер, из-за чего так легко представить, как он мог бы скользнуть внутри меня. Он был таким твердым, таким толстым, почти пугающим, но это тоже завело меня.

— Ты покраснела. — Ана прищуривает глаза. — Потому что ты действительно хочешь его, или потому что что-то случилось?

Она слишком хорошо меня знает.

— Кое-что случилось, — бормочу я. — Прошлой ночью.

— Боже мой. — Она хватается меня за локоть, подталкивая к кровати. — Что?

— Я ушла с репетиционного ужина, и он был зол, когда нашел меня. Он подумал, что я сбежала. Он сказал, что я смутила его, так что, я думаю, может быть, он просто хотел унижить меня. Он привел меня сюда и поцеловал...

— И? — Спрашивает Ана. — Ты можешь рассказать мне, Соф, я рассказывала тебе столько вещей, которые я сделала. Я не собираюсь быть удивленной или шокированной.

Она, конечно, права, она радостно делилась грязными подробностями столько своих переписок, вплоть до размера членов, или его отсутствия, и странных вещей, которые она делала или хотела делать в постели.

— Он наклонил меня над диваном и дотронулся до меня... — Я неопределенно машу рукой ниже талии.

— Он заставил тебя кончить? — Ана пристально смотрит на меня. — Ты действительно никогда раньше не делала ничего большего, чем поцелуй, не так ли?

Теперь я яростно краснею.

— Нет, — шепчу я. — И нет. Он приблизил меня к оргазму, а потом остановился. Он не позволил мне кончить.

— Гребаный мудака, — бормочет Ана. — Но, я думаю, это отличный способ донести свою точку зрения. Что еще?

— Он... — Я даже не могу подобрать слов. — Он кончил, на...на меня.

— О черт. — Ана прикрывает рот рукой. — Я имею в виду, обычно я бы подумала, что это немного горячо, но я думаю... нет, я все равно думаю, что это немного горячо. Но для тебя...

— Я просто была смущена, — шепчу я. — Может быть, все было бы по-другому, если бы он остался потом, если бы он заставил меня... кончить... или вел себя так, как будто ему вообще было не все равно. Но он просто ушел. Оставил меня там, склонившуюся над диваном с задраным платьем, и ушел, как только он закончил. Использовал как секс-игрушку или что-то в этом роде.

Мы обе очень долго молчим. Ана смотрит на меня с сочувствием.

— Я не думаю, что он знает, как делать что-то еще с женщиной, честно говоря. Из того, что я слышала о нем, он трахал и бросал женщин по всему Манхэттену с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы испытывать стояк.

— Ну вот, ты понимаешь, почему я не хочу с ним спать, — говорю я сухо.

— Не хочешь? Или не будешь?

Это действительно вопрос, не так ли?

— Не буду, — наконец признаю я. — Конечно, я думаю, что он великолепен, Ана. Он самый горячий мужчина, которого я когда-либо видела вблизи. И он знает, что делает, когда дело доходит до... — Я прикусываю губу, пытаюсь выкинуть воспоминания о прошлой ночи из головы.

— Так почему же?

— Это единственное, что я могу сохранить, — шепчу я. — Я не могу закончить свое образование. Мои планы на жизнь рухнули. Сейчас я живу здесь, скоро я буду жить в квартире, которую он выберет для меня. Я должна выйти за него замуж, повиноваться ему, вести себя так, будто я счастлива быть его женой на публике, и все это для того, чтобы я могла жить. Так что мне не придется провести остаток своей жизни, оглядываясь через плечо. Единственное, что я могу контролировать, это спать с ним сегодня или нет.

Ана на мгновение прикусывает губу, глядя на меня.

— В этом есть смысл, — наконец говорит она. — Прости, София. Если бы я могла придумать какой-нибудь способ для тебя выпутаться из этого...

— Я знаю.

— Просто будь осторожна. — Она наклоняется, крепко обнимая меня. — Будь умной. Не позволяй своим эмоциям взять над тобой верх.

Я обнимаю ее в ответ, прижимаясь к ней так долго, как только могу. От нее пахнет ее сладкими ванильными духами, и я ненадолго возвращаюсь к дням, проведенным в ее комнате, пока она одевалась для свидания, или мы прижимались друг к другу на диване за просмотром фильма, или вместе тусовались на кухне, пытаюсь испечь что-то новое. Целая жизнь и дружба отняты у меня в одно мгновение. Лука может позволить ей по-прежнему навещать меня или выходить под усиленной охраной, но это уже никогда не будет прежним.

— Пойдем, — говорит Ана, и я вижу, что ее глаза такие же затуманенные, как и мои. — Давай оденем тебя.

* * *

Час спустя мои волосы завиты и заколоты сзади, а макияж нанесен мягким и розовым свечением так, что я выгляжу, как будто сияю. Ана застегивает молнию на моем платье и застегивает все пуговицы на спине, а затем вставляет в мои волосы маленький золотой гребень с бриллиантами, прикрепляя к нему вуаль.

— Это принадлежало моей бабушке, — говорит она. — Ты можешь вернуть мне его позже, но пока это может быть то, что ты позаимствовала.

Украшения. Это напоминает мне о подарке Луки.

— Спасибо, — говорю я ей, осторожно поворачиваясь на высоких каблуках, чтобы снова ее обнять. — В этих коробках что-то мое голубое.

У Аны отвисает челюсть, когда она поднимает крышку с той, что поменьше.

— О боже мой...они прекрасны.

— Они принадлежали матери Луки, — тихо говорю я. — Он оставил этот комплект прошлой ночью.

Ана выглядит такой же растерянной, какой чувствовала себя я.

— Я его не понимаю, — говорит она, качая головой.

— Я тоже. — Я поворачиваюсь лицом к зеркалу, убирая с лица выбившийся локон. — Но я выхожу за него замуж сегодня.

К тому времени, как мы заканчиваем, я становлюсь воплощением идеальной невесты. Платье сидит безупречно, моя прическа и макияж идеальны, бриллианты и самоцветы в ушах, на запястьях и пальцах сверкают на свету, а вуаль развевается позади меня, как мягкое облако тюля.

Я протягиваю руку, прикасаясь к крестик у себя на шее, единственному украшению, которое я ношу и которое выглядит немного неуместно, хотя мне на это наплевать.

— Я бы хотела, чтобы моя мама была здесь, — тихо говорю я. — И в то же время я рада, что это не так, так что ей не обязательно знать, что это происходит.

— Мне так жаль, София. — Ана выглядит так, словно изо всех сил пытается сдержать слезы. — Я хотела бы, чтобы этот день был для тебя счастливым.

— Я просто рада, что ты будешь там на церемонии. — Я делаю глубокий вдох, в последний раз глядя в зеркало. — Хорошо. Поехали.

Я рада, что мне не нужно беспокоиться о том, что я увижу Луку, когда мы будем уезжать. Водитель лимузина ждет нас у лифта, а лимузин стоит в гараже, блестящий и черный в свете фар. Ана не утруждает себя доставанием шампанского, как только мы заходим внутрь, ни у кого из нас нет настроения праздновать. Вместо этого я наблюдаю за пробками, пока мы едем к церкви Святого Патрика, думая о том, как я собираюсь пережить следующий час, прием после него и сегодняшний вечер. Сегодня вечером мы остановимся в отеле Plaza вместе с остальными главными гостями свадьбы, Лука сообщил мне это в тот день, когда я подписала контракт, и нам придется провести ночь в одном номере, независимо от моих условий.

Даже если он сдержит свое обещание не прикасаться ко мне, мне все равно придется провести с ним целую ночь. Выхода из этого нет. У меня возникло бы слишком много вопросов, будь у меня своя комната, даже если бы мы провели в ней достаточно времени вместе, чтобы имитировать завершение. Я знаю, что у меня нет шансов избежать этой части ночи.

Когда мы выходим из лимузина, небо серое и облачное, собор нависает над нами с Анной, когда мы поднимаемся по ступенькам. Катерина ждет нас в вестибюле, одетая в темно-синее кружевное платье и держащая букет из белых роз. Она вручает мне букет побольше, нервно поглядывая на Анну.

— Прости, — мягко говорит она. — Я должна встать рядом с ней как подружка невесты. Это должна быть ты, но...

— Они не могут допустить, чтобы русская девушка стояла перед собором, полным итальянской мафии, — сухо говорит Ана. — Я поняла. — Она наклоняется, целует меня в щеку, прежде чем накинуть вуаль на мое лицо. — Ты можешь сделать это, Соф, — мягко говорит она. — Ты сильнее, чем даже сама думаешь.

— Только из-за тебя. — Я сжимаю ее руку. — Я постараюсь поймать тебя, прежде чем мы покинем церковь. И я скоро увижу тебя, я обещаю. Я не позволю Луке разлучить нас.

— Надеюсь, что нет. — Ана грустно улыбается мне, прежде чем проскользнуть в церковь, чтобы найти свое место, все время избегая взгляда Катерины.

Катерина закусывает губу.

— Мне так жаль, — шепчет она.

— Все в порядке. — Я делаю глубокий вдох, заставляя себя улыбнуться, когда сжимаю букет. — Это не твоя вина.

— Я...

Что бы Катерина ни собиралась сказать, ее прерывает Франко, входящий в двери. Он присвистывает, увидев меня.

— Я никогда не пойму, почему у Луки сейчас такое вытянутое лицо, — говорит он со смехом, беря Катерину за руку. — Давай, любимая. Я провожу вас наверх.

Катерина одаривает меня последней натянутой улыбкой, когда начинается свадебный марш, заглушающий все, что кто-либо из нас мог бы сказать. Мое сердце колотится в груди, пока я жду, когда подойдет моя очередь, мой желудок скручивается в узел. Не споткнись, лихорадочно думаю я, ожидая у дверей. Не плачь.

Не бойся.

Я вижу Луку, когда начинаю идти по проходу, тщательно подстраивая свои шаги под музыку. Я рада этому, это дает мне возможность на чем-то сосредоточиться, но я не могу оторвать от него глаз. Он выглядит красивее, чем когда-либо, высокий и худощавый в идеально сшитом костюме цвета древесного угля, но его лицо твердое, как камень. Я не вижу там никаких эмоций, когда я, наконец, подхожу и встаю в конце прохода, надеясь, что мой букет скроет дрожь в моих руках.

Отец Донахью прочищает горло, когда музыка затихает.

— Невеста готова выйти замуж?

Слова застревают у меня в горле. На мгновение мне кажется, что я не смогу говорить, и мой взгляд скользит к Луке под моей вуалью, задаваясь вопросом, о чем он думает. Я помню его слова, сказанные прошлой ночью. Один телефонный звонок, и я буду мертва.

— Да. — Мне удастся произнести слова вслух, твердо, а не шепотом, как я боялась, они прозвучат. Мне кажется, я вижу вспышку восхищения в глазах Луки, когда я подхожу, чтобы встать перед ним, но я не могу быть уверена.

Месса продолжается, кажется, целую вечность: причастие, молитвы, Священное Писание, слова. Я сосредотачиваюсь на движениях, вспоминая коленопреклонение и стояние, когда смотреть в лицо Луке, а когда отцу Донахью, просто чтобы довести меня до конца. Чем меньше я думаю о том, что происходит на самом деле, тем лучше.

Когда отец Донахью начинает произносить обеты, я едва могу сосредоточиться на словах. Широкие гладкие руки Луки сжимают мои, удерживая меня там, хотя и не так крепко, как я ожидала. Я слышу, как он повторяет "любить", "лежать", "почитать", и это все, что я могу сделать, чтобы не рассмеяться. Он не планирует делать ничего из этого, и я не могу не задаться вопросом, почему именно моя девственность может аннулировать наш

брак, когда каждое слово, которое Лука произносит в этот якобы священный момент, является ложью.

Когда наступает моя очередь, я чувствую, как пульс поднимается к горлу, угрожая задушить меня.

— Я, София Наталья Ферретти, беру тебя, Лука Антонио Романо, в мужа. — Слова выходят спокойно, равномерно, и я не знаю, как мне вообще удастся произносить их вслух, как будто все в порядке. Как будто я хочу быть здесь, произнося эти клятвы. — Я обещаю быть верной тебе в хорошие и плохие времена, в болезни и здравии, любить и почитать...

Я делаю паузу. Слушаться. Я не могу заставить себя сказать это. Я не хочу подчиняться ему. Я не хочу принадлежать ему, но прошлой ночью я принадлежала. Прошлой ночью мое тело выгнулось навстречу ему, как цветок, ищущий солнца. Я думаю, это была похоть, а не любовь. Не послушание. Руки Луки предостерегающе сжимаются вокруг моих. Я вижу выражение его глаз сквозь дымку вуали, говорящее мне, что прямо сейчас я хожу по тонкому льду. Что я должна тщательно подбирать свои следующие слова.

Позади меня кто-то откашливается. Дон Росси? Волна холодного страха захлестывает меня, и я выдавливаю слова, спотыкаясь о них в спешке.

— ... любить, почитать и слушаться тебя, все дни моей жизни.

Хватка Луки ослабевает, и когда я поднимаю на него взгляд, я вижу что-то похожее на облегчение на его лице. Он действительно так рад, что я прохожу через это? Я тупо задаюсь неммым вопросом. Он действительно так сильно хочет, чтобы я жила? Почему?

Остальная часть церемонии проходит как в тумане. Я едва замечаю, как Лука надевает мне на палец обручальное кольцо, едва справляюсь со своими оставшимися клятвами, когда я неуклюже надеваю его золотое кольцо на него. Прежде чем я это осознаю, я слышу, как отец Донахью говорит Луке, что он может поцеловать невесту, и когда Лука тянется к краю моей вуали, я чувствую слабость.

Его рука касается моей щеки, когда он натягивает тюль мне на голову, рассыпая его по моим волосам, а затем его ладонь прижимается к моей щеке, он поднимает мое лицо вверх, его губы касаются моих в сладком, почти целомудренном поцелуе.

Я чувствую, как слезы жгут мои веки. Вот на что это было бы похоже, если бы это было реально. Если бы он любил меня. Если бы я любила его. Поцелуй нежный, как целуют того, кого любят, и мое сердце болезненно сжимается, когда я смакую его всего секунду, зная, что, возможно, это единственный раз за всю оставшуюся жизнь, когда кто-то целует меня таким образом.

Это ложь, но я все равно позволяю себе насладиться этим на секунду.

А затем мы поворачиваемся лицом к хлопающей аудитории на своих скамьях, и я слышу голос отца Донахью позади нас.

— Я представляю вам, мистера и миссис Романо!

Дело сделано. Клятвы произнесены, брак засвидетельствован.

Я жена Луки.

До тех пор, пока мы оба будем живы.

ЛУКА

Я женатый мужчина.

Наконец-то.

Дело не в самом браке, конечно. Я был бы очень счастлив провести все свои дни убежденным холостяком. Но теперь, когда дело сделано, засвидетельствовано, подписано и скреплено печатью, я могу обратить свое внимание на устранение непосредственной угрозы Братвы, отправив их ползти обратно на их собственную территорию, а затем поселить Софию в хорошей, роскошной квартире как можно дальше от меня.

Я смогу забыть о ней. О том, что произошло прошлой ночью. О том, как это было чертовски здорово, как это заводило меня больше, чем любой секс, который у меня когда-либо был, несмотря на то, как мало мы на самом деле делали. Прошлая ночь никак не удовлетворила мое желание к ней. Если уж на то пошло, это разожгло пламя еще сильнее. Вот почему мне нужно, чтобы она исчезла с моих глаз как можно скорее, прежде чем я повторю то, что произошло прошлой ночью. Хуже того, прежде чем я окончательно потеряю контроль.

Прием — грандиозное мероприятие, полностью организованное Катериной и Джулией Росси. София выглядит немного несчастной, когда мы входим, и я поворачиваюсь к ней, заставляя себя выглядеть как можно приятнее.

— Никому из нас это не нравится, — говорю я ей категорично. — Но, по крайней мере, постарайся не выглядеть так, будто ты собираешься разрыдаться.

София ничего не говорит. Ее лицо выглядит бледнее обычного.

— Давай просто покончим с этим, — бормочет она, не встречаясь со мной взглядом. — На этот раз я не сбегу.

В ее голосе есть резкость, которая пугает меня, но я предпочитаю не обращать на это внимания. Вместо этого я беру ее за руку, которая безвольно лежит в моей, наши пальцы едва соприкасаются, когда мы проходим через широкие двойные двери в приемный зал.

Все в золотисто-белом цвете, с дорогими атрибутами стульями и фарфором по всей комнате, россыпью белых и розовых цветов на всех возможных поверхностях, и наш стол во главе всего этого.

— Столик для влюбленных, — бормочет София с оттенком сарказма, проследив за моим взглядом. На этот раз я согласен с ее отношением к этому.

Все было спланировано до мельчайших деталей, и ничто из этого не кажется личным ни одному из нас, что кажется уместным. Я сохраняю приятную улыбку на лице, когда мы проходим мимо гостей, и, к моему удивлению, София делает то же самое, но внутренне все, чего я хочу, это чтобы все поскорее закончилось. Я уже подсчитываю минуты до того, как смогу сбежать в отель. На самом деле это не будет более расслабляющим. Нам с Софией придется провести ночь вместе, а это значит, что это будет либо чертовски неловко, либо какая-то вариация прошлой ночи, когда ни один из нас не уйдет полностью удовлетворенным. Все это, в сочетании с моим новым нежелательным статусом мужа, приводит меня в мрачное настроение. Но я не достиг бы того, кто я есть, не контролируя свои эмоции, и поэтому в комнате нет ни одного человека, который бы это понял.

Кроме, может быть, Софии. Удивительно, но я ловлю ее взгляд на мне время от времени, когда мы занимаем свои места за столом, когда начинает подаваться ужин, с легким беспокойством в ее глазах. Она беспокоится за себя или за меня? Мрачно размышляю я, ковыряя филе у себя на тарелке.

Еда вкусная, пятизвездочная и, несомненно, дорогая, но это очень мало улучшает мое настроение. Я провел всю свою сознательную жизнь, обедая в изысканных ресторанах, так что дорогая еда на мои собственные деньги, это не совсем удовольствие. Мы с Софией почти не разговариваем друг с другом, используя еду как оправдание, но это тоже не может длиться вечно. В конце концов приходит время для нелепых свадебных традиций, таких как наш первый танец, и мне снова приходится сталкиваться с необходимостью прикасаться к своей уже жене. Не то, чтобы я не хотел прикоснуться к ней. На самом деле все с точностью до наоборот. Воспоминание о том, что мы делали прошлой ночью, все еще запечатлено в моих мыслях, и мне пришлось весь день бороться, чтобы не думать об этом исключительно для того, чтобы избежать неизбежной физической реакции. И поцелуй в церкви...

Мне с трудом удалось не возбудиться. Я сохранил поцелуй коротким именно по этой причине, но даже это прикосновение моих губ к ее заставило меня жаждать большего. Я никогда раньше не целовал ее так, сладко и нежно, моя рука касалась ее лица, обхватив его ладонью, когда я нежно целовал ее. Я сделал это ради зрителей, чтобы продолжить представление, но в конце концов это заставило меня захотеть чего-то, чего я никогда не знал, что могу желать. Это заставило меня задуматься о том, каково это, иметь жену, которую я люблю, настоящую связь с кем-то, и на краткий миг я возжелал этого.

Это невозможно, напоминаю я себе. По-настоящему любить означает возможность это потерять. И я даже не уверен, что у меня есть способность чувствовать это к чему-либо или к кому-либо. Это сделало бы меня слишком уязвимым, когда я всю свою жизнь тренировал себя быть кем угодно, только не таким.

Первая танцевальная песня, что-то медленное и сладкое, чего я не узнаю, что-то о поиске настоящей любви в незнакомых местах, вероятно, что-то из хит-парада top 100, который выбрала Катерина. Когда я беру Софию за руки, я чувствую, что она напряжена, и я наклоняюсь ближе, чтобы прошептать ей на ухо.

— Похоже, мне это нравится, — бормочу я, покачиваясь вместе с ней. — Мы должны быть счастливы.

София немного откидывает голову назад, глядя мне в глаза. Впервые я замечаю, что ее глаза не просто коричневые, они почти ореховые, с маленькими зелеными и золотистыми вкраплениями. Я никогда раньше не был так близко к ней, и у меня хватило присутствия духа заметить ее глаза.

— Тебе никогда не надоедает лгать? — Тихо спрашивает она. — Разве это просто не становится утомительным?

— Большая часть моей лжи была сделана с тех пор, как я встретил тебя. — Я поднимаю бровь, глядя на нее сверху вниз, и она хмурится, явно сбита с толку. Но прежде, чем кто-либо из нас успеет сказать что-нибудь еще, музыка заканчивается и начинается более оптимистичная песня, сигнализирующая о том, что всем остальным пора выходить на танцпол.

Дон Росси появляется у моего локтя, широко улыбаясь.

— Могу я потанцевать с невестой? — Спрашивает он почти веселым тоном, и у меня нет выбора, кроме как передать ее. София снова слегка бледнеет, но я просто сохраняю свою приклеенную улыбку, моя рука скользит по ее талии, когда я прохожу мимо нее.

— Наслаждайся, — криво шепчу я и шагаю обратно к столу, где ждет мой напиток.

Все зашло слишком далеко слишком рано. Я делаю последний глоток дорогого скотча и направляюсь к бару, рассчитанному на четыре персоны, где гости ждут свои напитки. Я не

могу начать подсчитывать, сколько их здесь, женщины Росси, безусловно, приложили все усилия, чтобы никто не почувствовал себя ущемленным, не получив приглашения. Я, с другой стороны, могу почувствовать себя более чем немного ущемленным, как только мне вручат счет.

Пока София занята, я улучаю время, чтобы побродить в одиночестве, захожу в мужской туалет со стаканом в руке и медленно возвращаюсь, не спеша присоединиться к вечеринке. Но на обратном пути я заворачиваю за угол и оказываюсь лицом к лицу с Доном Росси, у которого на лице более мрачное выражение, чем я когда-либо видел, когда смотрел на меня.

— Лука. — Его голос холодный и жесткий, заставляя меня немного вздрогнуть вопреки себе. Я уже слышал, как он говорил таким тоном раньше, и то, что обычно следует за этим, это не то, чего я бы когда-либо хотел, чтобы направляли в мою сторону. — Нам нужно поговорить.

— Ну, это предложение, которое ни один мужчина никогда не захочет услышать, особенно на своей свадьбе. — Я ухмыляюсь, надеясь разрядить обстановку, но Росси даже не моргает.

— Где-нибудь наедине.

— Ну, я только что вышел из мужского туалета. — Я пытаюсь еще раз, но, в любом случае, выражение его лица только мрачнеет еще больше.

— Это не шутка, Лука. Пойдем, сейчас же.

В итоге мы стоим в дальнем углу вестибюля отеля, далеко от того места, где проходящие мимо гости или любопытные уши могли что-нибудь подслушать, и особенно далеко от стойки регистрации. Я хмурюсь, с любопытством глядя на него.

— Что происходит? Братва? — Мы не только не скрывали свадьбу и вечеринку, но и сделали все возможное, чтобы транслировать это. Мы хотели, чтобы каждый член Братвы от Манхэттена до Джерси и Балтимора знал, что София Ферретти вышла замуж и больше не была фигурой в игре.

— Нет, — коротко отвечает Росси. — Что-то гораздо более близкое.

— Я выпил слишком много скотча, чтобы ты мог говорить загадками, — говорю я категорично, в меня закрадывается немного раздражения. — В чем дело?

— Тебе не мешало бы следить за своим тоном со мной, сынок. — Голос Росси холоднее, чем я когда-либо слышал, когда мы разговаривали, даже в тех редких случаях, когда он был недоволен мной. — Ты знаешь, что я делаю с мужчинами, которые мне лгут?

При этих словах мое тело становится холодным, как могила. Черт. Я не знаю, как он мог узнать правду или почему он начал копать, но я точно знаю, что будет дальше. И что еще хуже, у меня нет оправданий. Никаких оправданий, кроме того факта, что я без ума от этой девушки, что он сочтет слабостью. И если Росси подумает, что София делает меня слабым, он увидит в ней еще большую помеху. То, что мы женаты, не означает, что с ней никогда не случится несчастного случая, и если Росси решит, что моя лояльность поставлена под угрозу, он не будет колебаться.

Вот почему я не могу любить. Почему я не могу сблизиться с кем-то настолько, чтобы это отвлекало меня. Почему каждую женщину, с которой я когда-либо ложился в постель, тут же вышвыривали обратно. Любовь — это слабость. А слабость здесь недопустима.

— Ты сказал мне, что София не девственница. Что на утро нет необходимости в свидетелях, потому что она не оставит пятен. И теперь, Лука, я узнаю, что ты солгал мне.

Я не утруждаю себя вопросом, откуда он знает. Если бы мне пришлось догадываться, он каким-то образом загнал Софию в угол и обманом заставил ее признаться, что она девственница. Мне следовало сказать ей, что я солгал ради нее, но по моему опыту, чем больше людей знают о лжи, тем хуже тебе. И все же вот я здесь, в худшем положении.

Все, что я могу сейчас сделать, это попытаться спасти ситуацию.

— Я не знаю, почему ты пытаешься отказаться от того, чтобы лечь в постель со своей женой, — с отвращением говорит Росси. — Бог свидетель, она достаточно красива, молода и невинна, этого должно быть достаточно для любого мужчины. Может быть, она каким-то образом обманом заставила тебя согласиться не прикасаться к ней, не говори мне, сделала ли она это, — добавляет он. — Я уважаю тебя, Лука, и я не хочу, чтобы у меня были еще какие-либо причины чувствовать себя иначе. Но какой бы ни была причина, это не имеет значения.

— Мне не нравится идея принуждать женщину, — тихо говорю я.

— Человек с моралью. — Росси качает головой. — Я никогда не отрицал, что у каждого человека должен быть свой кодекс, но сейчас не время, Лука. Не может быть никаких сомнений в законности этого брака. Я уже говорил тебе об этом. Так что мне все равно, что тебе придется сделать, чтобы засунуть в нее свой член, но этой девушке лучше стать законной женой к завтрашнему утру. Мы осмотрим кровать для новобрачных, как это принято. — Он делает паузу, и от выражения его глаз у меня по спине снова пробегает холодок.

— На этот раз я буду с тобой мягче, сынок, — говорит Росси бесстрастным и жестким голосом. — Ты всегда был верным и честным, и ты усердно работал для меня на протяжении многих лет. Я не мог бы просить большего от сына Марко Романо. Но если ты солжешь мне снова... — Он качает головой, и я знаю, что что бы он ни сказал дальше, это будет абсолютная правда. — Ты умрешь. И ты будешь умирать медленно. Я не терплю лжи, особенно от тех, кто может унаследовать все, что я построил.

— Я понимаю, — тихо говорю я. — Мне жаль, сэр. — Больше нечего сказать. Все остальное, отговорки, ущерб нанесен. Все, что теперь осталось, это восстановить этот самый ущерб так хорошо, как я смогу.

— Ты позаботишься об этом?

— Да. — Я делаю паузу. — Могу я задать тебе вопрос?

Росси пожимает плечами.

— Продолжай.

— Почему ты так заботишься о том, чтобы сдержать это обещание? Почему так необходимо, чтобы София умерла или вышла за меня замуж и стала моей женой во всех отношениях? Ты заботился о моем отце и о ее отце, я знаю, но ты делал гораздо хуже, чем нарушенные обещания, данные другу. Мы оба прошли через это. Почему бы не отослать ее куда-нибудь подальше? Почему бы не дать ей фальшивые документы и новую жизнь? Конечно, все это стоит намного дороже.

Я не спрашивал обо всем этом раньше, потому что это решение казалось более простым, я не хотел давать Росси повод думать, что я не хочу жениться на ней, и вместо этого выбирать его предпочтения... полностью устраняя ее. Но теперь с браком покончено. И я не могу не задаться вопросом, почему было только два варианта.

— Если она не мертва, за ней нужно иметь возможность наблюдать. Нам нужно всегда знать, где она находится. Позволить ей исчезнуть означало бы, что всегда был шанс, что

Братва сможет выследить ее и забрать без нашего ведома.

— Но опять же... она действительно так ценна? — Я не давил на него раньше, но теперь я давлю, несмотря на его злость на меня. Он все это время уклончиво говорил об этом, и если я собираюсь сказать Софии, что у нее нет другого выбора, кроме как лечь со мной в постель сегодня вечером, мне нужно знать правду. Мне нужно знать столько, сколько он мне скажет.

Он уступает всего дюйм. Но это уже что-то.

— Она может погубить всю семью, — мрачно говорит Росси. — Все, ради чего я работал, все, что я построил, достанется Братве, если она попадет к ним в руки.

— Как?

Я вижу, как его челюсть сжимается.

— Есть вещи, которые тебе пока не нужно знать, Лука. — Он делает паузу, допивая остатки своего напитка. — Просто делай свою работу. Трахни ее, иначе...

Росси поднимает свой бокал в притворном тосте, поворачивается на каблуках и оставляет меня стоять ошарашенным. Я думал, что сделал все, что должен был сделать. Я приютил ее, солгал ради нее и женился на ней. Но теперь я должен сделать что-то совсем другое.

И она не будет счастлива.

СОФИЯ

Удивительно, но прием оказывается более приятным, чем я ожидала, если не считать моего танца с Доном Росси. Все, что он говорил мне, заставляло меня чувствовать себя неловко, мне хотелось быть подальше от него, но как только песня закончилась и он передал меня другому гостю, я почувствовала, что начинаю немного расслабляться. Мне потребовалось много времени, чтобы заметить, что Лука не вернулся. Я так занята танцами со всеми, кто хочет потанцевать с невестой, что у меня нет другого выбора, кроме как быть любезной и участвовать во всем этом зрелище, и хотя я никогда не была любительницей больших вечеринок или танцев, я должна признать, что впечатления лучше, чем я думала.

Если я забуду, что все они либо члены этой семьи, которая втянула меня в нежелательный брак, либо связаны с ней, это не так уж плохо. Все добры и поздравляют, исходя из предположения, что Лука и я хотим этого брака, и это приятная перемена от ощущения себя нежеланной. Даже Франко, который, как я думала, должен быть в курсе всей ситуации, кружит меня по танцполу так радостно, как мог бы любой шафер, поздравляя меня с вступлением в семью.

Только когда Лука возвращается, я понимаю, что что-то не так.

Он всегда попеременно холоден и горяч со мной, в один момент хочет меня, а в следующий закрывается, но когда он возвращается, в нем что-то меняется. Он не смотрит мне в глаза, даже когда мы разрезаем свадебный торт, быстро целует меня в щеку для фото и не смотрит на меня, когда мы кормим друг друга обязательным куском торта. Он выглядит почти виноватым, как будто хранит секрет, о котором не хочет, чтобы я узнала.

Мы остановились в том же отеле, где проходит прием, и, кажется, это длится

часами. Семья, состоящая в основном из людей среднего и пожилого возраста, безусловно, умеет повеселиться, и к полуночи все по-настоящему пьяны, наслаждаясь поздним ужином, который подают на стойке регистрации.

— Катерина и миссис Росси действительно превзошли самих себя, — шепчу я Луке, пытаюсь заставить его что-нибудь сказать, но он только хмыкает, игнорируя меня в пользу очередного глотка скотча, который, казалось, непрерывно находился в его стакане весь вечер. Я не могу сказать, пьян он или нет, но у него, по крайней мере, происходит приличный кайф.

Я, с другой стороны, остаюсь трезвой как стеклышко. Я не доверяю себе, чтобы не сказать что-нибудь неуместное или, может быть, просто не расплакаться, если выпью больше одного или двух бокалов шампанского. Несмотря на то, что ночь была не такой ужасной, как я ожидала, это все равно прием в честь свадьбы, которой я не хотела, и здесь нет ни одного знакомого мне человека, за исключением Катерины и Луки, что мало о чем говорит. Мне удивительно нравится Катерина несмотря на то, что она дочь донна Росси, но она далека от того, чтобы называться близкой подругой.

Только после того, как мы уходим с радостными криками, аплодисментами и громкими шутками, а в нашей комнате за нами плотно закрывается дверь, Лука поворачивается ко мне с таким выражением лица, как будто кто-то только что прошел по его могиле.

— Нам нужно поговорить, — тихо говорит он. Он тяжело опускается на ближайший стул, тербит галстук, и я вижу, что он немного пьян.

Мое сердце подпрыгивает в груди, горло сжимается. Ничто в его тоне не говорит о том, что это что-то хорошее, и я сдерживаю свое разочарование. Я думала, что свадьба сегодня означает, что все будет хорошо, я хочу огрызнуться, но я этого не делаю. На этот раз Лука не выглядит холодным, или раздражительным, или воинственным. Он просто выглядит измученным.

Пока я стою там, ожидая, что он скажет что-нибудь еще, я вижу, как его взгляд скользит по мне, от моего лица вниз по платью до пола и обратно. Однако в этом нет ничего холодного или оценивающего, равно как и нет того горячего желания, которое я видела там раньше, желания обладать мной, заставить меня подчиниться ему.

— Ты прекрасно выглядишь, — мягко говорит он, и все, что я могу сделать, это стоять там, потеряв дар речи.

Это не тот Лука, которого я знаю.

— Что происходит? — Спрашиваю я, мой голос немного дрожит. — Есть какая-то проблема? Что-то пошло не так?

— Это Росси, — говорит Лука, наклоняясь вперед.

— Что насчет него? — Я стараюсь говорить нейтральным тоном, даже когда мое сердце начинает учащенно биться. Я чувствую это старое знакомое ощущение, это предупреждение об опасности, и это все, что я могу сделать, чтобы не выбежать из гостиничного номера. Но что бы Лука ни собирался мне сказать, что бы ни должно было произойти, есть одна вещь, в которой я уверена.

Я не смогу избежать этого. Я вижу это по его лицу.

— Он знает, что ты девственница, — осторожно говорит Лука. — Я не знаю, как он узнал, но...

Я чувствую, как моя кровь превращается в лед. На секунду я не могу дышать, комната кружится вокруг меня. Я вспоминаю разговор, который у нас был с ним на танцполе, и

внезапно все обретает смысл.

— Это моя вина, — шепчу я. — Я не знала, что он не был в курсе...

Лука мгновенно вскакивает на ноги и направляется ко мне.

— Что случилось? — Резко спрашивает он. Его пристальный взгляд встречается с моим, яркий и напряженный, и я внезапно чувствую себя очень маленькой под ним.

— Он спросил меня, нервничаю ли я. — Я делаю паузу, покусывая нижнюю губу. — Я не была уверена, что он имеет в виду, и он сказал “брачная ночь”... он поинтересовался, беспокоюсь ли я о первом разе.

— Ты сказала ему, что я согласился не прикасаться к тебе? — Голос Луки повышается, становится глубоким и громоподобным. — Что, черт возьми, ты сказала, София?

Я отступаю назад.

— Нет! Мне показалось странным, что он спрашивает меня о сексе с тобой. Я просто сказала, что на самом деле не нервничаю, что я уверена, что ты знаешь, что делать, и что ты поможешь мне пройти через это. А потом он просто кивнул, как будто я ответила за него на какой-то вопрос, и передал меня другому гостю, который хотел потанцевать. Мне это показалось странным, но...

Воспоминание о моем танце с Доном Росси возвращается ко мне, о том, как он смотрел на меня сверху вниз с той очаровательной улыбкой на лице, как его глаза скользили по мне, словно оценивая. То, как он небрежно спросил:

— *Ты нервничаешь, малышка? За свою первую ночь с таким мужчиной, как Лука?*

Я, конечно, сказала нет, что я совсем не нервничаю.

— *Это должно быть то, чего стоит ждать с нетерпением, верно? — Весело сказала я. — В первый раз со своим мужем? — И он понимающе улыбнулся, как будто я только что рассказала ему что-то, что его интересовало.*

Что, конечно, теперь я знаю, у меня было.

Я смотрю на Луку, сцепляя руки вместе, чтобы они не дрожали.

— Что происходит? — Спросила я.

Его челюсть плотно сжимается, мышцы там работают, и я вижу, как он сохраняет самообладание. От страха у меня почти кружится голова, потому что я могу сказать, что это нечто большее, чем просто его раздражение или злость на меня. Что-то очень, очень не так.

— Я солгал ради тебя, — выпаливает он, нависая надо мной. — Ты знаешь что-нибудь о брачных обычаях мафиозных семей, София?

— Нет, — шепчу я. — Мне никогда не было необходимости, я...

— Обычай, — резко говорит он, подчеркивая каждое слово, — заключается в том, что родители жениха и невесты, подружка невесты и шафер поднимаются в спальню на следующее утро, чтобы убедиться, что брак заключен. Это традиция, доказать, что брак настоящий и законный, и что жених лишил невесту девственности. Это старо, — добавляет он, видя выражение моего лица, — но это обычай. И поскольку ты настаивала, чтобы я не прикасался к тебе в качестве условия нашего брака, что ж, ты можешь видеть, как это поставило меня в трудное положение.

— Ты должен был сказать мне, — шепчу я. Я чувствую, что не могу дышать.

— Ты права, — признает он, и я чувствую, как мои глаза расширяются просто от шока от этого признания. — Но по моему опыту, чем больше людей знают, что ты солгал, тем быстрее эта ложь раскроется.

— И что теперь? — Я обхватываю себя руками, мягкое кружево платья трется о мою

кожу. — Что происходит?

Лука смотрит на меня сверху вниз на мгновение, и между нами затягивается тишина.

— Мы должны переспать сегодня вечером, — говорит он наконец.

Я смотрю на него, потеряв дар речи. Моя первая, немедленная мысль, что он лжет мне, чтобы затащить меня в постель. Но, глядя в его глаза, я вижу, что это не так. Я видела голод в его глазах, и желание, и похоть. Я видела, как он смотрит на меня, когда хочет заставить меня умолять его, когда он хочет, чтобы я подчинилась его воле. Это не то. Он выглядит почти побежденным, как человек, которого загнали в угол и у которого нет выхода. На самом деле я не уверена, что хуже. Я не хотела, чтобы Лука принуждал меня, но я также не хочу, чтобы мой первый и, возможно, единственный опыт в постели был с ним, ведущим себя как мужчина, которого ведут на казнь.

— Что произойдет, если я скажу нет? — Выпаливаю я. Это единственное, что я могу придумать, чтобы сказать.

— Тогда мы оба мертвы, — устало говорит Лука. — Росси не допустит ни малейшего шанса на то, что брак может быть аннулирован, каким бы незначительным он ни был. И если он думает, что моя преданность тебе перевешивает мою преданность ему, он и этого не потерпит. Если каким-то образом я это переживу, то не со всеми частями моего тела или моим положением в целости.

Он говорит это так бесцветно, как будто говорит мне, что небо голубое или что сейчас весна. Я, с другой стороны, в ужасе отшатываюсь.

— Но ты его наследник, — шепчу я. — Он бы избавился от тебя, так или иначе, просто так? Из-за одной лжи?

— Лояльность должна быть абсолютной. — Лука слегка натянуто улыбается мне. — Нам нравится думать, что мы лучше Братвы, более культурные, но по-своему мы одинаково жестоки. И Росси может быть по-своему жестоким человеком. — Он смотрит на меня сверху вниз, и по выражению его лица я вижу, что выхода нет. — София, изнасилование занимает далеко не последнее место в списке вещей, перед которыми Росси колебался бы. И хотя это противоречит моему личному моральному кодексу, это именно то, чего он ожидает от меня сегодня вечером, если ты откажешься.

— Так чего ты хочешь от меня? — Шепчу я.

— Я хочу, чтобы ты захотела. — Он говорит это просто. — А если нет, тогда я не знаю, что нам делать. Я не смогу жить с собой, если заставлю тебя, София. Я могу сделать очень многое, но не это. Но я также не хочу умирать медленно. Так что, как видишь, я в тупике.

Это самый долгий разговор, который у нас когда-либо был, и самый серьезный. Я впервые почувствовала, что он говорит со мной как с равной. Это не заставляет меня любить его, он мне даже не нравится, но это заставляет меня ненавидеть его чуть меньше. Это заставляет меня впервые почувствовать, что он не думает обо мне как о чем-то, чем можно пользоваться и управлять. По крайней мере, на этот раз он просит моего сотрудничества, а не требует его.

Я не хочу быть замужем за ним. Я даже не хочу его знать. Я хочу быть как можно дальше от этого, насколько это возможно. Но это не значит, что я хочу, чтобы он умер, не говоря уже о способах, которые, как я могу себе представить, мог придумать Росси и, вероятно, способах, которые я не смогу себе вообще представить. И я тоже не хочу умирать.

— Мне жаль, — просто говорю я.

Его лицо немного бледнеет, и я понимаю, что он думает, что я говорю ему нет,

извиняясь за то, что не могу уступить. Мгновенное превосходство ощущается как маленькая победа, и я хватаюсь за это, как за что-то, за что можно уцепиться.

— Я сделаю это. — Я прикусываю нижнюю губу, чувствуя, как мою кожу покалывает от страха и хотя я не хочу этого признавать... небольшого предвкушения. — Я не хочу этого, но я не хочу, чтобы кто-то из нас умирал. Я просто хотела бы, чтобы ты предупредил меня, что солгал об этом, — мягко заканчиваю я. — В конце концов, я твоя жена.

Уголок рта Луки чуть заметно подергивается. Затем он протягивает руку, убирая локон волос с моего плеча, кончиками пальцев проводит по моей ключице. Это заставляет меня резко вдохнуть, а его глаза на мгновение закрываются.

— Я приготовил себя сегодня спать в кресле, — усмехаясь говорит он. — Я не уверен, что я бы вообще не прикоснулся к тебе, София, особенно после прошлой ночи. Но мне нужно, чтобы ты знала... — Он делает глубокий вдох, и в его глазах что-то нечитаемое, что-то, что я не могу полностью расшифровать. — Я бы никогда не лишил тебя девственности против твоей воли, София. Я нехороший человек, но есть некоторые вещи, которые даже я бы не стал делать.

— Я знаю, — шепчу я. Я чувствую, как у меня учащается пульс, во рту пересохло, руки дрожат. — Я... — Я напугана, вот что я хочу сказать, но я не могу признаться в этом этому мужчине, этому великолепному, переменчивому мужчине, который смотрит на меня сверху вниз, готовясь впервые затащить меня в постель. Я недостаточно хорошо его знаю... я ему недостаточно доверяю.

— Я буду настолько осторожен, насколько смогу, — говорит Лука, его голос понижается на октаву. Я слышу, как он углубляется, становится грубее, и это вызывает во мне дрожь, которая может быть вызвана страхом или желанием, я не уверена, чем именно. — Но я не могу отрицать, что хочу тебя, София. И когда настанет этот момент...

Я не должна его хотеть. Ничто в этом мужчине не должно меня возбуждать. Но что-то в грубости его голоса, в том, как он говорит, что хочет меня так сильно, что едва может контролировать себя, мужчина, который может заполучить любую женщину, какую захочет, возбуждает меня вопреки мне. Я чувствую влагу на своих бедрах, мою кожу покалывает, когда его пальцы спускаются к промежности между моими грудями, к краю выреза.

— Ты прекрасна, — бормочет он. — Я серьезно. Ты самая прекрасная невеста, София.

Я поднимаю на него глаза, наблюдая, как его взгляд скользит по моей груди, и его лицо совершенно нечитаемое. Я не могу сказать, о чем он думает, чего не говорит, и моя грудь сжимается от беспокойства. Несколько раз, когда я пыталась представить свой первый раз, это было совсем не так. Иногда я представляла, как это происходит из ниоткуда, как я падаю в постель с кем-то, охваченная страстью, в других случаях я представляла это спланированным, сладким, медленным и преднамеренным.

Вместо этого я нахожусь в самом дорогом, роскошном гостиничном номере, в котором я когда-либо была, с самым великолепным мужчиной, которого я когда-либо видела, который прикасается ко мне, как к хрупкому сокровищу вместо того, чтобы обращаться со мной грубо, как он делал раньше. Я могу сказать, что он пытается облегчить мне задачу, и почему-то от этого становится только хуже, потому что я знаю, что на самом деле ему на меня наплевать. В конце концов, он просто спасает свою шкуру.

Лука поднимает глаза, встречаясь со мной взглядом.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он низким голосом. — Ты хочешь, чтобы я не торопился? Ты хочешь... — Он замолкает, но я знаю, что он предлагает. Ночь наслаждения,

когда он обращался со мной так, как обращал бы с любой женщиной, которую приводил домой в постель, ночь открытия всех прелестей, которые можно испытать с ним. Все тайны секса открылись бы мне за одну ночь.

И часть меня хочет этого. Я не могу этого отрицать. Моя кожа наэлектризована его прикосновениями, мои губы уже покалывает при воспоминании о его поцелуе. Я почувствовала вкус того, что он может мне дать, и если мой разум и сердце все еще сопротивляются, мое предательское тело быстрее сдастся. Но, как всегда, у меня есть выбор. Может быть, его не так много, как я думала, но я могу выбрать, как пройдет эта ночь. Сколько я ему дам. Я хочу удовольствия, но не в том случае, если это означает дать ему что-то, чего я не могу вернуть, что-то, чего я никогда не получу взамен. И я знаю, что если я откроюсь, если я позволю себе побаловать себя и раствориться в нем на одну ночь, я могу потерять все.

Я могу потерять больше, чем просто свою невинность. Лука — не тот мужчина, который когда-либо сможет полюбить меня. Не тот мужчина, который когда-либо сможет быть моим мужем в любом смысле, кроме самого строгого определения. И я не могу дать ему то, что дала бы, если бы он это сделал.

— Просто покончи с этим, — слышу я свой голос, более бесстрастный, чем я когда-либо слышала. Даже когда я говорю это, я чувствую, как мое тело восстает, желая большего, чем просто быстрой дефлорации, но я отказываюсь сдаваться. — Делай то, что должен.

Лука напрягается, его рука неподвижно скользит по моей груди. Я почти вижу, как он преображается, снова превращаясь в холодного, жесткого Луку, которого я так хорошо знаю, а не в почти ранимого мужчину последних полчаса.

— Очень хорошо, — говорит он ровным голосом, и я чувствую холодок в животе, когда осознаю, что я натворила. Я превратила сегодняшней вечер из того, чем мы оба могли бы получать хоть какое-то удовольствие, обратно в рутинную работу. Долг, которого никто из нас не хочет. И теперь, когда Лука не пытается быть нежным, он может быть кем-то гораздо худшим.

Затем он отворачивает меня от себя, его пальцы расстегивают пуговицы моего платья одну за другой, пока молния не обнажится. В комнате внезапно становится очень холодно, и я дрожу от его прикосновений, когда он дюйм за дюймом расстегивает молнию, открывая ему гладкую кожу моей спины. Когда платье расстегнуто, бретельки слегка соскальзывают с моих плеч, Лука кладет ладонь мне на спину. Его рука скользит вниз, ее жар обжигает мою кожу, а затем он тянется вверх, снимая бретельки с моих плеч.

Легким движением платье скользит по моим бедрам, собираясь вокруг моих ног на полу. Впервые я стою перед мужчиной в одном нижнем белье. Я внезапно жалею, что надела кружевные белые трусики, которые выбрала сама. Они были для меня, чтобы я чувствовала себя красивой, а не для него.

Словно прочитав мои мысли, Лука проводит пальцем по их краю.

— Ты, должно быть, имела какое-то представление о том, что может произойти сегодня вечером, — сухо говорит он, зацепляя кончиком пальца кружево. — Такое нежное, красивое белье для невесты, которая планировала остаться девственницей.

— Я надела их, для себя, — огрызаюсь я, скрещивая руки на обнаженной груди. — Не для тебя. — Я чувствую, что моя защита снова усиливается, теперь, когда я выбрала этот путь. Мои способы обезопасить себя от него.

Лука не отвечает, но в следующее мгновение он дергает их вниз одним пальцем,

позволяя им упасть на пол. Я задерживаю дыхание, с внезапной волной шока осознавая, что я полностью голая.

Он протягивает руку, выдергивая гребень из моих волос, так что они свободно падают вокруг моего лица, выбиваясь из закрутки, в которую Ана уложила половину их.

— Будь осторожен! — Ахаю я. — Это Аны...

Я слышу, как он звякает, когда он бросает его на ближайший комод.

— Повернись, — говорит Лука бесцветным голосом. — Я хочу увидеть свою жену.

Я купил тебя. Я помню, как он говорил мне эти слова прошлой ночью, и они никогда не казались такими реальными, как сейчас. Тот факт, что на карту поставлена моя жизнь, никогда не был так очевиден, как сейчас. Однажды я задумалась, что бы я сделала, если бы дело дошло до моей девственности или моей жизни и, думаю, я узнала.

Медленно я поворачиваюсь к нему лицом, мои руки все еще скрещены на груди. Я остро осознаю, что все остальное ему видно, но Лука пока не смотрит дальше того места, где мои руки крепко обхватывают меня. Он не говорит ни слова, только протягивает руку и хватается за руки, опуская их быстрым движением, которое оставляет меня полностью обнаженной для него.

Он всегда смотрел на меня, показывая, что хочет меня, никогда не скрывал своего очевидного желания. Но сейчас он просто оценивающе смотрит на меня и кивает, как будто я соответствую какому-то стандарту, о котором даже не подозревала. А затем он дергает головой в направлении позади меня, его лицо по-прежнему совершенно непроницаемо.

— Иди в кровать, — резко говорит он. — Откинь одеяло, ляг на простыню и включи прикроватный светильник.

У меня перехватывает дыхание. Я не знаю, чего я хотела, но это было не это. Это не нежно, но и не такое сильное желание, как прошлой ночью. В нем есть что-то холодное и механическое, и я хочу сказать ему, что я передумала, что я хочу, чтобы он сделал это хорошо для меня, для нас обоих, но слова застревают у меня в горле. Я не совсем могу с этим справиться.

Я медленно заползаю на кровать, откидываясь на мягкие пуховые подушки. Шелковистая простыня касается моей обнаженной кожи, и я чувствую себя полностью обнаженной, более уязвимой, чем когда-либо. Я включаю лампу у кровати, и Лука выключает более яркий верхний свет, оставляя нас в тусклом, более романтичном освещении.

Впрочем, в этом нет ничего особенно романтического.

Лука наблюдает за мной, развязывая галстук, бросая его на пол и снимая пиджак. Его глаза не отрываются от меня, небрежно скользя по моему обнаженному телу, когда он начинает расстегивать рубашку по одной пуговице за раз, обнажая кожу груди. Сначала это просто видимая худощавая, загорелая, мускулистая плоть, но когда он расстегивает рубашку и снимает ее с плеч, я, к своему шоку, вижу, что у него татуировки. На одном предплечье выгравирован святой, а на левой стороне груди, замысловатый узор, тянущийся вверх через плечо и частично вниз, весь в черных и серых тонах, обрамляющий его гладкую оливковую кожу.

Но это еще не все, от чего я не могу оторвать глаз. Одетый, он великолепен, но без рубашки он нечто совершенно иное, нечто, для чего у меня даже нет слов. Его грудь и пресс идеально мускулистые, стройные и рельефные, линии по обе стороны пресса исчезают в брюках от костюма таким образом, что у меня невольно текут слюнки. Когда его руки

тянутся к поясу, я вижу, что он возбужден несмотря на то, что мы едва соприкоснулись, и несмотря на то, что он явно пытается сделать это как можно более безличным. Он все еще возбужден мной...толстая, твердая выпуклость, которая портит идеальную линию его брюк, выдает это.

Лука видит, как мой взгляд скользит вниз, и улыбается, хотя это не касается его глаз.

— Нравится то, что ты видишь? — спрашивает он, расстегивая ширинку штанов и стягивая их со своим нижним бельем. Прежде чем я успеваю что-либо сказать, он опускает все это вниз по бедрам, обнажая мускулистый изгиб там, прежде чем опускает их и позволяет им упасть, позволяя мне увидеть его полностью обнаженным, я впервые вижу обнаженного мужчину во плоти.

Его член поднимается между мускулистых бедер, длинный, толстый и твердый, кончик блестит от его возбуждения, и когда он видит, что мой взгляд прикован к нему, он тянется к себе, обхватывает его рукой по всей длине и медленно поглаживает, пока идет ко мне.

— Ты хотела этого прошлой ночью, — хрипло бормочет он, его зеленые глаза темнеют от вожделения, когда он подходит к кровати. — Ты не можешь сказать мне, что ты этого не хотела. Я почувствовал это. Я почувствовал, какой ты была влажной, когда я скользнул между твоих ног...

У меня перехватывает дыхание, когда он останавливается на краю кровати, я испуганна и возбуждена одновременно, и я не могу отвести от него глаз. Сейчас я мокрая, вопреки себе, мою кожу покалывает, мои соски затвердели, хотя он никогда к ним не прикасался, и я жалею, что не хочу его. Но, наблюдая, как Лука идет ко мне, скульптурно вылепленный, как греческий бог, со своим твердым членом в руке, я не могу отрицать, что мое тело жаждет его. Я хочу закончить то, что мы начали прошлой ночью, и мне помогает то, что у меня нет выбора. Я должна это сделать, и постоянно растущая часть меня хочет наслаждаться этим.

Он забирается на кровать, и я резко вдыхаю, когда он наклоняется надо мной. Я чувствую себя маленькой в тени его тела, хрупкой и уязвимой, и когда он опускается на колени между моих ног, я лежу очень тихо, как кролик, прячущийся в траве.

Лука смотрит на меня сверху вниз, его лицо гладкое и нечитаемое, и я больше всего на свете хочу знать, о чем он думает. Его рука касается моей талии, и я вздрагиваю, мое тело подергивается под его прикосновением, когда он проводит ладонью вниз к изгибу моего бедра.

— Это будет больно в течение минуты, — бормочет он, его другая рука скользит между моих ног. — Но я постараюсь быть нежным.

Мое сердце бешено колотится. Я понимаю, что он не собирается меня целовать. Я просила его покончить с этим, и это именно то, что он собирается сделать. Он следует моим желаниям, что в некотором смысле само по себе является добротой, но мой желудок сжимается от беспокойства, когда я чувствую, как его пальцы скользят вверх по внутренней стороне моего бедра, касаясь мягкой, теплой плоти между моих ног. Я вижу, как его глаза темнеют от вожделения, когда он прикасается ко мне.

— Хорошо, — говорит он с удовлетворением. — Ты готова для меня.

Он пытается, чтобы это звучало холодно, но даже ему это не совсем удастся. Я слышу понижение его голоса, хриплый, скрипучий звук желания, когда его пальцы пробегают по моей коже, и мое тело реагирует, несмотря ни на что, мои бедра выгибаются навстречу его прикосновениям, когда я тихо вздыхаю. Его рука движется, и я смотрю вниз, чтобы увидеть, как он разрывает презерватив, катая его по всей длине своего члена, не встречаясь со мной

взглядом.

Детей не будет. Тогда я вспоминаю о контракте и внезапно очень радуюсь, что он был готов, пока не вспоминаю, что он никогда не собирался заниматься со мной сексом сегодня вечером. Этот презерватив предназначался для какой-то другой случайной встречи, с какой-то другой женщиной, и я чувствую внезапный комок в горле, глаза щиплет от слез.

Мне должно быть все равно, но мне не все равно.

Лука ничего не говорит. Он шире раздвигает мои бедра, наклоняя свой член ко мне, и я чувствую, как все мое тело напрягается, когда я понимаю, что это вот-вот произойдет, он вот-вот...

— Расслабься, — говорит он, поднимая на меня взгляд. — Будет еще больше, если ты этого не сделаешь.

Я чувствую, как кончик его члена прижимается ко мне, и я крепко закрываю глаза, мое дыхание становится прерывистым. Я пытаюсь расслабиться, но все, о чем я могу думать, это о том, какой он большой, насколько твердый, и что он ни за что не войдет...

— Ах! — Я вскрикиваю от острой боли, внезапного давления и понимаю, что первый дюйм его плоти находится внутри меня. Мои глаза распахиваются, и я вижу его стоящим на коленях в тусклом свете комнаты, его лицо в тени, его тело слегка вздрагивает, когда его руки цепляются за мои бедра. Его глаза закрываются, когда он продвигается вперед еще на дюйм, и стон срывается с его губ.

— Ты такая чертовски тугая, — стонет он, и я вижу, как его бедра слегка подергиваются, усилие двигаться медленно почти слишком для него. Я чувствую внезапный, резкий прилив желания по моему телу, реакцию на то, что вижу, как он балансирует на грани контроля.

Я смутно соображаю. Ему нравится мое тело, что он едва может контролировать себя...

— О черт... — снова стонет он, и я чувствую, что реакция моего тела позволила ему легче, чем раньше, продолжать двигаться, сдвинуться еще на дюйм, а затем еще, пока внезапно он не наклоняется ко мне, его глаза все еще закрыты, и я понимаю, что каждый дюйм его тела погружен в меня.

Это действительно было больно. Это все еще есть, немного, но я уже чувствую, как боль отступает, заменяясь чем-то другим, болью, проникающей до глубины души, потребностью в чем-то, что я не могу точно описать.

— Лука, — шепчу я, его имя невольно срывается с моих губ, и его глаза распахиваются, встречаясь с моими, его тело дрожит надо мной.

Я вижу момент, когда его контроль ломается. Я вижу, как он пытается обуздать это, пытается оставаться отстраненным, пытается превратить это в холодную обязанность, как он сформулировал это ранее. Но когда он слышит мой голос, шепчущий его имя, я почти чувствую, что внутри него что-то обрывается, все его тело дергается, когда его бедра выгибаются напротив моих, и он издает глубокий, дрожащий стон.

— София, — стонет он, а затем его губы обрушиваются на мои.

Что я делаю? Эта мысль проносится криком в моей голове, но мое тело уже реагирует, мои руки обвиваются вокруг его шеи, когда его рот наклоняется к моему, его язык проникает между моих губ, когда его член снова входит в меня, и я чувствую, как мои ноги раздвигаются для него, мои бедра поднимаются ему навстречу, когда он скользит в меня. Это приятно, не то, что я чувствовала прошлой ночью, не та напряженная, нарастающая, ноющая потребность кончить, но что-то подсказывает мне, что в конце концов

так и должно быть.

И все остальное... о, боже. Его кожа на моей, теплая, горячая и гладкая, вкус его рта, вибрирующее ощущение его стонов на моих губах, его руки, блуждающие по моему телу, когда он растворяется во мне. Даже прошлой ночью он контролировал ситуацию, но теперь все это ушло. Есть только вздымающаяся волна его тела внутри моего, его член, толкающийся снова и снова длинными, медленными движениями, которые становятся быстрее по мере того, как ускоряется его дыхание, совпадающее с моим, когда я выгибаюсь ему навстречу, желая быть ближе. Я никогда раньше не испытывала ничего подобного, и я не могу думать о том, что это значит для меня, для нас, для нашего будущего. Все, о чем я забочусь, это тепло его тела напротив моего, прижимание моих грудей к его груди, то, как я чувствую, как он окружает меня во всех отношениях, и у меня возникает внезапная, отчаянная мысль, что я никогда не хочу, чтобы это прекращалось.

— Лука, Лука... — Я внезапно выкрикиваю его имя, сильно выгибаясь ему навстречу, когда чувствую, как что-то сотрясает меня, не оргазм, но какое-то глубокое, первобытное желание быть рядом с ним. Как будто я знаю, что он близко, и я права, потому что в следующий момент он внезапно зарывается лицом в мою шею, еще один глубокий стон вырывается из него, когда он сильно входит в меня. Я чувствую, как его бедра прижимаются ко мне, как будто он хочет погрузиться еще глубже, его член невероятно тверд, а его руки впиваются в подушки по обе стороны от моей головы, все его тело сотрясается в глубоких, изматывающих толчках.

В тот момент, когда все заканчивается, он замирает. Его тело нависает над моим, не совсем лежа на мне, а затем так же быстро он скатывается с меня, вставая. Я чувствую холод от потери его прикосновений. Так же быстро, как он потерял контроль, он восстанавливает его, связь между нами разорвана. Лука не смотрит на меня, когда снимает презерватив, направляясь в ванную, чтобы избавиться от него, и оставляя меня там, голую, на кровати. Мое тело чувствует себя странно, все еще возбужденное и неудовлетворенное, внезапно опустошенное там, где оно было наполнено несколько минут назад. Я хочу схватить одеяло и укрыться, но, кажется, не могу пошевелиться, застыв на месте в ожидании возвращения Луки.

Он включает свет, когда выходит из ванной, заливая комнату светом, и я быстро моргаю, мой желудок сжимается, когда он шагает ко мне. Все признаки мужчины, который только что потерял контроль, когда был внутри меня, который целовал меня и прикасался ко мне так, словно умирал с голоду, словно ничего не хотел больше, чем меня, исчезли. Выражение его лица снова стальное, его зеленые глаза бесстрастны, и он останавливается на краю кровати, его взгляд скользит вниз, к промежутку между моими ногами. Я вижу, как выражение его лица мгновенно меняется с плоского на сердитое, его челюсти сжимаются, и я инстинктивно напрягаюсь.

— Что не так? — Шепчу я, нервно глядя на него. — Лука...

— У тебя не было кровотечения. — Его голос холодный, пронизанный таким холодным, бесстрастным гневом, который пугает больше, чем неприкрытая ярость.

— Что? — Я отодвигаюсь от своего места на кровати, сажусь и подтягиваю колени к груди. Простынь по-прежнему гладкая и белая. — Я предполагаю, что я не...

— Ты солгала мне. — Он проглатывает каждое слово, его каменные зеленые глаза впиваются в мои. — Ты, блядь, солгала мне, София. И все это из-за того, мадемуазель, что на самом деле это не было ложью... — Затем он начинает горько смеяться, качая головой. —

Что за гребаный бардак...

— Я не лгала! — Восклицаю я, уставившись на него. — Я никогда ни с кем раньше не была, конечно, ты мог бы сказать, что...

— Ты была тугой, но это ничего не значит. Может быть, ты просто не была шлюхой, как твоя маленькая русская подружка. — Его слова похожи на шипение, гнев нарастает с каждым предложением. — Ты, блядь, солгала мне, маленькая сучка, из-за тебя меня чуть не убили...

— Я не лгала! — Я выкрикиваю эти слова, внезапно ужаснувшись этому новому уровню гнева. — Я не лгала, Лука, клянусь.

— Тогда почему у тебя не пошла кровь? — Рычит он. — София, у меня должны быть доказательства для Росси утром, что я трахнул тебя, что ты моя жена, или мы оба умрем!

Я смотрю на него, не веря. Мой страх внезапно отступает перед лицом абсолютной нелепости всей этой ситуации, всего этого глупого, запутанного беспокойства о моей гребаной девственности, которая когда-либо что-то значила для меня только потому, что это был способ отделить какую-то часть меня от него. Теперь он получил то, что хотел, он трахнул меня, и этого все еще недостаточно. Я начинаю смеяться, почти истерически, качая головой.

— Что тут, блядь, смешного? — Огрызается Лука.

— Мужчины, — говорю я, качая головой. — Какие же вы тупые, заикленные на себе, заносчивые мудаки. Вы гребаные идиоты, вы знаете это?

Лука холодно смотрит на меня.

— Что?

— Не у всех женщин идет кровь, — говорю я ему категорично. — Я думала, только о том, что смогу это сделать, а ты был так настойчив, что мы должны заняться сексом немедленно, я даже по-настоящему не подумала об этом, потому что была так шокирована и напугана всей ситуацией, но Лука, не у каждой женщины в первый раз идет кровь. Есть миллион способов, которыми это может произойти, даже не занимаясь сексом, черт возьми, уроки балета, которые я брала в детстве, могли бы это сделать. Йога. Неважно. Я свирепо смотрю на него.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной.

— Нет. — Я подавляю очередной приступ смеха. — Вы, мужчины, со своими самыми важными членами, вы думаете, что вы такие особенные, что у всех нас просто хлещет кровь, когда вы вонзаете свой член в нас в первый раз? — Я не могу скрыть гнев в своем тоне. — Ты так отчаянно хотел лишиться меня девственности, но даже этого было недостаточно для тебя. Ты должен убедиться, что я, блядь, пролила за тебя кровь.

— Это не шутка, София, — предупреждает Лука. — Росси это не будет волновать. — Он потирает рот рукой, его черты искажены напряжением и беспокойством. — Это устаревший обычай с любой точки зрения, я уже говорил тебе об этом. Но он старомодный человек, и ему нужны доказательства того, что ты моя жена всеми возможными способами. Он сказал... — Лука внезапно останавливается, поджимая губы.

— Что? — Спрашиваю я, мое сердце внезапно трепещет в груди. — Что он сказал?

— Это не имеет значения, — решительно говорит Лука. — Важно то, что мы собираемся сделать сейчас.

Мой желудок нервно сжимается. Я понимаю, что он серьезен. Не то чтобы я когда-либо в этом сомневалась, но это реальная проблема, какой бы глупой она ни была.

— Мы могли бы сделать это снова, — нерешительно предлагаю я. — Без презерватива? Врач мог бы доказать это тогда...

— Нет, — резко говорит Лука. — Я не хочу иметь детей. И, кроме того, Росси захочет крови. Кровь, это наш образ жизни, наш... — Лука отворачивается, направляясь к кожаной спортивной сумке, стоящей у комода, которая, я могу только догадываться, принадлежит ему. Он наклоняется, расстегивая молнию, и когда он шагает обратно к кровати, я вижу, что у него в руке.

Острый, сверкающий охотничий нож.

— Какого хрена! — Я громко визжу, отползая назад. — Какого хрена ты собираешься с этим делать?

— Расслабься. — Лука закатывает глаза. — Я надрежу тебе внутреннюю поверхность бедра, совсем чуть-чуть. Останется маленькое кровавое пятнышко, и Росси будет доволен.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной!

— Я не издеваюсь, — хладнокровно отвечает Лука. — Ты бы хотела то, что по сути является царапиной, София, или ты хотела бы чего-нибудь похуже? Потому что я гарантирую, что последнее Росси приготовил для нас обоих, если мы не подчинимся.

Я смотрю на него. Я так устала от глупых угроз расправы, с горечью думаю я. Все, абсолютно все, что он говорит, звучит так: "Сделай это или умри". Меня это чертовски достало. Но я снова вижу, что выхода нет.

— Ложись, — инструктирует Лука. — Как будто...

— Я поняла, — говорю я сквозь стиснутые зубы. Теперь исчез любой намек на желание. Я закрываю глаза, возвращаясь на то место, где я была раньше, мой пульс учащается в горле.

Лука забирается обратно в кровать, становясь на колени между моих ног, пока его рука скользит вверх по внутренней стороне верхней части моего бедра. Раньше это было приятно, даже возбуждающе, но теперь я просто зла и напугана. Я хочу, чтобы он убрал от меня руки, я хочу, чтобы он никогда больше не прикасался ко мне.

— Не смотри, — говорит Лука, и я чувствую холодное прикосновение острого лезвия к внутренней стороне бедра.

Это не так уж больно. Он был прав насчет этого. Это быстрая острая боль, похожая на укол, не сильнее той, что я почувствовала ранее, когда он скользнул в меня в первый раз. Но больно не от физического сокращения. Все дело в ситуации, в том факте, что я отдала Луке все, и все это было напрасно.

— Ты мог бы сделать это сразу, — прерывисто шепчу я, негодование наполняет мой голос. — Нам не обязательно было заниматься сексом, мы могли бы притвориться...

Жаль, что я не подумала об этом. Жаль, что я не отказалась от этого. В порыве страха, эмоций и шока, сопровождавших то, что Лука рассказал мне ранее, мне даже в голову не пришло точно так же, как я не сообразила по кусочкам, что Росси специально будет искать кровь на простынях. На самом деле я не думала о том, зачем они поднимутся к нам утром, только о том, что они поднимутся, и выхода из этого нет.

— Я думал...

— Что? Что я предпочла бы секс с тобой небольшому порезу на бедре?

— Ты хотела меня, — говорит Лука, защищаясь.

— Мое тело хотело тебя! Ты чертовски великолепен, и я никогда не была с мужчиной, и ты до чертиков дразнил меня прошлой ночью! — Я снова кричу, мой голос повышается,

когда я уклоняюсь от его прикосновения. — Это не значит, что я хотела отдать тебе единственное, что у меня осталось!

— София...

— Оставь меня в покое. — Я вскакиваю с кровати, отказываясь смотреть на пятно на кровати. — Просто, блядь, оставь меня в покое!

Лука ничего не говорит, но я чувствую на себе его взгляд, когда убегаю в ванную, прямо в душ, к уединению горячей воды и дверей между мной и ним.

Когда я, наконец, выныриваю, каждый намек на его прикосновение стерт с меня, свет выключен. Лука лежит на дальней стороне огромной кровати, я не могу видеть, обнажен ли он все еще, он достаточно далеко от другой стороны кровати, чтобы я могла спать, не прикасаясь к нему.

Но когда я ложусь, свернувшись калачиком в пижамных штанах и майке, которые я захватила с собой, чтобы надеть, я могу сказать, что это будет долгая, бессонная ночь. Мое тело болит, но больше не от потребности в удовольствии, а от беспокойства, мою грудь сдавливает тревога и слабое чувство предательства, и больше всего на свете я хочу быть далеко-далеко от него.

Я не могу дождаться, когда все это закончится.

ЛУКА

Моя жена ненавидит меня.

Я вижу это в ее глазах, когда мы просыпаемся на следующее утро, в том, как она отказывается встречаться со мной взглядом, как она отстраняется от меня, когда я делаю даже малейшее движение к ней. Напряжение в комнате настолько сильное, что я мог бы разрезать его ножом, по иронии судьбы, это большая часть причины, по которой она так сердится на меня.

Полагаю, мне следовало подумать об этом как о решении прошлой ночью, но я этого не сделал, когда появилась возможность наконец трахнуть мою прекрасную, невинную невесту... кто может винить меня, на самом деле? Я хотел ее, и я взял ее.

Это было лучше, чем я мог себе представить. Ее обнаженное тело было более совершенным, чем я мечтал, ее киска была самой тугой, какую я когда-либо чувствовал, настолько, что я потерял весь контроль, который планировал иметь. Она попросила меня сделать это быстро, и это было до неловкости просто, но я прикасался и целовал ее так, как не планировал делать. Я хотел сделать это сдержанно и холодно, а вместо этого трахнул ее с самозабвением, которого так тщательно пытался избежать.

Я никогда еще себя так чертовски хорошо не чувствовал, она лучше, чем любой секс, который у меня когда-либо был, лучше, чем любая женщина, к которой я когда-либо прикасался. Все, чего я хочу, это снова уложить ее в постель, исследовать все изгибы и впадины ее тела, до которых я не добрался прошлой ночью, прикоснуться к ней и попробовать ее на вкус, изучить каждый дюйм ее тела.

Но этого нет в планах, и я это знаю. Я получил одну ночь, и это было больше, чем я ожидал.

Теперь пришло время покончить с этим нахуй.

Учитывая то, как ведет себя София, не похоже, что у меня будет большой выбор. Она одевается в ванной, стараясь, чтобы я больше не видел ее обнаженной, и выходит в ярко-зеленом платье длиной до колен, которое оттеняет цвет камней в ее кольце и заставляет ее кожу и волосы сиять еще больше, чем обычно. Она самая красивая женщина в этом гребаном мире, и я женат на ней.

На самом деле это, кажется, не имеет значения.

Завтра я начну строить планы. Я найду ей квартиру, создам команду охраны специально для нее, и как только пройдет неделя или около того без каких-либо движений со стороны Братвы, я прикажу ее туда переселить. До тех пор мы можем избегать друг друга. Она будет в безопасности, и это все, о чем я должен был беспокоиться. Я не должен хотеть ее, или заботиться о ней, или чувствовать к ней что-то еще, кроме того, что у меня всегда было. Она — коробка, которую нужно задвинуть, после завершения рекламной компании для Братвы. Я не могу думать о ней никак по-другому.

Но сейчас вернуться к этому невозможно. Теперь, когда я увидел ее, теперь, когда я знаю ее. Она непокорная, приводящая в бешенство, упрямая и сильнее, чем, я думаю, даже она знает. Она еще не знает, как этим пользоваться, как определить свое место в этом мире, но в этой невинности есть что-то, что привлекает и меня тоже. Не только в сексуальном плане, но и потому, что это напоминает мне, что я никогда не был настолько невинным. Я одновременно жажду этого и возмущаюсь всем этим одновременно, мыслью о том, что когда-то у нее была жизнь за пределами той, в которой я родился.

Когда София выходит из ванной, она не произносит ни единого слова. Она собирает свои вещи, вешает платье и тщательно избегает моего взгляда, а затем садится на самый дальний от меня диванчик, изучая свой телефон, пока мы оба ждем, когда поднимутся Росси и остальные. Я сажусь на край кровати, чувствуя себя более неловко, чем когда-либо с тех пор, как был подростком. Внешне я этого не показываю, но тот факт, что я сижу на кровати в нашем номере для новобрачных, а моя теперь уже жена старательно игнорирует меня, ожидая, когда мой босс поднимется и увидит доказательство того, что я трахал ее прошлой ночью, заставляет меня чувствовать себя более чем немного неловко.

Когда раздается стук в дверь, я вижу, как она вздрагивает. Однако она не собирается вставать, и я пересекаю комнату, чтобы открыть ее, стараясь сохранить спокойное выражение лица, несмотря на собственные нервы. Если Росси заподозрит, что что-то не так, это будет касаться нас обоих, но я переспал с ней, выполнил, то что должен. Ошибка заключалась в том, что я заставил ее истекать кровью не тем способом.

Росси входит в комнату, за ним следуют его жена Джулия и Катерина. две женщины выглядят подчеркнуто безучастными, я могу только представить, что они думают об этом конкретном ритуале, а у Росси выражение тонкогубого лица, как будто он предвидит какую-то проблему, которой я не подчинился. От этого у меня в животе завязывается узел, потому что, несмотря ни на что, я в какой-то степени потерял его доверие. Во мне поднимается волна негодования по отношению как к Софии, так и к Росси. Софии, потому что ее наивность привела нас сюда в первую очередь, Росси, потому что одна глупая и неважная ложь свела на нет годы верности и работы. Вся кровь на моих руках, все, что я сделал, вся непоколебимая преданность, которую я проявил к нему и к семье, поставлены под сомнение, потому что я совершил ошибку, позволив этой девушке действовать мне на нервы. В свое время Росси знавал множество женщин. Я бы подумал, что он бы понял. Но очевидно, что он

рассматривает любую неудачу, любое колебание как возможный признак того, что ничто из того, что я делал, никогда не имело значения.

Честно говоря, это меня злит.

Есть один человек, которого я не ожидал увидеть пропавшим, и я бросаю взгляд на Катерину.

— Где Франко? — С любопытством спрашиваю я.

— Он сказал, что у него слишком сильное похмелье, чтобы встать, — говорит Катерина, слегка подергивая губами, как будто она пытается не рассмеяться. — Я спросила, спустится ли он на завтрак со всеми, но он не был уверен, что сможет прийти. Его тошнило, когда я уходила.

Джулия морщит нос, но Росси только смеется.

— Ах, снова стать бы молодым, да? — Он хлопает меня по плечу, проходя мимо меня к кровати. — Давайте посмотрим и покончим с этим. Я умираю с голоду.

Он шагает к кровати, две женщины следуют за ним, он откидывает одеяла, где все они могут видеть, маленькое засохшее пятно крови на кровати, и мне требуется вся моя сила, чтобы казаться расслабленным. У него нет причин сомневаться в этом, но я не могу избавиться от ощущения, что он каким-то образом раскусит меня. Он долго изучает пятно, и я чувствую, как сильно бьется мое сердце в груди. Но затем Росси поворачивается ко мне с широкой ухмылкой на лице.

— Хорошо провел ночь со своей женой, а, Лука? — Он снова сильно хлопает меня по плечу, и я мельком вижу лицо Катерины, оно выглядит таким тщательно скрываемым, что я не могу не думать, что она, должно быть, имела некоторое представление о том, что София чувствовала по поводу всей ситуации.

Наверное, я должен чувствовать раздражение по этому поводу, но я этого не делаю. Во всяком случае, хорошо, если София чувствует, что может довериться Катерине. Катерина, хорошая дочь, хорошая женщина из мафии, и, если мне повезет, она поможет привить Софии некоторые ценности хорошей жены из мафии, научит ее, что сопротивляться существующему положению вещей безнадежно.

София уже получила урок по этому поводу прошлой ночью.

Росси дергает головой в сторону, показывая мне, что он хочет поговорить со мной вне пределов слышимости остальных. Я выхожу вслед за ним в холл, и когда мы выходим, я слышу слабый звук разговора Джулии с Софией. Я не могу разобрать ответ Софии, но ее тон сдержанный и холодный.

Прекрасно. Пока она хотя бы вежлива.

Росси смотрит на меня, закрывая за собой дверь.

— Ты подчинился приказу, Лука. Я доволен тобой.

— У меня никогда не было намерения заставить тебя не доверять мне, — тихо говорю я. — Я хотел, чтобы она чувствовала себя в безопасности, вот и все.

— Ты всегда должен помнить, что твоя первая преданность — семье. — Твердо говорит Росси. — Не твоей семье, Лука, а большой семье, той, которая вырастила тебя и дала тебе богатство, власть и твое место в мире. Ты боролся за это и проливал кровь, не потеряй все из-за женщины. В мире очень много женщин, и ни одна из них не стоит того, чтобы из-за нее терять голову. Буквально или фигурально, — добавляет он с улыбкой, но в этом и в его тоне есть предупреждение, которое я не пропускаю. — Я забуду, что это вообще произошло, — добавляет он. — Раньше ты никогда не давал мне повода сомневаться в тебе,

Лука. Это была ошибка, оплошность. Мы все их совершаем.

— Спасибо, сэр, — тихо говорю я, но внутри чувствую, как у меня все сжимается. Росси мог бы сказать, что это забыто, но я знаю, что это не так. Сейчас против меня объявлена забастовка, и в этом мире ты не всегда доживаешь до трех, прежде чем выбыть.

— Пошли, — говорит он, кивая в сторону двери. — Я хочу поговорить с твоей женой. А после этого увидимся за завтраком. Я пойму, если вам обоим потребуется немного больше времени, чтобы спуститься, а? — Он улыбается мне, открывая дверь, и я ясно вижу лицо Софии, когда она поднимает глаза, когда мы заходим внутрь.

Это невыразительная маска, ее тело напряжено, глаза пустые и холодные. Так будет лучше, говорю я себе. Чем больше она выводит меня из себя, чем больше она избегает меня, тем легче мне должно быть выкинуть ее из головы. Чтобы умыть руки от всего этого грязного дела. Но когда она отводит взгляд, отвечая на что-то, что тихо говорит Катерина, я знаю, что это будет не так просто. Просто глядя на ее изящный профиль, мягкий изгиб ее губ и форму ее тела, я чувствую, как моя грудь сжимается, а член подергивается, мое тело хочет ее, даже когда я пытаюсь выбросить ее из головы.

Я знаю, что прошлая ночь не будет чем-то, что я быстро забуду.

СОФИЯ

Я все еще киплю после вчерашнего вечера. Порез на внутренней стороне моего бедра жалит, но это ничто по сравнению с болью от осознания того, что лечь в постель с Лукой прошлой ночью даже не было необходимости, что я отказалась от того, за что пыталась цепляться из-за пустяков. Это задевает еще больше от того, что он был прав, когда сказал, что я хотела этого. Было бы ложью утверждать обратное, но больше никогда. Я сейчас так зла, что даже представить не могу, что снова почувствую это желание, но даже если оно возникнет, я не сдамся. Неважно, что делает Лука, неважно, целует ли он меня, дразнит ли меня, ничто не заставит меня позволить ему снова овладеть мной подобным образом. Если мне пришлось сделать это один раз, то один раз, это все, что когда-либо будет.

Я вежлива, когда Росси возвращается в комнату и направляется прямо ко мне. Я знаю лучше, чем мне все это грозит, я могу злиться на Луку, но я знаю, что нужно бояться Росси. Я встаю, протягиваю руку, чтобы пожать его и поприветствовать, но вместо этого он заключает меня в объятия.

— Добро пожаловать в семью, София, — говорит он достаточно громко, чтобы все слышали, но затем более тихо, когда его руки обвиваются вокруг меня, как у псевдо-отца, он шепчет мне на ухо.

— Никогда больше не пытайся настроить Луку против меня, — предупреждает он, его голос низкий и такой мрачный, что у меня по спине пробегают мурашки. — Твой брак защищает тебя сейчас, но, в конце концов, это кольцо на твоем пальце и клочок бумаги, легко растворяется, легко измельчается. И ты тоже можешь довольно легко исчезнуть.

Затем он отпускает меня, держа мою руку между двумя своими широкими ладонями.

— Как будто у меня появилась младшая дочь, — говорит он с той же широкой улыбкой

на лице. — Я так рад вернуть дочь Джованни в семью. Он был бы так горд, если бы мог быть здесь сегодня.

Это неправда. Ничто из этого не является правдой. И мой отец не хотел этого для меня, теперь я это знаю. Но я просто улыбаюсь, мое лицо болит от усилий, и я сжимаю его руку в ответ.

— Спасибо вам, — тихо говорю я. — За свадьбу, за все. Я так рада оказаться дома.

Я мельком вижу лицо Луки, прежде чем он отводит взгляд. Он, конечно, видит меня насквозь. Но это не имеет значения. Теперь я знаю, что он не представляет реальной опасности. Каковы бы ни были его причины не позволять Росси поступать так, как ему заблагорассудится, я уверена, что он не будет тем, кто меня убьет.

Однако это не означает, что наша совместная жизнь будет приятной.

Я отказываюсь разговаривать с ним, приклеивая улыбку на лицо, когда мы вместе входим в комнату, зарезервированную для послесвадебного завтрака. Вдоль одной стены стоит аппетитный буфет, но я не могу представить, что захочу есть. Мой желудок скручивается в узел, и все, чего я хочу, это оказаться как можно дальше от Луки. Моя собственная квартира не может появиться достаточно скоро. Все это... предупреждение Росси, завернутое в фальшивые любезности, неожиданная драма прошлой ночи, страх, который не покидает меня, даже несмотря на то, что сейчас я должна быть в безопасности, я не могу избавиться от ощущения, что было бы не так угнетающе, если бы у меня, по крайней мере, было свое личное пространство. Хотелось бы сбежать куда-нибудь от этого, но не в пентхаус Луки, роскошную холостяцкую берлогу во всех смыслах этого слова, где я чувствую себя совершенно не в своей тарелке.

Эта вечеринка небольшая, только ближайшие члены семьи и высокопоставленные мужчины Росси и их жены, но я все равно чувствую себя немного раздраженной всеми этими поздравлениями, рукопожатиями и именами, которые я никак не могу запомнить. Это, по крайней мере, отвлекает меня от воспоминаний о прошлой ночи, о тепле и весе тела Луки на моем, о звуках, которые он издавал, о том, как он потерял контроль, находясь внутри меня. Я должна забыть об этом, притвориться, что этого никогда не было, отделить себя от всего, что произошло прошлой ночью. Это единственный способ, которым я смогу двигаться дальше. Я уверена, что он уже это сделал.

Больше всего на свете я хочу, чтобы Ана была здесь, чтобы я могла поговорить с ней. Я никогда не чувствовала себя более одинокой, чем в этой комнате, в окружении людей, которых я не знаю, которым на меня наплевать. Катерина, лучшее, что у меня здесь есть, и даже она была тщательно тихой и вежливой этим утром из-за постоянного присутствия ее матери. Все, что она сказала мне в гостиничном номере, было вежливыми комментариями о том, какой хорошей была свадьба и как они счастливы, что я вышла замуж за Луку, и как я должна быть рада всему этому. Я, конечно, кивнула, улыбнулась и сказала "да, я безумно счастлива". Потому что с этого момента и до того дня, когда я смогу сбежать, если этот день когда-нибудь наступит, я должна притворяться счастливой, довольной, послушной женой.

— Ты должна поесть, — шепчет Лука мне на ухо. — Я уверен, ты думаешь, что не хочешь, но возьми что-нибудь, даже если будешь придирается к этому. Остальные заметят.

Негодование разгорается во мне при мысли, что мне должно быть не наплевать на то, что кто-то здесь думает. Что я должна делать все, чего не хочу, чтобы успокоить Луку и его семью. Но это было то, из-за чего была вся прошлая ночь. И так будет всю оставшуюся жизнь, пока я с ним. Однако, полагаю, если мне придется играть эту роль, я могла бы с

таким же успехом не оставаться голодной.

Я беру тарелку со шведского стола, кладу на нее кусочки еды, особо не обращая внимания, и отступаю к нашему столику. Лука болтает с кем-то справа от себя, давая мне возможность уйти в себя, оставаясь настолько тихой и незамеченной, насколько я могу. Я не хочу ни с кем разговаривать, я не хочу притворяться счастливой. Я просто хочу, чтобы с этим покончили. Я так погружена в свои мысли, так поглощена тем, как раскладываю по тарелке кусочки копченого лосося и яичницу-болтунью, что мне требуется секунда, чтобы уловить звук взрыва.

На самом деле, на долю секунды, когда я лечу назад по воздуху, в ушах звенит и пульсирует боль, вокруг меня звенят разбивающиеся стекла и раздаются крики, я не совсем понимаю, что происходит. Нет, пока я не приземляюсь плашмя на спину, моя голова ударяется обо что-то твердое, и боль заливает мое тело, когда я пытаюсь держать глаза открытыми, чтобы увидеть, что происходит. В голове у меня все путается, и я пытаюсь встать, только чтобы услышать, как Лука выкрикивает мое имя.

— София! — Он бросается ко мне, наваливаясь своим телом на мое, его руки обхватывают мою голову. — Лежать! Не двигайся, блядь!

Кажется, что следующий взрыв разрывает мои барабанные перепонки, мою голову, и я чувствую слабую струйку чего-то теплого по моей щеке. Мое тело сотрясается от боли, ломит каждую конечность, и я чувствую тяжелый вес Луки на себе. Я все еще слабо слышу плач и вопли, но они звучат очень далеко, как будто что-то слышно через туннель.

Комнату заполняет дым. Боковым зрением я вижу, как кто-то ползет мимо меня, но это быстро забывается, когда мое зрение ненадолго возвращается в фокус, и я вижу, что Лука навалился на меня сверху, из его носа и рта течет кровь, его руки все еще подняты вверх, как будто для защиты меня. Моя рука в ловушке под ним, и когда я пытаюсь высвободить ее, я чувствую что-то теплое и влажное на его боку, липкое к моим пальцам.

Я должна встать. Я должна позвать на помощь. Я должна что-то сделать, но я не могу пошевелиться. Я с трудом могу думать. Все, что я могу чувствовать, это боль, и мое зрение снова затуманивается, сужаясь, когда я задыхаюсь под весом Луки, зная, что он может быть уже мертв, или он может умереть, и в свои последние мгновения по какой-то причине он решил защитить меня.

Жену, которую он не хотел.

Я не могу разобраться в этом. Но я не могу разобраться ни в чем, мой разум кажется затуманенным, и мое зрение все еще сужается, темнея по краям.

У меня осталась последняя вспышка воспоминания о том, как я впервые увидела лицо Луки, когда он открыл дверцу шкафа, его рубашка была забрызгана кровью, лицо окаменело, в руке он сжимал пистолет как раз перед тем, как я потеряла сознание.

А затем все становится черным.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Перевод осуществлён TG каналом [themeofbooks](https://t.me/themeofbooks) — t.me/themeofbooks

Переводчик [_Sinelnikova](#)

